

ПИОНЕР 7

1984

Здравствуй, Нечерноземье!

Достроим БАМ!

Даёшь КАТЭК!

Встречай, «Атоммаш»!

ПРИКАЗ
Всесоюзного штаба Тимура

1984 год — это год, когда советская пионерия отметила 60-летие со дня присвоения пионерской организации самого дорогого имени на земле — имени Владимира Ильича Ленина. Все пионерские поколения свято выполняют заветы вождя Революции, вместе со своими вожатыми-комсомольцами помогают старшим товарищам, стремятся по-ленински жить, учиться, работать на благо Отчизны.

1984 год — это год, когда исполнилось 80 лет со дня рождения замечательного писателя Аркадия Петровича Гайдара, чьи книги учат честно жить, много трудиться, крепко любить и беречь огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной.

Секретариат ЦК ВЛКСМ в честь этих двух знаменательных дат принял постановление о проведении III Всесоюзного слета тимуровцев с 24 по 29 июля в Черкассах. В связи с этим Всесоюзный штаб Тимура приказывает:

1. Всем союзным республикам, краям, областям направить делегатов — лучших представителей тимуровских команд и отрядов — на слет, сформировать делегации во главе с руководителями тимуровского движения, подготовить к слету рапорты, альбомы, «боевые листки», рассказывающие о тимуровских делах на Всесоюзном Марше юных ленинцев. Тимуровцам Черкасской области Украинской ССР подготовиться к встрече делегатов слета. Пригласить на слет почетных гостей — боевых друзей Гайдара, героев войны и труда, ударников пятилетки, писателей, композиторов, ветеранов тимуровского движения.

2. В дни слета в Черкассах, Каневе и Лепляве, где геройски воевал и погиб Гайдар, в пионерских лагерях, везде, где действуют тимуровские команды, в библиотеках, гайдаровских музеях провести торжественные линейки и сборы, гайдаровские чтения, кинофестивали, концерты песен о Гайдаре, встречи с делегатами I и II Всесоюзных слетов тимуровцев, с тимуровцами разных поколений, подвести итоги работы и наметить новые важные дела.

В дни слета в Каневе, Льгове, Арзамасе, «Артеке» зажечь пионерские костры в честь юбилея писателя-воина, писателя-вожатого. Провести «трудовые десанты» и заработанные средства перечислить на строительство монумента пионеров-героев в «Артеке». В лагерях пионерского актива провести учебу командиров тимуровских команд и отрядов, широко обсудить итоги и материалы слета.

3. Всем тимуровцам страны активно участвовать в подготовке к 40-летию Великой Победы над фашизмом, продолжать операции «Ветеран живет рядом», «Красные звезды Тимура», «Сад Мира», пополнить музеи боевой славы новыми экспонатами, продолжать сбор фронтовых писем, записи воспоминаний героев фронта и тыла, активно включиться в интернациональную акцию «Салют, Мир!», которая пройдет в братских пионерских организациях в рамках международной эстафеты патриотических дел «Память» в честь 40-летия Победы.

4. Начать подготовку к новой тимуровской операции «Каждой школе БАМа — выставку о Гайдаре», сбор материалов, завязать переписку и подружиться с ребятами Байкало-Амурской магистрали. Закончить операцию в ноябре 1984 года, когда завершится строительство магистрали века.

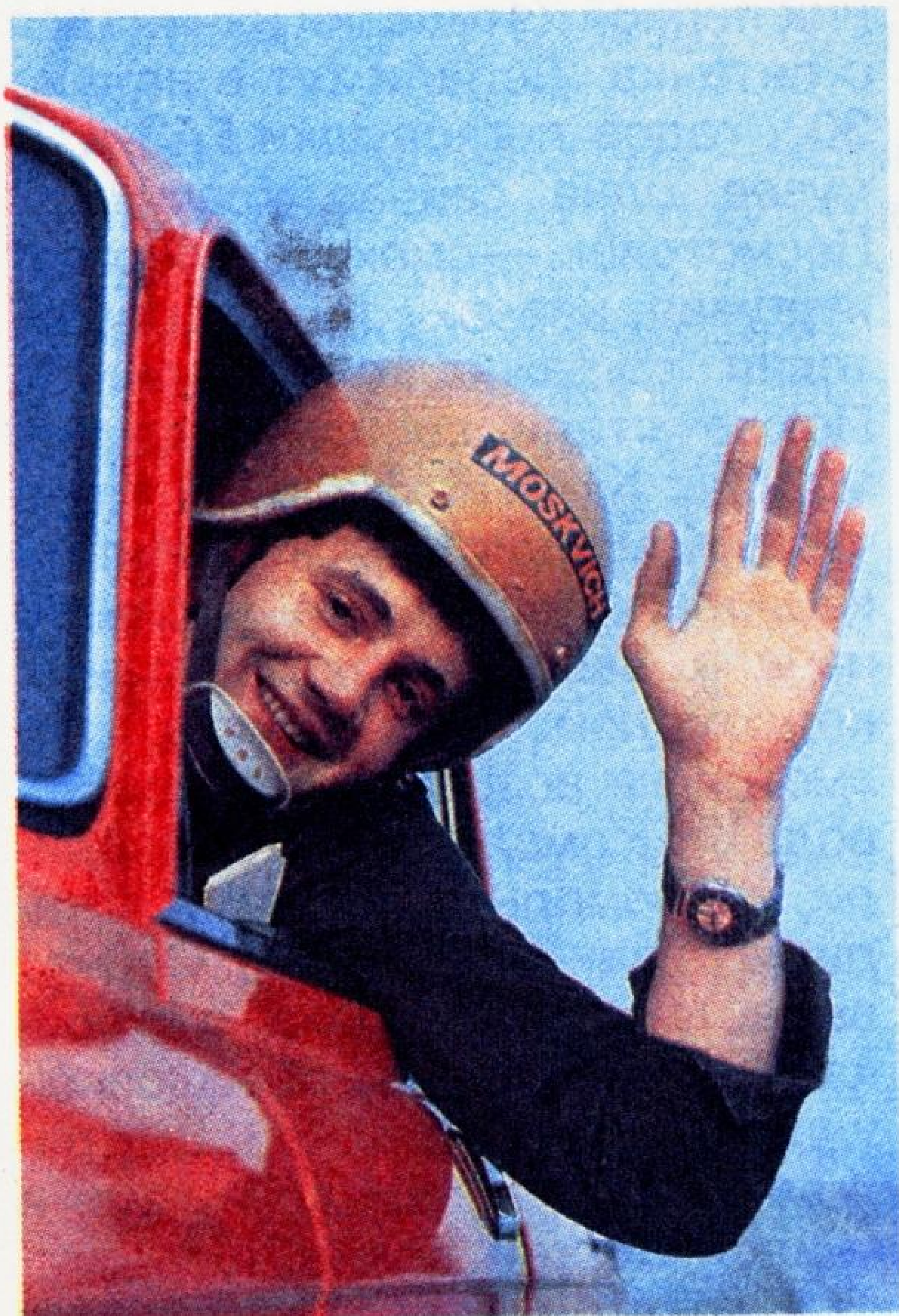
Вперед, тимуровцы!
Салют Гайдару!

Всесоюзный штаб Тимура

Москва, 1 июля 1984 года

Юрий КРУТОГОРОВ

60 ЛЕТ СО ДНЯ ПРИСВОЕНИЯ КОМСОМОЛУ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

КРУГ ЖИЗНИ

Рассказ о бригадире комсомольско-молодежной бригады автомобильного завода имени Ленинского комсомола Сергее Колине

По треку мчался «Москвич». На крутом вираже он развернулся, как-то по-детски фыркнул и, выйдя на прямую, припустил что было сил вперед. «Москвичу»-удальцу было от роду минут пять, он только-только сошел с конвейера.

Происходило это не на спортивном треке, а на заводском — он был продолжением Главного конвейера, который выпустил машину из своих металлических объятий.

Пробежав по треку семь кругов, «Москвич» остановился возле цеха испытаний, из него вышел высоченный симпатичный парень в кожаной куртке, разогнулся, как складной метр. Наверное, в салоне машины так же тесно было бы знаменитому михалковскому дяде Степе. Парень положил на сверкающий капот контрольный листок, сделал в нем какие-то пометки и припечатал на бумаге личный свой штамп под № 16. Штамп, как печать в аттестате зрелости, удостоверял: «Москвич», набегавший свои первые несколько километров, вполне может выйти на городские или сельские дороги.

На эстакаде звонко чирикали воробьи. Парень задрал голову. Может быть, ему хотелось достать воробышка, но он опять залез в «Москвич» и подогнал его в строй таких же новорожденных, готовых к отгрузке автомобилей.

Из рассказа Антонины Ивановны Колиной. «Дядя Степа», вы говорите? Верно, мой Сережка ростом удался. Я и сама не заметила, как он стал взрослым. Кажется, еще вчера играл со своими заводными машинками. Собирал, разбирал, ломал, чинил. Между прочим, никогда не выбрасывал. Вон они в его комнате. Сколько лет прошло — сохранились. Да и сейчас иногда любит ими побаловаться, а парню уже 25 годков. И на заводе все время с машинами, только настоящими. Он испытатель автомобилей. Сам себе профессию выбрал. Как я отношусь к его профессии? Как мать, порой очень волнуюсь, особенно когда задерживается. А вдруг что непредвиденное? Испытатель — дело такое. Да он сам лучше меня об этом расскажет. Сергей ведь не только за себя в ответе — он бригадир. В его комсомольской бригаде 18 парней такого же возраста. И каждый решает судьбу только что выпущенной машины: что доделать надо, какие внести исправления. Им, испытателям, многое доверено, по рассказам сына знаю. Личный штамп не каждому дается. Тут не имеешь права ни словчить, ни сработать кое-как. Иначе что же? Машина с браком так и уйдет из заводских ворот. Они настоящие контролеры... Тут я за Сережку спокойна: очень он ответственный человек. Ни себе поблажки не даст, ни другим. Я вот думаю, как многим его ровесникам этого не хватает. Да что я буду сына-то хвалить? Какая мать сына не похвалит. Как он воспитал в себе это качество? Не знаю, как и сказать. Видите ли, мы с мужем — люди рабочие. Оба в депо работаем, вагоны ремонтируем. Ну, может, Сергей с детства уяснил: от бракоделов — беда, да и только. Если что доверено тебе — хоть вот такусенькое дело,— делай его на совесть, для людей стараешься...

Сколько он себя помнит, завод всегда был под боком. И школа возле завода, и стадион и в магазин с авоськой бежишь — вот он, завод, рядышком. Автомобильный имени Ленинского комсомола. А сколько раз на экскурсии туда ходили! Потому к заводу интерес был особый, личный интерес. Да он про этот завод все знал. Ровес-

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Выходит с 15 марта 1924 г.

ИЮЛЬ 7

Москва 1984 г.
Издательство «Правда»

Прежде чем выехать на испытательный трек, проходит автомобиль длинный путь по заводским цехам.

ник первой пятилетки начинался с пятачка. Делали тут в начале 30-х годов легковушки ГАЗ-А. В музее одна сейчас красуется. Посмотришь — смех разбирает: кургузая, наверху точно брезентовая фуражка с козырьком. Позже стали собирать другую модель: КИМ-10. Назвали так в честь Коммунистического Интернационала Молодежи. С самого начала завод тесно связан с комсомолом. Это всегда, несмотря на возраст, молодой завод. Комсомольцы его возводили, комсомольцы первыми встали на Главный конвейер. Сейчас вырастают новые цеха, и стройка тоже названа Всесоюзной ударной комсомольской. Вот рядом с каким заводом жил и учился Сергей Колин.

В девятом классе уроки труда проходили в учебно-производственном комбинате. Сережа записался в класс автомобилистов и вместе с аттестатом зрелости получил водительские права. Он твердо знал, чего хо-

чет: на завод, машины испытывать.

«Ну, задумал что,— испугалась мама,— чего доброго, шею сломаешь. В институт бы лучше». Приятели вразумляли: «Чудило, ты думаешь, там только и надо что за рулем сидеть? Машину во как знать надо». «И узнаю...» В отделе кадров решительно заявил: «Пришел испытателем наниматься».— «Так сразу?» — «А что?» — «Шустрый больно. Дорасти надо до этого дела. Ты пока на конвейере научись автомобили собирать».

Ладно, и на конвейере поработаем. Километров бы сто двадцать газануть на машине — вот это да! А Главный конвейер — тихоня, он живет своей неторопливой, размеренной жизнью. Два метра в минуту — вот с какой скоростью он движется. Но ничего, решил, и это надо пройти.

На Главном конвейере — десятки участков, тут выполняется множество самых разных операций. Голенький, беспомощный кузов на старте, и его надо одеть, обуть, начинить, напичкать множеством узлов, деталей, приспособлений. Один слесарь за дверь отвечает, другой — за руль, третий — за электропроводку. Да разве все перечислишь? Сереже хотелось — и побыстрее! — все сразу узнать, все до одной операции освоить. Как же иначе? Испытатель с закрытыми глазами должен уметь собрать и разобрать автомобиль. Но скоро сказка сказывается... Лишь позже убедился: машина, какая бы скорая ни была, не терпит скороспелых неумех. Главный конвейер учил его неторопливо, основательно, как умеет учить умный, дотошный мастеровой.

Отныне завод был не просто рядышком — через забор или проходную. Завод жил в нем самом — со своим ровным гулом, лязгом металла... Ему иногда по ночам снился Главный конвейер. Колесо недокрутили, так и пошел автомобиль на стендовую площадку. Вот приспособление, которое с помощью сжатого воздуха закручивает болты,— этакая шипящая резиновая змея с четырьмя головками. Форменный Змей-Горыныч. Приставишь головки плотно к болтам — вжж-жых — колесо на месте! Как приросло. Шипящая змея чаще всего и снилась. Этот Змей-Горыныч и другие столь же волшебные механизмы помогали сборщикам со сказочной сноровкой превращать отдельные нескладные детали в изящную, нарядную машину.

Так и бежали деньки. Пришло время, когда неторопливая дорожка конвейера привела Сережу Колина на участок обкатки «Москвичей», к желанной цели — испытывать машины на заводском треке. Он теперь, правда, кое-что умел. А чтобы еще больше знать и уметь, записался в секцию маневрирования машин, получил первый разряд по

автоспорту, уже участвовал в сложнейших авторалли.

Что такое испытатель машин? Это человек, глаза которого, как рентгеновский аппарат, видят машину насквозь. Слух у такого человека, как у летучей мыши: он способен воспринимать едва уловимые шорохи частей, звуки мотора, шумы, которые живут в машине. Испытатель чем-то напоминает умелого наездника, который улавливает тончайшие настроения коня. Испытатель должен уметь слиться с новой машиной, стать на время ее зрением, слухом, осязанием. Так считают все члены комсомольско-молодежной бригады, которой руководит Сергей Колин. Это даже не бригада, скорее слаженный, дружный экипаж. Они не только прекрасные специалисты, но и спортсмены. Саша Симагин и Саша Анисимов, например, участвовали в показательных выступлениях на чемпионате мира по автородео. Первыми в стране вели «Москвич» на двух колесах по льду. Многие парни показывали замечательные результаты на различных авторалли. А до этого все были или слесарями, или водителями, или контролерами на Главном конвейере. Он их экзаменовал, теперь они экзаменуют его. Испытатель — это отдел технического контроля в единственном числе, он обнаруживает дефекты в машине.

Тем самым испытатель как бы дает оценку всем участкам Главного конвейера, советует, где что надо улучшить, усовершенствовать...

Сережа Колин приглашает меня прокатиться с ним по треку. На спидометре — около 100 километров в час. Сережа за рулем чувствует себя свободно, легко. По мне «Москвич» хоть куда — податлив, послушен, приборы сообщают необходимые сведения. Но то, что недоступно приборам, доступно испытателю. Он наклонил голову, прислушался: «Слышите?» — «Что?» — «Ну как же, клапана слегка постукивают. Тук, тук, тук. Ну?» Ничего не слышу.

Сережа смеется: «А есть, есть, постукивают. Ничего, этот недостаток легко устраним. Отмечу в контрольном листе».

Еще через минуту: «Улавливаете? Шумок от коробки передач». — «И как же теперь?» — «Рано голубушке за заводские ворота. Доводить машину надо в цехе испытаний. Все свои замечания изложу, будьте добры, чтоб машина как часы работала».

«Сережа, — спрашиваю, — но ты мог и не услышать...» — «Тогда делать мне тут нечего».

Круг за кругом. Круг за кругом.

Сережа больше не отвлекается на разговоры со мной. Он слушает машину. Рот крепко сжат, глаза чуть сощурены.

Въезжаем на эстакаду, Сережа спускается в яму — «низ» машины осмотреть. Вытирая руки ветошью, садится в салон: «Ну, что «низ»?» — «Порядок! Все сработано, как надо...»

В конструкторском бюро завода мне рассказали, что комсомольско - молодежная бригада Сергея Колина — едва ли не самый верный и точный помощник заводских инженеров. Сведения испытателей порой неоценимы. Бывают у только что сошедшего с конвейера автомобиля дефекты, так сказать, случайные, легко устранимые. Они на виду. Но вот как-то парни в один голос начали жаловаться на течь в болтах масляного насоса. Стали проверять... Все строго по технологии. А масло протекало. В чем дело? Сами же испытатели и догадались, в чем промашка. Оказалось, что резьба одного из серийных болтов с невидимым для глаза дефектом — недокручивалась до упора. Поменяли болты — все стало на место.

«Мелочь, да? — говорит рассерженно Сережа. — А из-за таких мелочей нам, испытателям, порой туговато приходится. Редко, но случается. Разгонишь машину — бац, колесо заклинило. Ну, мы-то ко всему привычны — вырулишь машину, справишься с управлением. Главное — самообладание не потерять. Потом поглядишь, в чем загвоздка, — мелочь! Вот теперь представьте, что было, если бы мы ее не заметили?

К нам в бригаду часто ребята просятся: романтика, трек, скорости, ветерок в ушах. Так-то оно так. Я да и многие мои парни так раньше думали. Но романтика у нас особая: машину во как надо знать! До самой малой шайбочки! Если ты дал автомобилю «зеленую улицу», — будь добр, головой за нее отвечай... — Сережа задумывается, ищет сравнения: — ...как за своего ребенка. Вот какая наша романтика».

Из рассказа члена бригады Саши Анисимова. Сказать прямо, бригадир у нас человек строгих правил. В общем-то он, как все мы. В поход ли идем бригадой, на лыжи становимся, на стадион — парень как парень. Весельчак. Товарищ незаменимый. Но, как бы ни дружил с кем, не простит, если тот к работе относится с прохладцей. Ох и сдерет стружку на собрании. Да и в личной, так сказать, беседе. Он, бригадир, каждого насквозь видит. Кто и как «накатал» на машине, что упустил, недоглядел. У него принцип такой: в нашем деле мелочей нет. Бывает, кто-то из ребят рукой махнет: «А, пустяк, в узле что-то скрежещет. Металлический листик об колодки барабана задевает. Делов-то!» Сережа просто из себя выходит. «Плохо, значит, обкатал автомобиль, не научил его ходить». Это его любимое присловье: «Мы учим машину ходить...»

Конечно, мы держим постоянную связь со сборщиками на Главном конвейере. Подсказываем, советуем. И все же, вы спросите, откуда берутся дефекты? Причины разные. Кто-то недовинтил, кто-то перекрутил, всякое в работе бывает. Наш бригадир не признает никаких оправданий. Теперь машина стала намного качественнее. Не скрою: есть здесь вклад нашей бригады. И бригадира. Он, между прочим, без пяти минут инженер, пятый курс заканчивает. Мы все на него хотим быть похожими. Ловлю себя на том, что иногда даже подражаю ему — походке, тому, как в машину садится. И в главном подражаю — быть честным, прямым, всего себя отдавать делу... Вообще-то комсомольцу на комсомольском заводе иначе и нельзя: нам много доверено, но с нас и спрос большой...

...И опять новенькая, сияющая лаком машина мчится по заводскому треку. И опять крутой вираж.

Я спрашиваю у Сережи, каким он видит свое будущее, ведь скоро институт окончит.

«Трудно сказать. Трек — он как круг жизни, с ним связаны все помыслы и заботы. Ясно одно: это мой трек навсегда. Породнился я с заводом. Вот какое дело...»

Мимо нас один за другим проносятся «Москвичи». Молодые испытатели учат их «ходить».

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

С. РОМАНОВСКИЙ

КОСТЕР НА ПЛОТУ

РАССКАЗ

Рисунок В. ДУДКИНА.

С верховьев Камы катер привел плот, просторный, как поле, оставил его у деревни Клесты, а сам уплыл в низовья заправляться горючим. Посредине плота у шалаша дымился костер, а около костра хлопотали люди. Про них бабушка Устинья сказала, будто про давних знакомых:

— Цыгане. Они песни больно хорошо поют! Скоро по деревне пойдут — коней смотреть.

Однако плотогоны в деревню не шли, и мало-помалу деревенские жители, в большинстве дети, сами пошли на плот — людей посмотреть и себя показать или порыбачить с бревен.

А пятиклассница Катя осталась дома: родители уехали гостить в город, и она была за хозяйку. Девочка сидела у окна и читала книгу «Три мушкетера».

Прибежала подружка Надя и, задохнувшись, спросила:

— Домовничаем?..

— Да.

— На плоту была. Ой, ни одного цыгана не видела,— рассказывала Надя.— Там живут капитан с сыном. Сына Феликсом звать. Он в шестом классе учится и стихи наизусть читает. Ооо!.. Сколько попросишь, столько и прочитает.

— С выражением? — спросила Катя.

— Еще с каким! В жизни такого выражения не слышала.

Перед гостьей Катя поставила блюдо с красными помидорами, нарезала хлеб толстыми ломтями.

— Много-то не подавай,— попросила подружка.— Солонка-то где?

Она задумчиво съела один за другим все помидоры и укорила неизвестно кого:

— Почему это человек так любит покушать?

— Не знаю,— призналась Катя.— Я сейчас читаю «Три мушкетера». Там французы тоже много едят.

— Интересная книга? — спросила Надя.

Катя ответила не вдруг:

— Переживательная.

Ближе к вечеру Катя вышла из дома и скоро увидела плот. Он изменил очертания Камы, и от его присутствия река на стрежне бежала быстрее и синела ярче. Набрякшие влагой бревна еще хранили запах соснового бора, березовых рощ или верховых болот, куда по осени ходят с ведрами и клюкву гребут, как сено, железными гребешками,— до того густо лежит ягода!..

Внезапно Катя подумала, что каждое бревно было живым, веселым деревом, и у дерева была своя родина, свои дети. Под ногами девочки иные бревна покачивались и поскрипывали, а между ними блестели «окна» воды. У одного «окна» сидел мальчик с удочкой, нахохлившийся, как галчонок после дождя. Не сводя глаз с осокоревого поплавка, мальчик сказал сердито:

— Здравствуйте, миледи.

И еще он сказал:

— Насколько я понимаю, это вы читаете книгу Дюма-старшего «Три мушкетера»?

— Я,— ответила Катя.— Это вам Надя про меня рассказала?

— Гм,— гмыкнул мальчик.— Вы ее до конца прочитали?

— Я?.. До середины.

— А вы знаете, чем все это кончится?

— Я?.. Знаю. Я в конец заглядывала.

Он окинул ее снисходительным взглядом, пожал руку жесткой и, по-видимому, очень сильной ладонью и хмуровато представился:

— Будем знакомы: Феликс.

— Катя...

— А я знаю.

— Я тоже знаю, что вы — Феликс.

— Даже?..

Мальчик похмурился-похмурился и сказал:

— Слаб человек: я тоже люблю в конец книги заглядывать. У меня терпения не хватает.

— И у меня!..

— У вас-то понятно,— рассудил мальчик.— Вы — помоложе, госпожа Бонасье. А вот у меня почему?

Он вздохнул, смотал удочку и пожаловался:

— Ни единой поклевки. Пойду почивать. Мы с отцом эту ночь не спали: вели плот в трудных погодных условиях.

Голова мальчика была опушена солнцем, оттопыренные уши розовели, росточком он был пониже Кати, и ей захотелось погладить его по голове за то, что он такой маленький, работящий и умный.

— Я вам принесу книгу «Три мушкетера»,— с чувством сказала Катя.— Она с картинками...

Девочка повернулась, бегом сбежала с плота, выровняла дыхание и огляделась.

Родная деревня Клесты в плакучих ивах и осокорях, с церковью у подножия красной горы увиделась преображенно прекрасной, словно девочке предстояло расставание с нею.

Допоздна Катя управлялась по хозяйству: накормила поросенка и кур, подоила корову, процедила молоко, поставила в подполье и до самого сна все не могла наработаться.

Поздно утром Катя понесла на плот книгу. По скользким бревнам, что покачивались на волне, она пробралась к шалашу, где на железе, на насыпном песке горел костер. Над бесцветным пламенем висело ведро, мохнатое от сажи, и в нем вода подавала голос.

А люди где?..

— Я здесь,— окликнул ее мальчик.

Босой, в тельняшке, он чистил рыбу на краю

Родная деревня Клесты в плакучих ивах и осокорях увиделась преображенно прекрасной, словно девочке предстояло расставание с нею.

плота, чешую и внутренности стряхивал в Каму, отчего на воде закипали всплески.

— Окунь бьет! — радовался мальчик.— Рыбью кровь почуял.

Он ополоснул в воде нож и руки, распрямился и улыбнулся Кате заспанной и счастливой улыбкой.

— Книгу принесла! — воскликнул он, вытирая руки о тельняшку.— Вот спасибо!..

Мальчик взял таз с вычищенной и выпотрошенной рыбой, принес к костру, рыбу одну за другой запустил в ведро, где вода била белыми ключами...

— Отец в шалаше спит,— говорил он шепотом.— Рыбу он утром поймал на моем месте... Вы никуда не уходите, Катя! Сейчас я его разбужу, и мы будем уху хлебать.

Катя попыталась представить, какой он, отец Феликса, застеснялась заранее и вспомнила несделанные дела.

— Ой, у меня скотинушка не кормлена! — тихонько вскрикнула девочка и заторопилась домой.— Что же это я? Я после приду.

Дома она по второму разу накормила кур и поросенка, вытряхнула половики, вымыла-выскоблила полы, села передохнуть на лавку, уронила ладони в подол и задремала. Девочке снилась зима, сверкающие сугробы, Кама в зеленых льдах, осокори в серебряном дыму, розовые дымы из труб; и месяц над деревней Клесты разгорелся и пригасал, как костер на синем звездном плоту.

Ее разбудила Надя и спросила:

— Ты нынче гостила на плоту?

— Гостила...

— Больше-то не погостишь: пришел катер и увел плот. Феликс велел передать тебе со «спасибом»...

Надя торжественно положила на стол книгу «Три мушкетера» и провозгласила:

— Он велел тебе кланяться!

— Да?..

— Знаешь, он что еще сказал?

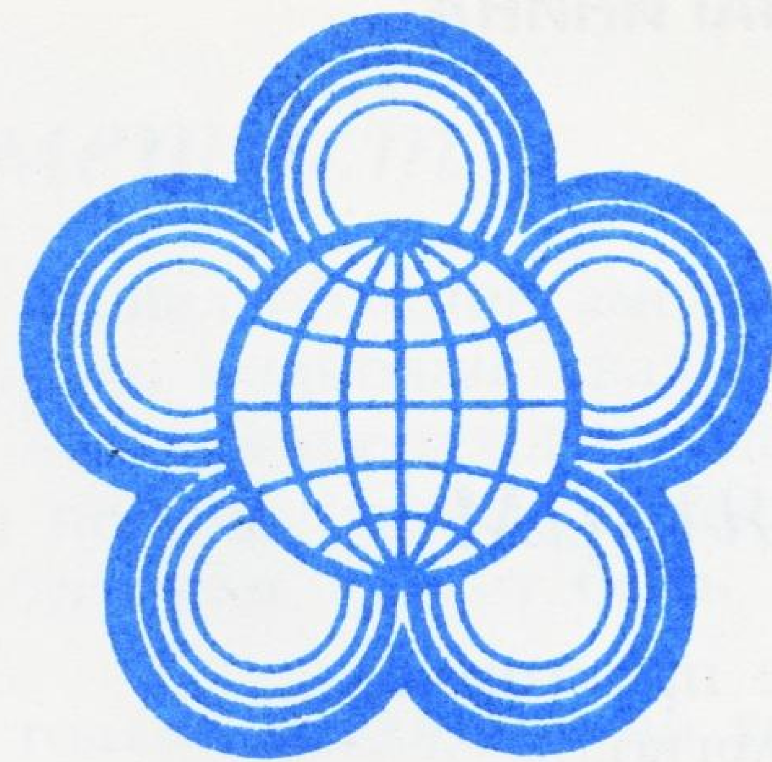
— Нет...

— Он сказал, что они с отцом каждое лето водят плоты по Каме. На будущий год они сюда заглянут!.. А бабушка Устинья тростит: «Уехали цыгане. А в деревню так и не сходили коней смотреть. Да какие у нас нынче кони?..» Ну, вроде я ничего не забыла, все сказала.

Надя ушла, а Катя медленно перелистала книгу «Три мушкетера». Ее страницы пахли смолой и сырой рыбой, к корешку пристала чешуя.

«Феликс ее всю перелистал, картинки смотрел,— с нежностью думала девочка.— У них на плоту, видно, читать нечего, а плыть ой как долго! Надо было подарить ему эту книгу...»

Над Прикамьем зажигались звезды и отражались в камских плесах — от истоков и до устья. Кама млечной рекой бежала по Катиной великой земле мимо деревни Клесты и несла на себе теплоходы, катера, баржи и плот с костром посередке, у которого вечеряли отец с сыном.

НАВСТРЕЧУ ФЕСТИВАЛЮ

XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов пройдет летом 1985 года в столице нашей Родины Москве. Журнал «Пионер» и Правление Всесоюзного общества филателистов приглашают всех ребят пройти маршрутами фестиваля, вспомнить историю фестивального движения. Объявляется новый конкурс! В нем могут участвовать все ребята пионерского возраста, а также кружки и клубы юных филателистов. Конкурсные работы должны быть красочно оформлены, ответы полными, **использовать почтовые марки для иллюстрации ответов не надо.**

ВОПРОСЫ КОНКУРСА:

1. Когда было принято решение о проведении Всемирных фестивалей молодежи и студентов? Назови советские почтовые марки, посвященные Международным организациям — инициаторам проведения этих фестивалей.
2. Когда и в каких странах проводились Всемирные фестивали молодежи и студентов? Как отмечала их проведение почтовая администрация стран-организаторов?
3. Когда фестивальное движение перешагнуло границы Европы? Были ли выпущены в СССР почтовые марки, посвященные фестивалю, проходившему на другом континенте?
4. В какой столице, принимавшей гостей Всемирного фестиваля, был проведен митинг-трибунал «Юность обличает империализм»? Выходили ли в нашей стране марки, посвященные этому фестивалю?
5. Расскажи о почтовых марках, выпущенных в честь Международной филателистической выставки, посвященной Всемирному фестивалю.
6. Почта какой страны выпустила марки, посвященные Всемирному фестивалю молодежи и студентов, с дополнительным номиналом? С какой целью были сделаны такие выпуски?

Победители конкурса будут награждены грамотами «Пионера» дипломами Правления ВОФ, книгами по филателии, каталогами почтовых марок СССР, фестивальными сувенирами. На конверте сделайте пометку «Фестиваль». Работы направляйте по адресу: 103009, Москва, К-9, ул. Горького, дом 12, Правление ВОФ. **Последний срок отправки работ 15 января 1985 года.**

ЖЮРИ КОНКУРСА

Елена БЛАГИНИНА

Я иду к ребятам

На сердце просторно,
Хорошо, легко...
Чистый голос горна
Поднят высоко.

По лугам несмятым
Через синий бор
Я иду к ребятам
На большой костер.

Я иду по кочкам,
По зеленым мхам,
По тропинкам-строчкам —
Будущим стихам.

Раздувает пламя
Ветер верховой,
И оно, как знамя,
По-над головой,

Радостнее, шире,
Все вольней горит.
О великом мире
Миру говорит.

* * *

Сто пятьдесят рубах и блузок,
И триста ног, и триста рук...
Наш двор мне показался вдруг
Необычайно мал и узок.

На солнце галстуки пылали...
Сказал вожатый, поклонясь:
— Мои ребята пожелали
Проведать на прощанье вас.

Кончается большое лето,
Подходит школьная пора.
Слова прощального привета
Мы сочинили вам вчера...

Тут вышел мальчик белобровый
И, серебром тугим звеня,
Такой спокойный и суровый,
В стихах приветствовал меня.

А я стояла у порога,
Глядела на свою семью
И думала: «Как счастья много
На долю выпало мою!»

На покосе

Начался в колхозе сенокос...
Пионеров пригласил колхоз:
— Приходите, други, во луга,
Нам подмога ваша дорога!

Косари не косят по жаре,
Косари выходят на заре,
Потому что, это знают все,
Легче управляться по росе.
Косари идут за рядом ряд,
Косы, точно молнии, горят.
Сколько накосили — погляди,—
Море позади и впереди!
Травы нынче больно хороши,
Знай себе работай, вороши!
Если уморился, ну так что ж,
Ляжешь на копну да отдохнешь.
Над тобою небо в синеве,
Шорохи и шелесты в траве.
Отдохнул — и снова за дела...
Больно уж работа весела!
Песнями натешилась душа,
Больно уж погода хороша!

Солнышко скатилось за село,
Стадо в жарком золоте прошло,
Облака надули паруса
И ушли куда-то за леса.
Поясница ноет — не беда!
Это боль не боли, а труда.
А зато как сладко будешь спать!
... Завтра утром вскочишь и опять
Побежишь в зеленые луга,
Где твоя подмога дорога.

Июль

Ну и день! Просто дивное диво!
Он пылает в крутых облаках
И, на запад клонясь молчаливо,
Держит землю на теплых руках.

Из крымской тетради

Сердолик

Трещат цикады. Жарко.
Я камушек нашла
И лучшего подарка
От моря не ждала.

Он щедрый, он богатый,
Хоть вовсе не велик,—
Слегка продолговатый
Прозрачный сердолик.

Он в тоненьком узоре,
А поглядишь на свет—
В нем розовые зори,
И солнце, и рассвет.

А в самой середине—
Мальчик на дельфине.

Облака

Не видать издалека,
Издали, из дали,
То ли это облака
На землю упали
Иль давным-давным-давно
Выплеснулась лава
И застыла, как руно,
Мягко и кудряво.
Слева—синяя скала,
Голубая—справа...
Вдруг, заблеяв, потекла
Облачная лава!
Показались овцы нам
Облаком отсюда:
Как привыкнешь к чудесам
Так и овцы—чудо.

Девочке в альбом

Грибы не любят спешки,
Тут нужен глаз да глаз.
Ведь даже сыроежки
Прячутся от нас.

Прикинутся кленовым,
Осиновым листом,
То желтым, то лиловым,—
Найди-ка их потом.

Все будет шито-крыто,
Припрятаны концы.
А уж боровики-то
Подавно хитрецы.

У них свои игрушки,
Своя, брат, канитель,
То ринутся к опушке,
То кинутся под ель,

А то поодиночке
Рассядутся на кочки.

Не про одно про это
Сказать хотелось мне,
А вообще про лето
В родимой стороне.

Про ягоды и травы,
Про солнце и цветы,
И про твои забавы,
И про твои мечты.

Аметист

А я нашел обломок аметиста
У серого подножия скалы.
Тут были минералоги недавно,
Они породы горные искали
И обронили, может быть, его.

Ты только погляди—не хороши ли
Похожие на зернышки кристаллы,
Лиловые, как вечера в горах?

Мне интересно было бы узнать,
Откуда появился этот камень,
И отчего он сделался лиловым,
И много ли столетий пролежал
В остывших недрах старого вулкана,
И что это за слово «аметист»?

Я обо всем ученых расспрошу...
А осенью возьму журнал отрядный,
В нем нарисую аметист нарядный
И все, что разузнаю, напишу.

Находка

На Тепсене[1], прямо за деревней,
Вечером, когда с прогулки шли,
Мы нашли осколок вазы древней
И домой, конечно, принесли.

Мы его музею подарили
И узнали, что давным-давно
Здесь когда-то эллины царили,
Воевали, пировали, жили,
Пили виноградное вино.

Что была языческой их вера,
Что в искусствах были мастера,
Что бессмертны славою Гомера,
Что другой поре пришла пора,—

Потому что миновали годы,
Длинные столетья протекли,
И другие сильные народы
К побережью этому пришли...

... Если даже битая посуда
Говорит чудесным языком,
Значит, снова отыскалось чудо
Вместе с этим желтым черепком.

[1] Тепсень—невысокая гора в Восточном Крыму.

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

ШКОЛА УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ

БОГАТЫХ

В шестом номере за прошлый год в рубрике «Школа умелых хозяев» был объявлен конкурс на лучший пришкольный участок.

Почту конкурса мы попросили прокомментировать специалистов сельского хозяйства, работающих в подмосковном колхозе имени С. М. Кирова. Колхоз этот — миллионер. Славится он тепличным комбинатом, где круглый год выращивают овощи и цветы. Есть в колхозе школа, а при школе — участок-огород.

Ребята в колхозе имени С. М. Кирова с ранних лет начинают работать на земле. Часто их можно встретить в колхозных теплицах, а мальчиков-старшеклассников — на тракторах в поле. Все выпускники колхозной школы получают сельскую специальность: девочки — цветоводов, а юноши — механизаторов. И почти все остаются работать в колхозе.

ТЕПЛИЦА

Галя Плотникова из города Белово Кемеровской области интересно рассказала о пришкольном участке, где растут овощи, плодоносят фруктовые деревья — яблоня, груша, кустарник ирга. Еще Галя написала: **«А сейчас на участке идет постройка теплицы. В этой работе принимают участие все от старого до малого. 1-й класс пропалывает участок вокруг теплицы. 2-й класс убирает мусор. 3, 4, 5-е классы носят кирпичи, 6, 7, 8-й — складывают кирпичи рядами, а 9, 10-й — строят теплицу. А самый старший на этой стройке — дядя Ваня, наш школьный механик».**

ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ МАТВЕЕВ, ЗАВЕДУЮЩИЙ ТЕПЛИЧНЫМ КОМБИНАТОМ КОЛХОЗА ИМЕНИ С. М. КИРОВА, КОММЕНТИРУЕТ:

— При желании каждая школа может выстроить у себя на участке простую теплицу. Для ее постройки подходят остатки лесоматериалов, стекло, полиэтиленовая пленка. В конце зимы и ранней весной, когда не хватает витаминов, у ребят на столе всегда будут свежие овощи. Даже в небольшой теплице можно получить хороший урожай. С одного квадратного метра помидоров — от 7 до 10 килограммов, огурцов — 15—18, салата — 1 килограмм. А еще в теплице можно вырастить петрушку, укроп, редиску, сельдерей... Кстати, теплица нужна особенно горожанам. Не у каждой городской школы разобьешь огород: летом ребята разъезжаются по лагерям, на огороде работать некому. А теплица будет служить школе с осени до конца мая.

Теперь несколько практических советов. Под теплицы надо выбирать участки на открытом месте, которые хорошо освещаются солнцем. Участок должен быть сухим и ровным, а еще лучше — с небольшим склоном на юг или юго-восток. От северных и восточных ветров защитят вашу теплицу деревья, густой кустарник, строения. Но они не должны мешать солнечному свету. Чтобы талые воды не разрушили теплицу, ее окружают канавой глубиной в полметра. Теплицы нельзя устраивать рядом со стогами сена, соломы, складами: мыши принесут большой вред овощам.

Так что подумайте, ребята, может быть, вам стоит взять пример с друзей Гали Плотниковой? Теплица — дело хорошее.

УРОЖАЕВ!

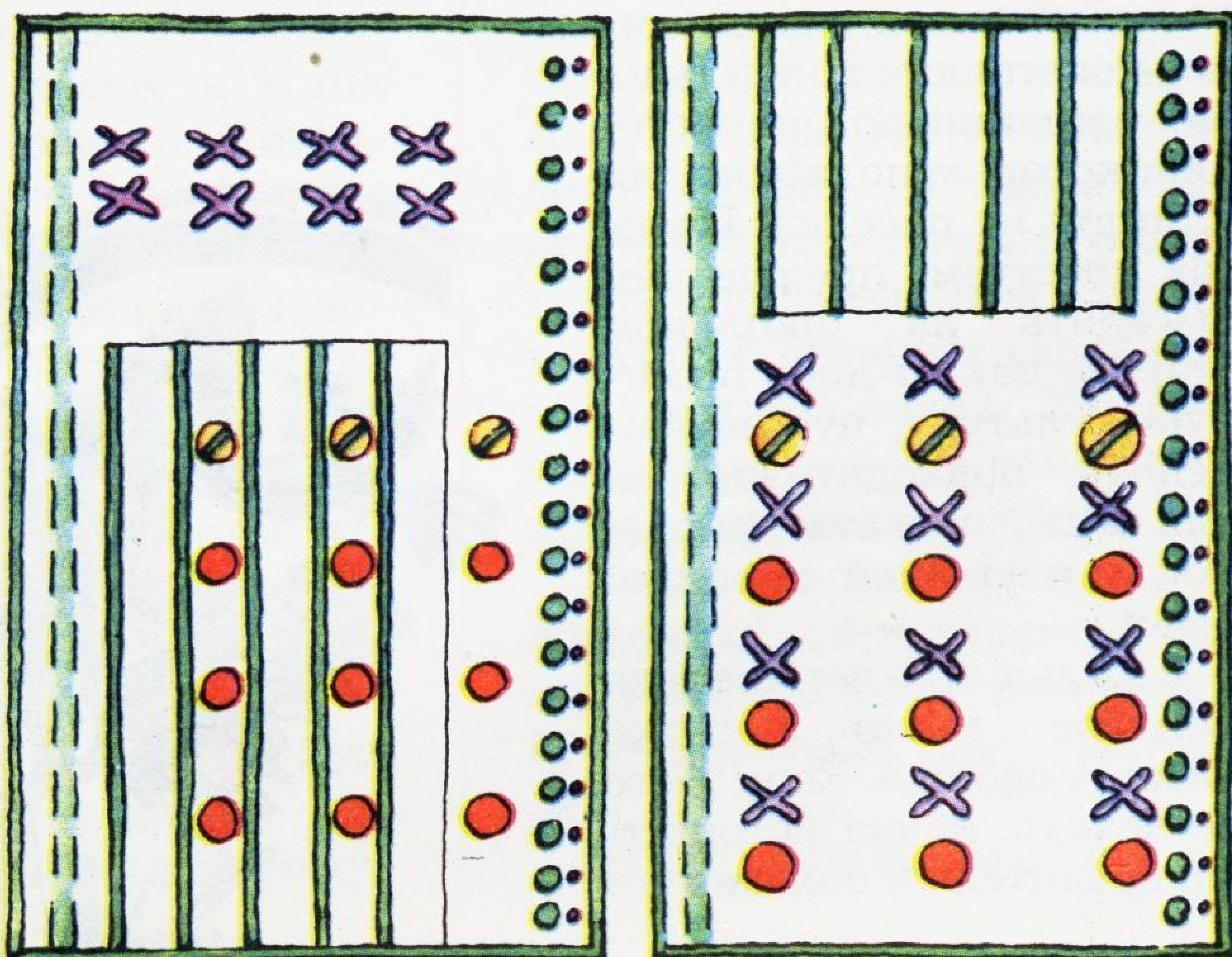
САД

В почте, пришедшей на конкурс, были рассказы о саде.

Оля Ландо из города Койта Самаркандской области написала нам, что ее школу окружает чудесный сад. **«Во владении наших ребят — целый сад. Он достался нам после большого, кропотливого труда других поколений школьников. Растут здесь яблони, сливы, кусты крыжовника, вишня, цветы. Прекрасно пахнут розы, лилии... Я прихожу уже два года в наш сад. Я становлюсь старше, и он тоже. Сад дает все больший урожай. Но порой обидно до слез, когда не можешь спасти яблоньку от жары. У нас такая жара, что пот в три ручья. Поэтому ребята, которые, как я, полюбили садоводство, остаются на дополнительные уроки, которые нам нравится проводить в саду. Мы наблюдаем за растениями, помогаем им вырасти, укрепиться и дать как можно больше плодов. Еще мы поливаем, пропалываем, очищаем от сорняков свой сад... А как приятно снимать с веток сочные и спелые плоды! Часто мы проводим конкурсы на лучшее варенье или повидло. Конкурсы проходят очень интересно. А после них мы угощаем друг друга и поздравляем победителей».**

НАДЕЖДА ИВАНОВНА ЛИЗУНОВА, АГРОНОМ-БРИГАДИР ТЕПЛИЧНОГО КОМБИНАТА КОЛХОЗА ИМЕНИ С. М. КИРОВА, КОММЕНТИРУЕТ:

— Из этого письма видно, что Оля и ее товарищи искренне любят свой сад, любят трудиться в нем. Сад воспитывает в ребятах чувство прекрасного, помогает крепче любить свой край, свою землю. Мне очень понравилось, как Оля Ландо поэтично написала: «А весной мы рады тому, что в нашем саду распускаются почки, показываются зеленые листики и весь сад благоухает».

Если вы, ребята, решили разбить на своем пришкольном участке сад, вот вам несколько советов.

Во всех садах ягодные кусты и плодовые деревья высаживают рядами. Ряды яблонь и груш, а в южных районах — абрикосов и черешен должны находиться друг от друга на расстоянии 6 метров, а деревья в ряду — на расстоянии 8 метров. Между рядами высаживают ягоды или овощи. Ведь каждый клочок земли надо по-хозяйски использовать. Нельзя между рядами сажать малину и крыжовник: они сильно разрастаются и засоряют сад.

Можно посадить кусты и деревья в саду так, как показано на двух схемах, которые мы нарисовали на 11-й странице.

Рассчитайте и будущие урожаи, зная, что яблоня или груша приносит 60—70 килограммов плодов, вишня — 10—15, черешня — 20—30, слива и абрикос — 30—40, кусты смородины или крыжовника — 5, малины — 1—1,5.

Молодые деревья в саду необходимо обрезать, в течение лета 3—4 раза рыхлить почву и уничтожать сорняки.

Поливают плодовые деревья летом редко, но обильно. В северной и средней полосах 2—3 раза за лето, в южных — 5—6 раз. Вновь посаженные деревья, больные или поврежденные надо поливать чаще. На один квадратный метр выливают 3—5 ведер воды.

ОГОРОД

Вести о школьных огородах пришли к нам из разных мест. Например, **из далекого поселка Тоора-Хем Тувинской АССР.** Письмо написала **Таня Семешова: «Я хочу рассказать о нашем пришкольном участке, работой на котором руководит учитель биологии Валентина Александровна Скоробогатова. Наш участок находится недалеко от школы. Так как климат у нас сибирский, мы выращиваем только овощи и зерновые культуры. Например: овес, рожь, пшеницу. Полученный за лето урожай мы сдаем в детские дома, ясли, школу-интернат, детский сад. Целое лето у нас работает кружок юннатов, который каждый день, помимо школьной практики, ухаживает за растениями».**

НАДЕЖДА ИВАНОВНА ЛИЗУНОВА, АГРОНОМ-БРИГАДИР, КОММЕНТИРУЕТ:

— Сибирские школьники поступают правильно: они выращивают те растения, которые подходят для климата их поселка. И вам так советуем: прежде чем высадить на школьном огороде какую-либо овощную культуру, нужно выяснить, подходит ли она для вашей области, района. Тогда и урожай хороший будет.

Каждые три-четыре года меняйте место посадки разных овощей. Если этого не делать, почва истощится, вредители и болезни того или другого овоща размножатся, а урожаи снизятся. Через три-четыре года культуру можно высевать на прежнем месте.

Сколько же можно получить овощей с 1 квадратного метра? Поздней капусты — 6—10 килограммов, моркови и свеклы — 4—6 килограммов, помидоров — 4—8, огурцов — 3—5, лука репчатого — 2—4.

Собрав урожай, вы можете сделать припасы на зиму. Например, насушите петрушку, сельдерей, укроп для супов и вторых блюд; засолите капусту, если ее вырастили много.

А теперь кратко о некоторых овощных культурах.

Морковь — необходимый овощ на каждом столе. Морковь полезна для зрения человека и для работы его желудка. Эфирные масла моркови идут на изготовление лекарств, в парфюмерную промышленность.

Морковь плохо переносит перегревы, любит влагу, особенно в первые недели своего развития, но переувлажнять почву тоже не надо.

Петрушка содержит много витаминов, а также калий, кальций, фосфор, железо. Петрушка морозостойка и холодостойка.

Весной и осенью она переносит заморозки до 6—7°. Сеют петрушку одновременно с морковью, но для получения зелени — вершков, а не корешков — ее высевают летом, не позже начала июля.

Прародитель **сельдерея** — дикий сельдерей — встречается на берегах озер и морей Европы, Азии и Африки. Сельдерей полезен полным людям, укрепляет нервную систему, улучшает сон и аппетит.

Срок посадки сельдерея — май — июнь, а в южных районах — конец февраля. Корнеплод сельдерея созревает тогда, когда верхние листья его желтеют. Сельдерей хорошо переносит заморозки.

ОТ РЕДАКЦИИ. Итак, итоги конкурса подведены. Теперь осталось назвать победителей.

Ольга ЛАНДО (г. Койта Самаркандской области), Таня СЕМЕШОВА (п. Тоора-Хем, Тувинская АССР), Света КОРЗНИКОВА (п/о Нижняя Ентола Вологодской области), Юля АНДРЕЙМАН (г. Рига), Люда БАТУЕВА (г. Кунгур Пермской области), Наташа ЗЯБЛОВА (г. Воронеж), Я. ПЕРШИКОВА (г. Гатчина Ленинградской области), Таня ПЛОТНИКОВА (г. Белово Кемеровской области), Лена МИШАКОВА (с. Новоникольское Волгоградской области).

Все они награждаются грамотами журнала «Пионер».

Мы подвели итоги нашего конкурса, но разговор о пришкольном участке не окончен. Ждем ваших писем, вопросов, сообщений. И если вы, ребята, решили разбить рядом со школой сад или огород, построить теплицу, желаем успехов, богатых урожаев и вкусных обедов!

Подготовила
И. АНДРИАНОВА.

Черкассы. Делегаты II Всесоюзного слета тимуровцев на открытии слета.

ТИМУРОВСКИЙ СЛЕТ

Тимуровский слет — это радостный праздник тех, кто шефствует над инвалидами войны и труда, помогает малышам и престарелым, часто бывает у ребят детских домов и детских садов. Тимуровский слет — это рапорт Всесоюзной тимуровской команды, которая насчитывает пять миллионов ребят, Ленинскому комсомолу, Центральному Совету Всесоюзной пионерской организации о своих делах. Тимуровский слет — это горячий разговор о том, что сделано, что и как предстоит сделать в будущем. Тимуровский слет проводится, как правило, раз в четыре года.

Давно стали взрослыми те ребята, которые в октябре 1973 года съехались в Артек на I Всесоюзный слет тимуровцев. Три тысячи четыреста шестьдесят пионеров получили мандаты делегатов слета. Сколько было интересных дискуссий, сколько вспыхнуло гайдаровских костров — не счесть! В дни слета ребята провели конференцию «Аркадий Гайдар и тимуровцы 70-х годов». А какой тимуровский слет без «трудового десанта»! Ребята помогали строителям благоустраивать пионерскую республику «Артек». Каждый из делегатов написал сочинение на тему «Чему я учусь у Гайдара и у героев его книг».

В Москву, в ЦК ВЛКСМ, был отправлен коллективный рапорт, в котором каждый тимуровец рассказал о делах своей команды.

А в июле 1979 года на легендарной украинской земле, в Черкассах, Каневе и Лепляве, где геройски погиб Гайдар, взвился голубой флаг II Всесоюзного слета тимуровцев. Незабываемы те минуты, когда ребята побывали на месте гибели Гайдара, у памятника писателю, в Библиотеке-музее А. П. Гайдара. И снова был трудовой десант. И снова были встречи с ветеранами войны и труда, с писателями и композиторами, с боевыми соратниками писателя-воина. На слете было принято Обращение ко всем тимуровцам страны.

В конце июля этого года в тех же местах, где проходил II Всесоюзный, начнет свою работу III Всесоюзный слет тимуровцев.

До встречи на слете!

Л. СИМОНОВА

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

Спроси у себя, у товарища своего. Спроси у мальчика из соседней школы, у девочки из другого города: «Кого из детских писателей ты любишь больше всего?» И, пожалуй, первым услышишь имя Аркадия Петровича Гайдара. Бегут годы, люди взрослеют, стареют, но в душе не теряется, живет благодарность детства. Не только за интересные книги, но и за позицию в жизни, которая определялась и книгами любимого писателя.

Вы помните, конечно, что А. П. Гайдар сказал однажды: мы, мол, хитрые люди, только прикидываемся детскими писателями, а на самом деле растим краснозвездную крепкую гвардию. Так вот, среди тех, кто на всю жизнь был опален огнем зажженных Гайдаром звезд, хочется вспомнить Дмитрия Дмитриевича Ерохина.

Жил он в небольшом районном поселке Колпна Орловской области. Болел. Далеко от дома уезжать не мог. Но сумел и при этих условиях, правда, с помощью пионеров и комсомольцев, создать удивительный музей А. П. Гайдара, который стал народным музеем. Собрались в этом музее воспоминания тех, кому приходилось встречаться с писателем в мирные дни и на войне. Книги его, изданные на многих языках мира. Афиши театров, ставивших спектакли по произведениям писателя. Фотографии, присланные в Колпну из архивов знавших Аркадия Петровича людей. Рапорты тимуровских команд, письма из школ и учреждений, носящих его имя. Вырезки из газет и журналов со статьями о жизни и творчестве писателя, о работе тимуровских команд. Больше трех тысяч единиц хранения, как говорят ученые люди.

Все вместе собранное в коллекции Колпнинского народного музея создает такую широкую панораму всеобщей нашей признательности и преданности писателю и человеку Аркадию Петровичу Гайдару, что лучшего памятника ни в жизни, ни в литературе и не придумаешь. И только диву даешься, как стало это под силу одному человеку, который был прикован болезнью к дому.

После смерти Дмитрия Дмитриевича Ерохина все фонды Колпнинского народного музея А. П. Гайдара сохраняет Орловский государственный музей И. С. Тургенева. Вот прочтите небольшие отрывки из воспоминаний — новые свидетельства жизни и творчества А. П. Гайдара.

Как известно, в первые месяцы 1934 года А. П. Гайдар побывал в поселке Ивня, где жили в ту пору его сын Тимур с матерью Л. Л. Соломянской — она редактировала газету ивнинского политотдела МТС. Аркадий Петрович продолжал там свою работу над повестью о колхозной деревне «Синие звезды», которую печатал журнал «Пионер». И, как свидетельствуют воспоминания, часто бывал на полях, беседовал с рабочими и даже выступал на страницах политотдельской газеты «За урожай» со статьями и частушками.

Побывал Аркадий Петрович и в местной школе, интересовался, как учится сын его, Тимур, разговаривал с директором. В разговоре возник у них спор о литературе, об одном писателе, который Гайдару не нравился, а директору школы Степанову нравился. Вот как вспоминает об этом Георгий Георгиевич Степанов: «Писателям всего легче покорять юношеские сердца»,— усмехнулся Гайдар. «Может быть, из этого соображения ты и пишешь для них?» — полушутя спросил я. Добродушное лицо Гайдара посуровело, меж белесыми бровями резко обозначились две строгие бороздки. «В литературе я себя чувствую, как в армейском строю. Я только условно принимаю название детского писателя. Я не пишу безделушек о кошках и мышках. Нам не избежать решительных столкновений с механизированными ордами фашистов. Я должен из пионерии готовить краснозвездную крепкую гвардию...» Все это проговорил Гайдар ровным, спокойным голосом, но очень раздельно и внушительно: «... Из армии уволили меня по болезни, но я не считаю себя «демобилизованным» и не хочу отвыкать даже от простой красноармейской одежды».

Воспоминания другого человека, Александра Никитича Панченко, относятся к дням Великой Отечественной войны, когда Аркадий Петрович сражался с фашистами в партизанском отряде на Украине. Панченко, в дни войны совсем еще молодой человек, комсомолец, не был призван в армию по болезни. Когда образовался Гильмязовский партизанский отряд, к нему на связь вышел партизан Василий Николаевич Сесько, бывший старший пионервожатый школы, где учился Саша. И Саше было поручено следить за немцами и полицаями, за передвижением техники, запоминать разговоры, которые ведут фашисты. Кроме того, он должен был распространять листовки, которые создавали в лесу партизаны. Воспоминания А. Н. Панченко сохраняют для нас два разговора между ним и Сесько.

«Я снова принес тебе листовки,— сказал Сесько.— Все они отпечатаны на машинке. А ты должен еще листовок с десять написать ясным печатным почерком от руки. ...Времени не хватило у нашего Гайдара больше листовок напечатать... Помнишь, книги его часто мы читали в походах, возле костра?» — «Почему же не помню? Помню. Только вот не пойму, как он оказался здесь, стал партизаном?» — «Возможно, он сам об этом когда-нибудь напишет,— ответил Сесько.— А вот эти книги ты сохрани. По просьбе Гайдара мы их подобрали в Каневе, в Музее Т. Г. Шевченко и в Каневском заповеднике. Видать, забыли их вывезти, когда все вывозили. Часть подобранных книг мы уже припрятали, часть разнесли на хранение. Когда я собирался к тебе, Аркадий Петрович вынул из кармана шинели ремень и сам перевязал туго им эти книги. Ты их сохрани. Когда выгоним оккупантов, то отдадим эти книги в музей...»

В другой раз, когда Сесько вышел на связь, А. Н. Панченко спросил у него: «Что за пожар виден был ночью?» — Василий Николаевич ответил так: «Вот уже несколько операций провели мы по разработанному Гайдаром плану. Все они имели успех. Мы действуем небольшими группами сразу в нескольких

местах. Вот и в эту ночь отряд был разделен на несколько небольших групп... У нас с Леонидом было задание поджечь хлебные скирды на полях, чтоб фашистам не досталось. Свое задание провели успешно. Три скирды необмолоченного хлеба мы подожгли...»

Немалый интерес для всех нас представляют и ответы на вопрос анкеты Колпнинского народного музея А. П. Гайдара: «ЧТО МОЖЕТЕ ВЫ СКАЗАТЬ О ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ГАЙДАРА?» Вот некоторые из них.

Герой Советского Союза летчик-космонавт Герман Степанович Титов: «В творчестве писателя А. П. Гайдара считаю самым ценным гражданственность, умение говорить с молодежью убедительно, взволнованно, без тени назидания».

Лауреат Ленинской премии писатель Николай Семенович Тихонов: «...Созданные им книги стали любимыми книгами многих юных поколений. Это значит, что в труднейшей области детского воспитания он внушил так много хорошего, пробудил такие глубокие чувства у маленького читателя... То, к чему он звал в своих произведениях, к дружбе, уважению, любви к Родине, к партии, к Ленину, он доказал своим подвигом во время Великой Отечественной войны...»

Герой Социалистического Труда, народный артист СССР Борис Петрович Чирков: «...Я, к сожалению, не был знаком с Аркадием Петровичем. И хотя и жил перед войною на одной улице с ним в Москве, да уж так мне не повезло, что даже из окна не довелось его увидеть. Но был я, наверное, одним из самых старательных его читателей. Я думаю, что искусство должно помогать людям жить, должно открывать им глаза на то доброе, что есть в человеке, должно открывать в мире то чудесное, что люди в сутолоке забот своих могут и не приметить. Вот таким художником, по-моему, и был Аркадий Петрович. И еще: читая его книги, я привязался к нему, как к Человеку чистому и доброму, такому, каким он сам хотел видеть своих современников. Уже после войны мне пришлось сняться в кинофильме по его повести «Голубая чашка», и эта работа доставила мне истинное удовольствие».

Лауреат Государственной премии СССР писатель Сергей Алексеевич Баруздин: «Я хорошо знал Аркадия Петровича и в тридцатые годы (1936—1940). Он часто бывал у нас в литературной студии Московского городского Дома пионеров, где я занимался. Так что и «Голубую чашку», и многие главы из «Судьбы барабанщика» мы слышали из «первоисточника». Аркадий Петрович сам читал нам. Но это воспоминания детства. Для меня творчество Гайдара было и остается непревзойденным образцом создания новой, советской литературы для детей. Сам я, как литератор, многому научился у Гайдара, многому учусь и многому, надеюсь, еще научусь».

Заслуженный артист РСФСР Сергей Юрьевич Юрский: «Как и многие люди моего поколения, читал книги Аркадия Петровича без конца. Все детство прошло под знаменем нескольких писателей, в том числе Гайдара. Обожал «Школу», знал наизусть «Дальние страны» и «Р. В. С.». Мой первый в жизни опыт инсценировки и режиссуры состоялся в 12 лет, и это была работа над «Р. В. С.». Гайдар прививает вкус к жизни и дает толчок к пониманию литературы. Он говорит с подростком без сахарных улыбок. Он строг. Он никогда не обманывает во имя милоты. Он чист и честен. Присоединяюсь к тем тысячам и тысячам, которые считают Гайдара одним из своих воспитателей».

Народный артист РСФСР, главный режиссер радиотеатра для детей Николай Владимирович Литвинов: «Наш радиотеатр для детей существует уже 40 лет. В его репертуаре инсценированные страницы почти всех повестей Аркадия Гайдара... В цикле передач «Спутник нашего детства» Аркадию Петровичу Гайдару отведено почетное место — передача о нем открывает цикл. Жизни и творчеству Гайдара посвящена и другая большая передача — «Всадник скачет впереди». Мы думаем над новыми постановками по произведениям Гайдара — творческие встречи с ним всегда радостны для актеров и режиссеров...»

Лауреат Государственной премии РСФСР и премии Ленинского комсомола, писатель Мария Павловна Прилежаева: «Вы спрашиваете о Гайдаре? Отвечаю: «Очень талантлив! Благороден! Высоко патриотичен!»

Когда читаешь все эти размышления о писателе и его творчестве, думаешь о том, что только время определяет место писателя в литературе и жизни. Аркадий Петрович Гайдар, быть может, как никакой другой писатель навсегда поселяется в наших сердцах — он добрый товарищ нашего детства и наш Учитель. И хотя мы постоянно сохраняем в своей душе память о нем, все же было бы неплохо, если бы в Москве открылся Музей А. П. Гайдара. Коллекция Колпнинского народного музея могла бы стать его основой. Музей А. П. Гайдара нужен нам для того, чтобы не растерять умения быть благодарным Учителю. Чтобы было куда прийти, постоять, подумать о своих сегодняшних взрослых делах и поступках.

Самостоятельности нет до тех пор, пока каждый живёт

Самостоятельности нужно учиться в деле! Когда день загружен, скуке нет места.

КТО В ЛАГЕРЕ ХОЗЯИН?

Продолжаем наш разговор: КАК СОЗДАТЬ РАДОСТНУЮ ЖИЗНЬ В ЛАГЕРЕ?

ЭЛЯ ЛАБУЗОВА, г. Нижневартовск, Тюменская область: «Прочитала рассказы ребят в «Пионере» и не могла не откликнуться. Кто хозяин в лагере? Да, конечно, ТЫ и ТВОИ ДРУЗЬЯ! Наш лагерь находится на берегу Азовского моря, а название он носит очень красивое — «Романтики». С первого дня скучно не было: ПОТОМУ ЧТО КАЖДЫЙ ДОЛЖЕН БЫЛ ПОКАЗАТЬ, НА ЧТО ОН СПОСОБЕН.

А потом мы провели удивительный день — День самоуправления. Начальником лагеря выбрали Виталия Волкова, старшей воспитательницей — Дину Рудневу, других ребят — тоже воспитателями и вожатыми. И вдруг ребята не узнали себя: ответственность изменила их. Всем хотелось провести полезное дело творчески. Придумать интересные игры, аттракционы. Быть дисциплинированными и внимательными друг к другу. На вечерней линейке взрослые сказали, что мы провели этот день «на ура!!!». Но каким тяжелым для нас был этот день! Как оценили мы то, что постоянно делают для нас взрослые. И многому научились. САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ НУЖНО УЧИТЬСЯ В ДЕЛЕ!»

ОЛЯ ПОЛИВКИНА, г. Северодвинск, Архангельская область: «Если честно, то каждый из нас знает, что САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ нет до тех пор, пока каждый живет САМ ПО СЕБЕ и САМ ДЛЯ СЕБЯ, а НЕ ДЛЯ ОТРЯДА и ЛАГЕРЯ. Мы на совете отряда решили сразу же: дружить, по пустякам не ссориться и жить весело. Никто за нас не выпустит газету, не проведет конкурса. И думать за нас никто не станет. И мы стали САМИ СОЗДАВАТЬ СВОЮ ИНТЕРЕСНУЮ ЖИЗНЬ в лагере».

СВЕТА ШАПОВАЛОВА, г. Коммунарск, Ворошиловградская область: «Весной я была во всесоюзном пионерском лагере «Артек», в дружине «Алмазная». Там все ребята живут по закону «Артек» — твой дом, и ты в нем хозяин». На второй день после приезда мы все собрались, и каждый записал на листке бумаги, какие бы мероприятия он хотел провести в отряде. Сложили все листки вместе и составили план работы. И ПЕНЯТЬ БЫЛО НЕ НА КОГО — ЧТО ХОТЕЛИ, ЧТО ПРИДУМАЛИ, ТО И ПРОВОДИЛИ. Жизнь получилась очень интересной, увлекательной и полезной».

ОЛЬГА ЛОКОТНИКОВА, г. Камышлов, Свердловская область: «Наши лагеря называются пионерскими, и жизнь в лагере ТОЛЬКО ТОГДА БУДЕТ ИНТЕРЕСНОЙ, если создавать ее будут сами пионеры. ЧТО-ТО ИНТЕРЕСНОЕ ДОЛЖНО БЫТЬ КАЖДЫЙ ДЕНЬ. Каждый! Концерт или викторина, или вечер танцев и загадок, или футбольный матч с соседним лагерем, или поход в лес. Какие у нас были и костры, и песни, и печеная картошка! Как весело проходил день Нептуна! Как интересно развертывалась военно-спортивная игра «Зарница». Вечера сказок, диспуты — их нельзя забыть. Но все это было бы не так интересно и весело, если бы предлагали и организовывали вожатые. Мы должны САМИ захотеть, и организовать, и провести, и порадоваться!»

Ребята! Если вы будете внимательно читать письма ваших товарищей, то найдете в них **подсказку и совет.** И верное размышление. А теперь мы приглашаем вас на ЭКСКУРСИЮ в лагерь пионерского актива «Звездный». Экскурсию ведет **ЛАРИСА УСМАНОВА из Казани.**

«Наш «Звездный» — лагерь пионерского актива. Мы здесь всего десять дней, и каждый день до предела загружен. КОГДА ДЕНЬ ЗАГРУЖЕН, СКУКЕ НЕТ МЕСТА.

Комиссары, так мы называем вожатых, помогают нам только тогда, когда нам трудно справиться, и мы просим их помочь, посоветовать. А так все мы сами: лекции, секции, вечера, ПОКА НЕ ПОПРОБУЕШЬ САМ, не научишься.

Приятно, когда есть традиции. Что-то, что повторяется от раза к разу. Ждешь и радуешься. У нас по вечерам гасят свет и садятся ненадолго в круг при свете свечей. СВЕЧИ ДРУЖБЫ располагают к тихому, откровенному разговору, к размышлению вслух среди друзей. Такие разговоры УЧАТ ОБЩАТЬСЯ С ДРУЗЬЯМИ, СОЗДАЮТ КОЛЛЕКТИВНОЕ МНЕНИЕ.

Песни у костра — это тоже наше любимое дело. **Общие песни сближают людей.** У костра чувствуешь плечо друга, его тепло.

Разве вам не будет приятно увидеть на окне веселого человечка, желающего «Доброго утра!», или найти на подоконнике послание от «звездных» фей с известием о начале дня добра? **Добро тоже надо научиться творить.**

Конечно, может быть, кто-то скажет: «Лагерь активистов — одно, лагерь обычный — другое». Но лагерь — это кусочек жизни, а в жизни каждому не помешает умение придумывать, творить, организовывать».

Побывав на такой экскурсии, всякий, наверное, задумается: ЧТО ЗАВИСИТ ОТ МЕНЯ В ЛАГЕРЕ? ПРАВИЛЬНО ЛИ Я ЖИВУ В ЛАГЕРЕ? ТАК ЛИ, С УМОМ ЛИ ИСПОЛЬЗУЮ СВОЕ СВОБОДНОЕ ОТ УРОКОВ ВРЕМЯ?

сам по себе и сам для себя, а не для отряда и лагеря.

Добро тоже надо научиться творить

ОКТЯБРЯТСКИМ ЗВЕЗДОЧКАМ — 60!

Этим летом исполняется 60 лет с того времени, когда впервые появились в нашей стране октябрята, которых стали любовно называть «внучатами Ильича». Сейчас, пожалуй, и не сыщешь среди нас человека, который в детстве не был бы октябренком. И ты начинал свой путь в пионеры с октябрятской звездочки. А сейчас рядом с тобой твоя сестренка или братишка — октябрята, октябрята-друзья в младших классах. Подумай, много ли ты уделяешь им внимания? Сумел ли научить чему-нибудь толковому? Поделился ли с младшими знаниями, теплотой своего сердца или просто пирожком, красивой ручкой, книжкой? ЧЕЛОВЕКУ ТАК НЕОБХОДИМО С ДЕТСТВА НАУЧИТЬСЯ О КОМ-ТО ЗАБОТИТЬСЯ, ЗА КОГО-ТО ЧУВСТВОВАТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Вот два письма. Прочти их. Обдумай. Посоветуйся с друзьями. **И напиши нам все, что захочешь сказать о меньших товарищах, об отношениях с ними, о заботе об октябрятских звездочках.**

ОЛЯ ДОРОШЕНКО, СВЕТА БУКРЕЕВА, г. Нижневартовск: «Мы с Олей подруги «не разлей вода». Мы очень любим малышей. Во дворе организовали ансамбль малышей «Каблучки». Учили октябрят танцевать, петь, выступать в концертах. На праздниках показываем концерты в конторе СУ-31. Работники строительного управления радостно приветствуют нас и увлеченно смотрят наши выступления. Недавно мы организовали для маленьких своих друзей кружок «Здоровье». По утрам делаем вместе зарядку, прыгаем, бегаем, устраиваем разные игры. Малыши, конечно, рады этому. Когда мы выходим из школы, навстречу нам бежит целый «детский сад», и каждому надо обнять нас. Кто берет у нас портфель, кто мешки со сменной обувью. Но наши подруги из класса смеются: «Такие дылды и с малышами возятся». Я и Оля, мы знаем, что говорят они неправильно, но все равно обидно».

ВИКТОРИЯ ЯРОВАЯ, г. Донецк: «С первым классом мы подружились. Мы рассказали ребятам о В. И. Ленине, о космонавтах, об Олимпиаде и о природе тоже рассказываем. Октябрята слушают нас внимательно. Собрали мы для них книги, в основном из серий «Мои первые книжки», «Книга за книгой». Еще книги о Ленине, сказки, стихи Агнии Барто и Сергея Михалкова. Запаковали все в посылку и послали свой подарок октябрятам — так нам показалось интереснее. Малыши посылку получили, радовались и догадались сами устроить у себя в классе библиотечку. Потом научили их играть, обсуждать книги. И казалось, что мы подружились и все делаем правильно. Но тут как-то у одного мальчика был день рождения. Он принес для своих ребят конфеты. Всех угостил, а нам не предложил. Мы взрослые, и нам не так уж и хотелось конфет, но обидно».

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ! ВОЖАТЫЕ ОКТЯБРЯТСКИХ ЗВЕЗДОЧЕК! Вы делаете очень важное и полезное дело. Вы очень нужны вашим младшим друзьям. И они тоже вам необходимы. Но во всяком деле всегда есть свои сложности, сомнения, удачи и промахи. Тем и хороша жизнь, что полна неожиданностей, что постоянно дает нам возможность думать и учиться.

МЫ ПРЕДЛАГАЕМ:
начать разговор о том, чему научила вас работа с октябрятами, о чем заставила размышлять, чем обрадовала, чем огорчила? ПИШИТЕ! ЖДЕМ!

РАЗГОВОР СО ВЗРОСЛЫМИ

Тревожное письмо пришло **из деревни Поволяево Орловской области от ВАЛИ КАЗНАЧЕЕВОЙ.** Прочтите его.

«Здравствуй, «Пионер»! Наша деревенька очень красивая. Посмотришь с бугра: снизу речка плещется, вверх поднимается дорога, а по бокам ее дома среди садов и деревьев. Словом, всей красоты и не опишешь: леса, луга, поле, пруды Весной, в мае, лучше всего бывает на лугах. Там такая красотища! А сколько цветов! Купальницы, кукушки и еще какие-то белые душистые цветы, первоцвет. Я знаю, что эти цветы записаны в Красной книге. Много лет любовались мы ими, но вот лето, пришли люди, которые как бы зарывают эти богатства в землю. Они осушают луга, а значит, они уничтожают цветы, которые записаны в Красную книгу».

Волнение **ВАЛИ КАЗНАЧЕЕВОЙ** вполне понятно. Ее любовь к своей земле прекрасна. Ее забота о природе вызывает уважение. И мы тут же обратились в Орловский обком комсомола, попросили выяснить, есть ли основания тревожиться. Надо ли вмешаться, помочь Вале?

Вот что ответил нам **секретарь Орловского обкома ВЛКСМ — ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ КАРАТЕЕВ:**

«Мы обращались в райисполком Орловского района, где находится деревня Поволяево, советовались с обществом охраны природы. Нам сказали, что на территории Орловского района одна заповедная зона — Стрелецкая Балка. На лугах деревни Поволяево не зарегистрированы редкие растения.

Понятно, что Валя любит свою землю, ей дороги травы и цветы, которыми любуется она с первых дней своей жизни. Это вызывает уважение. Но мелиоративные работы ведутся не на лугах, а на пашнях. И закон не нарушается. Валя может не беспокоиться».

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

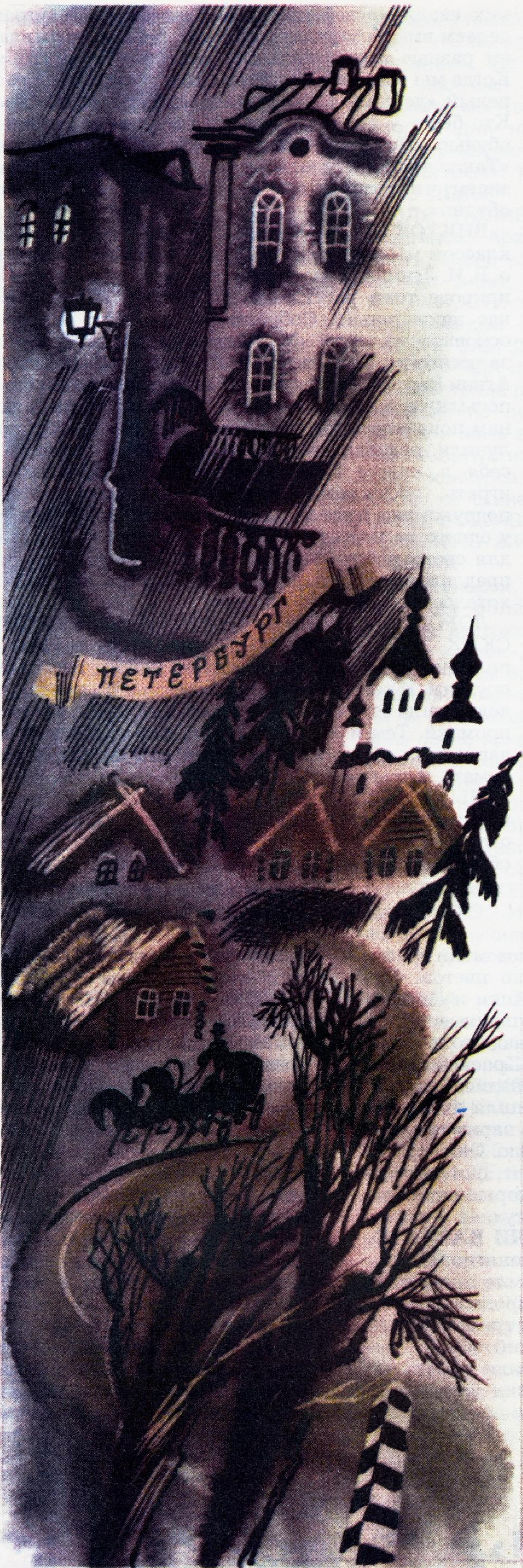
Лидия ОБУХОВА

В полдневный жар...

Повесть о Лермонтове

Продолжение. Начало в № 6.

Рисунки А. АЗЕМШИ.

Пятигорск. Княжна Мэри

Лермонтов покинул Петербург в досаде и страдании, чувствуя вину перед Раевским, сосланным из-за него на север, в Олонецкую губернию.

На следствии по делу о непозволительных стихах на смерть Пушкина он держался твердо, никого не называл, пока генерал, который вел допрос, не сказал, что послан прямо от государя. Что это царь хочет слышать правду от офицера Лермонтова, присягавшего ему. А тем, кто переписывал стихи, ничего-де не будет.

Нет, Лермонтов не испугался, что его сошлют в солдаты, хотя в покаянном письме Раевскому великодушно выставил это как причину («вспомнил бабушку... и не смог. Я тебя принес в жертву ей»). Воспитанная с пеленок дворянская верность престолу, магические слова «спросили от государя» — вот что толкнуло его к минутной слабости! Со времени юнкерской школы на парадах при приближении императора, вознесенного над строем крупом серого жеребца, и ему, скептику, невольно передавалось бездумное обожание. Он тоже ловил цокот приближающихся копыт в сладком забытьи, рот его сам собою раздирался в «ура». И за это потом без жалости он язвил себя.

Но чем смятеннее было у Лермонтова на душе, тем беспечнее представлялся он окружающим! Словно находил особое наслаждение: представляться пустейшим из самых пустых перед людьми, которых не уважал.

Две недели проездом в Москве по дороге на Кавказ прошли в суматошных удовольствиях. Вечерами ходил в театры, утром навещал родню, а днем развлекал и смешил до упаду в доме однокашника по юнкерскому училищу Николая Мартынова его сестер.

Но едва сел в дорожную кибитку, как наигранное оживление исчезло. Силу ему давало только одиночество. Люди вокруг расслабляли; кого-то он жалел, от кого-то отталкивался. Словно плыл и все время размахивал руками — держался на воде. Благодетельным островом, твердой землей становилось лишь одиночество.

Лермонтов ехал и ехал, а Россия все никак не оставалась за спиною. Мелькали пологие холмы и крестьянские пашни с прямыми бороздами — будто гребнем чесали волосы. Деревни возникали не

ный жар...

кучно, не сбившись по-овечьи, а растягивались в нитку по течению реки или вдоль дороги, тоже вытянувшейся и устремленной вперед.

Простуженный в пути на резких апрельских ветрах с дождями, в Ставрополе он окончательно слег. Стараниями родственника, старого кавказца генерала Павла Ивановича Петрова, переведен был для поправки в Пятигорский госпиталь...

Под сенью жидких липок Лермонтов вместе с бывшим однокашником по Московскому университету Сатиным наблюдал за толпой отдыхающих.

— Меня восхищает этот карнавал, который ежеминутно течет перед глазами. Готов сидеть на скамье хоть целый день. Что за преуморительные физиономии! Какие курьезные платья! Вон тот в нанковом сюртуке и с золотой кокардой на залихватском картузе. Или дама в вуалях под охраной черкесской папахи... Повсюду та же невидимая субординация. Обрати внимание, Сатин, генерал не потерпит, чтобы его стаканчик висел на крючке наравне с капитанским. Да инвалид-служитель и сам не посмеет ошибиться!

— А в каком ранжире обретаешься ты сам?

Лермонтов небрежно пожал плечами.

— Я брезглив, Сатин, и хожу с собственной кружкой.

Молодые люди замолкли, но продолжали следить за проходящими.

На Горячей горе каждые полчаса сторож отбивал время большим колоколом, давая знать, когда начинать и когда кончать прием ванн в Николаевских купальнях. Для верности он сверялся с солнечными часами, которые были установлены в сквере. Дни на водах протекали в хлопотах.

— Да здесь, кажется, пропасть хорошеньких,— продолжал Лермонтов, развалясь с удобством на скамье.— Кто та провинциалочка с опущенными глазками, жеманница в розовом капоре? Ты ведь всех, верно, знаешь, Сатин?

— Ошибаешься. Я не жуир. Но барышню, как и ее родительницу-майоршу, по случайности знаю: обе из Симбирска, места моей высылки. Госпожа Киньякова с дочерью. Мать лечит почечные колики, выпивает в день по полведра воды из источника, а дочка отчаянно скучает. Ее прозвали здесь по-английски Мери.

— Мери? Княжна Мери...— почти беззвучно повторил Лермонтов.—А вот это, представь, уже мои знакомцы,— вдруг бросил он Сатину.— Почтеннейшее семейство Мартыновых из Москвы... Дочки все красотки... Перед нами средняя, Наталья. Спасу нет

от знакомых,— пробормотал он, глядя вслед Мартыновым, после того, как встал и поклонился им.— Можно взобраться на верхушку Эльбруса и там натолкнуться на московскую кокетку под охраной матушки.

— Однако ж, признайся, она сделала на тебя впечатление?

— Натали Мартынова? Нимало. Единственная

женщина, которой я сейчас увлечен, это княжна Мери. Не стану интриговать: она лишь лицо романа, который я не делаю, а пишу.

Сатин весело расхохотался. Его бледное, болезненное лицо слегка зарумянилось. Солнце припекало все жарче.

— Вот и славно! А я уж подумал за болтовней, что ты вовсе отстал от литературы, впал в апатичность. И это когда твои стихи ходят по всей России! Симбирская молодежь прямо-таки рвет их из рук.

Лермонтов поморщился. Любой разговор о литературных занятиях вызывал в нем замешательство и тайное смущение. Он не умел говорить о поэзии вслух.

Сатин заметил заминку и чутко переменил разговор.

— Приходи ко мне ближе к вечеру. Здесь нынче Виссарион Белинский, умник преотменный. В русской словесности живет, как в собственном дому... А соседом у меня доктор Майер, философ и самый оригинальный субъект на кавказских водах. Придешь?

— Благодарствую. Непременно.

— Кстати, Белинский ведь из наших, из Московского университета.

— Эх, Сатин, сам я давно не ваш.

— Да уж, выкинул штуку, облекся некстати в мундир... Добро был бы из тех пустоголовых, которым, кроме как в уланы, и податься некуда...— Сатин с искренним сокрушением махнул рукой.— До встречи?

— До встречи. Впрочем, обожди. Все собираюсь спросить, за что тебя два года назад выслали? Московские происшествия по дороге в Петербург теряются.

— Пустое. За пасквильные куплеты. Распевали что-то вроде: «Русский император в вечность отошел...» А добрейший граф Бенкендорф обиделся. Жандармы страсть как чувствительны! Автора — в Шлиссельбургскую крепость; меня, Герцена и Огарева — в ссылку. Такой вот фарс с куплетами!

Приятели расстались. Лермонтов, подставив лицо солнцу, медленно побрел прочь. Голова его была уже занята первой встречей Печорина с княжной Мери. Образ княжны вырисовывался все яснее. Она походила немного на застенчивую симбирскую барышню Киньякову; еще более на бойкую Наталью Мартынову. Но были в ней также твердость и самоуважение стройной дамы в длинных локонах, идущей ему сейчас навстречу.

Лермонтов все прибавлял и прибавлял шаг. Но как назло попадались знакомцы! Бывший улан Колюбакин, разжалованный за пощечину командиру, привстав ему навстречу со скамьи, не удержался на раненой ноге — и Лермонтов проворно подал ему уроненный костыль. Колюбакин храбрец, забияка. Всего лишь тремя годами старше его самого.

— Последние дни ношу эту гадкую шинель,— громко сказал он, самодовольно оглядываясь по сторонам.— Приказ о производстве в прапорщики уже подписан.

— Рад за тебя,— рассеянно отозвался Лермонтов,— хотя не понимаю, чем армейский мундир лучше? Особенно от здешнего портного.

— Хотя бы тем, что если мне захочется, смогу вызвать тебя на дуэль!— захохотал Колюбакин.

— По числу дуэлей мне тебя не обогнать. Попробую потягаться в другом,— отшутился Лермонтов, ускользая таким манером от его навязчивости.

...Скорее за стол. К рукописи. Плотно сшитые листы сероватой бумаги дожидались его у распахнутого окна, в которое толкались ветки черешни.

Для писателя в явлениях жизни нет приятного или отталкивающего; он ловит странности сильного характера с таким же упорством, с каким вглядывается в серую однообразность незаметного существования.

Люди, послужившие первотолчком для образа, давно исчезли с горизонта, их судьбы пошли собственным путем. Но тень, отраженная на страницах повести, успела облечься плотью, обрела иную, собственную цель.

Встреча с декабристами

По совету Петрова он пустился догонять за Кубань отряд генерала Вельяминова («отличишься, и прощение не замедлит»). До Тамани добрался быстро. Но там море разгулялось уже по-осеннему, и пришлось поневоле застрять.

Тамань лежала голой и плоской на берегу пустынного азовского лимана.

Мазанка, куда его определили на постой, лепилась на утесистом берегу. Низкие оконца выходили во двор и на море, а глинобитный пол был устлан полынью. Спозаранку у печи копошилась тугая на ухо старуха. Ей помогал слепой мальчик в сермяге. Самого хозяина по прозвищу Царынник (прежде он досматривал степные покосы, по-здешнему царину) постоялец видел редко, лишь его молоденькая дочь то и дело мелькала во дворе и над обрывом. Ее одежда являла диковинную смесь казачьих и азиатских обычаев, но наружность показалась ему замечательной! Он не уставал наблюдать ее: смугло-матовое лицо, пряди темных волос, закрывших щеки. Движения ее были угловаты, но как-то скульптурно свободны, будто у горного животного, беспечного и настороженного... Ундина!

Любование кончилось в одночасье. Он заподозрил, что баркасы Царынника возят контрабандное оружие для продажи горцам, и вся стайка разлетелась, прихватив его военное платье, дагестанский кинжал, шкатулку с бумагами. Местное начальство лишь посмеялось: воровской, мол, тут народ.

Плыть дальше в Геленджик не имело смысла; осенняя кампания отменялась по случаю скорого прибытия царя, и отряд Вельяминова уже покидал Ольгинское укрепление.

Лермонтову выписали подорожную № 21 от Ольгинской до Тифлиса: «Во внимание, что ваше благородие прибыли к действующему отряду по окончании первого периода экспедиции... предписываю вам отправиться в свой полк...»

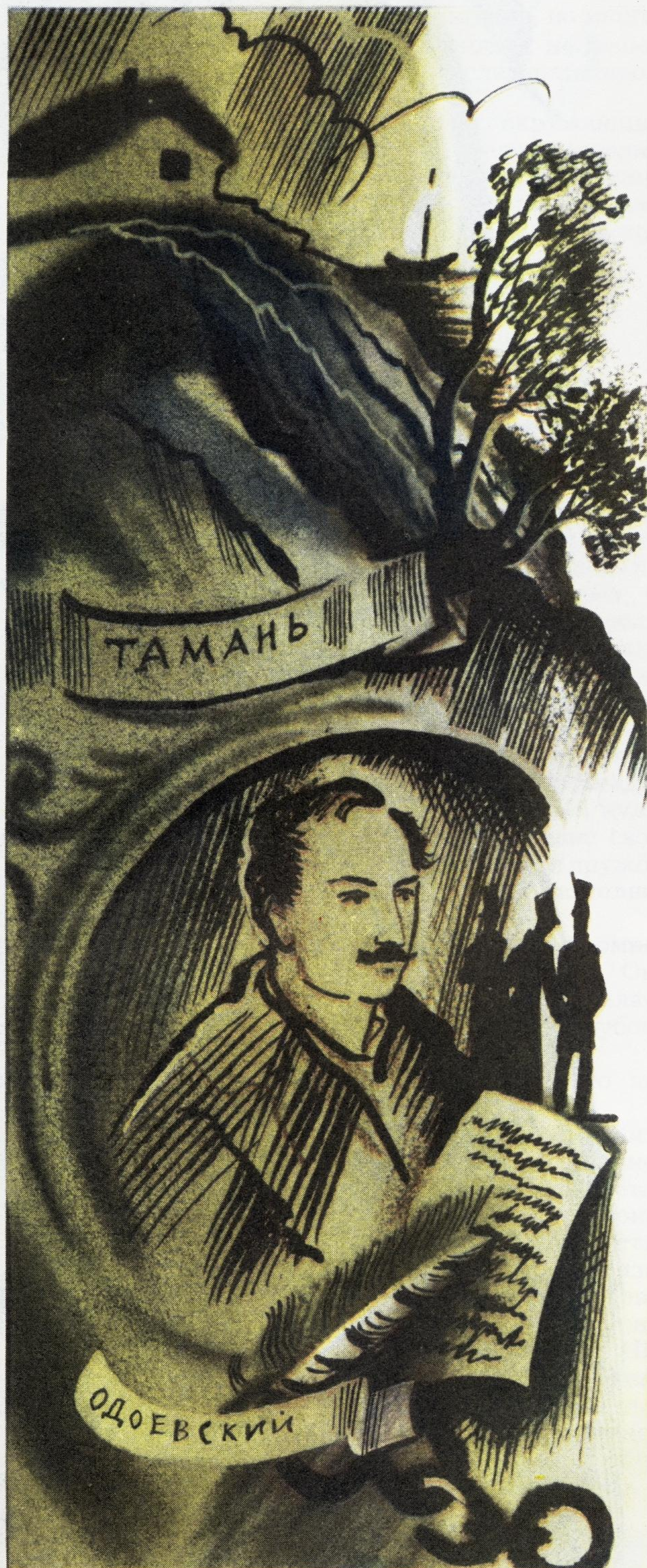
Чтобы явиться к начальству, в Ставрополе Лермонтов дожидался, пока ему сошьют новую форму взамен украденной: куртку с кушаком, шаровары и кивер из черного барашка с большим козырьком, как положено нижегородскому драгуну.

Вечера коротал у доктора Майера: тот возвратился из Пятигорска к месту постоянной службы. В двух тесных комнатках с низкими потолками было не продохнуть от трубок, а из запотевших глиняных кувшинов гостям разливали по стаканам красное вино.

Из Сибири только что прибыли несколько ссыльных декабристов. Лермонтов сожалел, что накану-

не его приезда поэта Александра Одоевского отправили с конвойным казаком дальше, да и Назимов с Нарышкиным задержались не более чем на день. При штабе оставались только Голицын и Кривцов. Оба служили на Кавказе уже по нескольку лет; Голицын за заслуги в боях был произведен в прапорщики, Кривцов дожидался того же. Перед ними в ближайшем будущем маячила желанная отставка. Другие же только начинали солдатчину.

Князь Валерьян Михайлович Голицын перелистывал наваленные в беспорядке на столе фолианты — «Историю французской революции» Минье, «Историю контрреволюции в Англии» Карреля и Токвиля «О демократии в Америке» (доктор Майер читал на трех языках). От этих книг Голицын переходил на отечественных летописцев.

— В свое время,— говорил он,— нас возмущала «История Государства Российского», потому что ее автор умилялся гармонией и порядком в любом обществе. Даже несовершенное, оно якобы освящено веками. А наша цель была изменить порядок, вызвать перемены. Мы хотели стать первым толчком.

Лермонтов пробормотал про себя, но вполне явственно для других:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

— Пушкин любил Карамзина и частенько защищал его! — с горячностью прервал Кривцов, недовольный вмешательством малознакомого офицера.— Эта эпиграмма только приписывается ему. Теперь я и сам думаю, что Карамзин во многом прав: Россия недозрела до свободы.

— Дух времени переменился? — с улыбкой спросил доктор Майер.

— Не спорю.

— И вместе с ним люди?

— Может быть. Но мы же и не хотели ничего чрезмерного!

— А разве известна мера вещей? — опять не удержался Лермонтов.

— Ах, милый друг,— примирительно вмешался Голицын.— Что будет, то будет. И все-таки наша молодость незабвенна, как первый шаг к преобразованию умов!

— Тут я с вами согласен, князь. Нынешнее поколение оставит после себя одни жандармские мундиры да гусарские ментики.

Провожая Лермонтова последним, доктор Майер слегка пожал плечами.

— Они очень отстали образом мнений от настоящего времени. А знаете,— добавил он другим тоном,— что Грибоедов называл кавказскую войну борьбой барабанного просвещения с лесной свободой?

— Вот как? — живо подхватил Лермонтов.

Странствие с Александром Одоевским

— Ваше благородие,— вполголоса сказал денщик, разложив у подножия дуба походный поставец с сыром, хлебом и вареными яйцами.— В сакле ночевал еще один проезжий. При них конвойный казак.

Лермонтов тотчас догадался, что это Александр Одоевский.

— Князь,— сказал он, слегка поклонившись сгорбленному, плохо побритому человеку в солдатской шинели.— Мне сказали, вы ждете оказии в Нижегородский полк? Прапорщик Лермонтов. Назначен туда же. Окажите милость присоединиться.

Одоевский вскочил, взял под козырек, потом опустил руку.

— Сердечно рад.

— Тогда, может быть, откушаем? В поставце яйца вкрутушку...— У него вырвалось словцо из далекого детства, когда нянюшки и мамушки подносили ему то блюдце, то тарелку, умильно заглядывая в лицо и припевая: «Попробуй, батюшка, только лизни...»

Одоевский улыбнулся. Остаток скованности его покинул.

— Ах, как славно: вкрутушку! Сто лет не едал.

Они присели рядом и заговорили уже совсем по-свойски.

Дальше они странствовали вместе, то пускаясь вдогонку попутному транспорту, то с беспечностью отставая от него.

Позади оставалась северная Кабарда, там, где она смыкается с Осетией, горы в полусолнечной дымке трав, ложбины, засеянные овсом, купы плодоносного шиповника и ореховые заросли, переходящие в скудный горный лес. Даже встретилось одно дождевое озерцо: появилось после ливней и вот же, не мелеет. Воздух жужжал пчелами и звенел кузнечиками. Слоистое небо нависало ровным колпаком — словно стоишь в центре мира...

Разговоры их не прерывались ни на минуту и становились все откровеннее.

— Царская фамилия стояла на пути к свободе,— жестко сказал Лермонтов.— Что ж вы не стреляли по государю, стоя против него в каре на площади?

— Помилуй, как можно,— пробормотал Одоевский, зябко поводя плечами.— Я с ночи дежурил у спальни государя. Ночью он проснулся, спросил, что за шум у дверей. Я ответил, что смена караула. Мы были одни...

Лермонтов смотрел на него с участливой жалостью.

— Святые вы простаки!

— Полно, полно. Не веди ты эти речи ради Христа. Предупреждал генерал Вельяминов: повсюду незримо голубые мундиры.

— Моя голова ими уже помечена,— отозвался Лермонтов с напускной беспечностью.

Они помолчали, думая каждый о своем.

— Не прими и ты в обиду,— сказал наконец Одоевский, не в силах сладить с неотвязной мыслью.— Но откуда у тебя эта холодная злость ко всему, чем утешаются другие люди? Ты молод, имеешь любящую родню и обеспеченное будущее... Государь наверняка скоро простит тебя... Наконец, ты поэт, каких у нас мало! Верю, ты наследуешь пушкинскую лиру!

Лермонтов как бы внутренне отмахнулся от половины лестных слов дружелюбного попутчика. Отозвался лишь на то, что мучило его самого.

— Вы жили смолоду в мире, который улыбался близкими свободами. Даже Сибирь не охладила вам сердец. У меня нет таких обнадеживающих воспоминаний. Мой опыт другой, а время — темная ночь без всполоха и отклика.

— Но за ночью неизбежно приходит рассвет!

— Для тех, кто успеет его дождаться... А,— добавил Лермонтов совсем другим тоном,— вот и мой денщик с твоим казаком! Видно, подоспела оказия.

— Вы удачливее нас,— сказал он, когда они снова остались наедине.— Вы верили мечте и сполна познали борьбу. Наш удел — лишь разочарованность проясненного ума. Все мертво, все вытоптано вокруг нас.

— Проясненный ум обязательно найдет выход на живую тропу, Миша,— возразил Одоевский, касаясь его рукой, жестом милосердным и почти

детским, тронувшим Лермонтова.— Только ты, сделай милость, не задирайся, не зли всех вокруг.

— Не могу я слушать благоглупости! Вечные надежды на чудеса.

— Нет, ты не прав. Поверь, есть достойнейшие люди. Жаль, ты не сошелся с Назимовым покороче. Знаешь, как он ответил государю? «Вы, ваше величество, превратили дворец в съезжую!»

Одоевский увлекся. Лермонтов не прерывал его.

«Отрада одиночества» решительно перестала тешить повзрослевший ум. Мучительно тянуло окунуться в «толпу» — уже не романтическую и отстраненную, а вполне реальную, состоящую из множества разнородных личностей, возможно, во многом подобных ему, но еще не выявленных, не дошедших полностью до его сознания, а следовательно, и не сроднившихся с душой.

Жадность чисто писательская к окружающим людям, проявлению их характеров теперь дополнялась желанием быть понятым в свой черед другими, чтобы ум с сердцем были в ладу, чтобы не страдать от отчужденности, которая при трезвом рассмотрении грозила душе бесплодием.

Семья Чавчавадзе

То, что здесь, на краю света, в Тифлисе, у него нашлись родственники, и рассмешило, и раздосадовало его. Казалось, мир состоит из Столыпиных и Арсеньевых, из Арсеньевых и Столыпиных со всеми их разветвлениями. Но не из Лермонтовых.

Он остановился в доме у Прасковьи Николаевны Ахвердовой, урожденной Арсеньевой. Та была замужем за боевым кавказским генералом, который одно время был губернатором Грузии, славилась столичной образованностью и любезным обхождением. Князь Александр Герсеванович Чавчавадзе, сторонник сближения русской и грузинской культур, охотно доверил Прасковье Николаевне свою дочь Нину. Обе семьи связала многолетняя дружба. В гостиной Ахвердовой произошла и помолвка княжны с Грибоедовым.

Нина Александровна Грибоедова живо напомнила Лермонтову его кузин, подружек юности. Она была оживлена и доброжелательна, держалась просто, смотрела с тихой лаской. Он глубоко вздохнул.

— В воздухе вашей гостиной есть нечто ангельское.

Нина вскинула брови, словно спеша отклонить банальный комплимент, но он продолжал серьезно:

— Вы, наверно, заметили, что в разных местах ощущаешь себя неодинаково, даже если это происходит в один и тот же день? Внутреннее чувство подчиняется чужому влиянию. И совсем необязательно это должен быть человек. Гора, дерево, облако тоже способны вызвать в душе перемену.

— Мне понятна ваша мысль,— сказала Нина.— Так бывает и со мною. Словами не выразишь, но будто весть издалека...— Усилием воли она отогнала набежавшее воспоминание. «О погибшем муже»,— безошибочно догадался Лермонтов.— Однако уверяю вас, что ангелы не присаживались в эти кресла!— шутливо докончила она.

— А вот об этом уж позвольте судить мне,— подхватил он ей в тон.— Я столько писал об ангелах и демонах, что шелест крыла мое ухо ловит безошибочно...

— Что же вы писали?

— О, это просто набросок. Во мне живет образ. Я назвал его Демоном. И сколько уже раз приступал... Он, видите ли, полюбил смертную девушку.

— Разумеется, прекрасную?

— Разумеется. Не прекрасных женщин нет, если на них смотрят глаза, которые их обожают. А Демон полюбил впервые в жизни. Знаете, как начинались мои наброски?

Печальный Демон, дух изгнанья,
Витал под сводом голубым...

— Как странно,— сказала она.— У нас есть горское сказанье, злой дух Гуд тоже полюбил грузинскую девушку...

— Я уведу твоего гостя, милая Нино,— сказал, появляясь в дверях, князь Чавчавадзе, широколобый, смуглый от солнца, с раздавшимися плечами, но все еще стройный и прямой.

Впрочем, как показалось Лермонтову, не было мужчины, которого не красила бы кавказская одежда — чоха, перетянутая поясом, с воинственными газырями на груди и молодцевато отброшенными рукавами.

— Для дочери,— сказал князь мимоходом, учтиво полуобернув лицо (он шел на полшага впереди),— каждый петербуржец, словно запоздалая весть от моего погибшего зятя. Как отец, я желал бы ей нового брака. Но она сама не ищет утешения.

— Да,— неопределенно отозвался Лермонтов,— северный ветер был немилостив к вашему дому.

Он имел в виду не только трагическое вдовство Нины Александровны, но и недавнюю ссылку самого князя после неудачного заговора сторонников восстановления династии Багратиони. Хотя Чавчавадзе отрицал участие в заговоре и даже сочувствие к нему, он был обвинен в том, что не открыл замысла «родственников и единоземцев».

Отставной генерал Нижегородского драгунского полка Александр Чавчавадзе произнес со значением:

— Мы дважды братья: как офицеры одного полка, но более того как поэты!

Серьезность этих слов внезапно смутила Лермонтова.

— Вы слышали о моих опытах?..— спросил он.

Чавчавадзе плавным торжественным жестом приподнял правую руку.

— Песнь над гробом Пушкина, подобная трубе гнева, не могла не быть услышана всеми благородными сердцами.

Через неделю, вдоволь набродившись по Тифлису и перезнакомившись с разными людьми, он отправился в Царские колодцы, вблизи которых в урочище Карагаач стоял его полк.

А первого ноября 1837 года в Тифлисе был получен номер «Русского инвалида» с приказом о переводе прапорщика Лермонтова в Гродненский гусарский полк, который стоял под Новгородом.

Царское Село и высший свет

В Новгороде он тоже задержался ненадолго: бабушка выхлопотала ему перевод обратно в лейбгвардию.

Царское Село оставило Лермонтова почти равнодушным. Его донимали эскадронные учения. Бабушкина тройка стояла всегда наготове, чтобы умчать в Петербург при первой возможности. Царскосельские парки в листве, светящейся позолотой, не находили в нем своего певца; в отличие от Пушкина он не любил осени. Он бывал мрачен и зол, но никогда меланхоличен. Весь образ Царского Села уместился у него в насмешливых строчках о похождениях Монго, его столыпинского родственника:

Садится солнце за горой,
Туман дымится над болотом...

Лермонтов не нуждался в толчке для рождения стиха. И уж тем более не утихомиренной природе было становиться его музой!

Многие оставили на царскосельских дорожках свои зримые следы. Лермонтов промелькнул отстраняющей тенью.

...Он возвращался перед рассветом в прескверном настроении. Много острил, ловко танцевал, в общем, делал все, чтобы убедить себя и других, что он счастлив и беззаботен.

Еще шесть лет назад, когда в Париже появилась новинка — роман Стендаля «Красное и черное», Лермонтова поразил разговор русского Каразова с Жюльеном Сорелем о том, что в свете нельзя грустить, чтобы не предположили, что вы бедны и несчастны, а следует лишь скучать, так как это наводит на мысль о полном вашем благополучии и пресыщенности им. Эта мысль произвела впечатление на юного Мишеля. Возможно, она послужила толчком к созданию его собственной светской маски?..

Свет тянул Лермонтова не потому, что нравился,— но то была арена, схожая с цирковой! Он входил в очередной салон, подобравшись, одинаково готовый к нападению и к обороне. Готов был помериться силами, понятия еще не имея, кто станет его очередным противником.

Общепринятое мнение имеет чрезмерную власть над людьми определенного круга. Даже если их собственные наблюдения не совпадают с ним. Лермонтов — этот дерзкий пролаза в высший свет, неуклюжий офицерик с неприятным выражением лица и злым языком — в одночасье превратился в знаменитость, остроты его повторялись почти благоговейно, гостиные распахивались с льстивой поспешностью, а в наружности его явственно обозначилось уже нечто львиное, манящее, почти прекрасное...

Свет, конечно, и раньше знал Лермонтова. Издавна примелькался броский гусар, с хорошей родней, но без собственного громкого «имени». Стихи создали ему это «имя». Он сделался в моде.

Лермонтов понимал, что, воплощаясь, мечты не всегда сбываются. Просто потому, что человек меняется сам и то, чего он жаждал прежде, теперь не ищет нимало.

«Бэла» была уже написана.

Круг литераторов

Два года назад Святослав Раевский познакомил Мишеля со своим университетским однокашником, начинающим журналистом. Сдержанный в движениях, щуплый, с узким бледным лицом и умным, иногда неожиданно печальным взглядом, Андрей Краевский был тогда еще при малозаметном деле: помощником редактора «Журнала народного просвещения». Но одновременно участвовал в составлении «Энциклопедического лексикона», а у Пушкина в «Современнике» вел корректуры. Он был хорошо образован, сам писал статьи в духе возникающего славянофильства. Наследственная деловая хватка (его мать содержала в Москве пансион) вскоре сказалась: он стал негласным редактором «Литературных прибавлений» к газете «Русский инвалид», а в конце 1838 года уже перекупил журнал «Отечественные записки», куда и пригласил из Москвы Белинского.

Лермонтова он отличил сразу, безошибочным чутьем. Досадуя на школярский нрав любезного Мишеля — тот врывался в кабинет, гремя плохо пристегнутой саблей, бесцеремонно раскидывал деловые бумаги, однажды даже опрокинул стул вместе с почтенным редактором! — Краевский умел ценить стихи, которые Лермонтов небрежно бросал ему на стол. Печатал все и немедленно. Уезжая на Кавказ, Лермонтов оставил «Бородино» — Андрей Александрович со смелостью и упорством представлял читающей России новое светило. Именно он привел Лермонтова с «Тамбовской казначейшей» к Жуковскому. В его редакционном кабинете тот перезнакомился со всеми тогдашними литераторами.

Ближе других Лермонтов сошелся поначалу с Владимиром Соллогубом: оба начинали одновременно с большими надеждами. Оба принадлежали к свету.

Соллогуб был терпим и покладист — самая притягательная в нем черта. И не менее опасная. Он никому не мог отказать, даже Пушкину, когда тот однажды сгоряча вызвал его на дуэль. Хорошо, что их быстро помирили. Пушкин расхохотался своим нервным, пронзительным смехом, Соллогуб тоже улыбался, хотя никак не мог отойти от леденящего ужаса, что еще чуть-чуть, и ему пришлось бы целиться в Пушкина. К его чести надо сказать, что о себе он не подумал вовсе. Он не был трусом. Просто светская жизнь воспитала в нем бессознательную привычку измерять окружающее мерками тех людей, возле которых ему случалось находиться.

Лермонтов видел приятеля со всеми скрытыми слабостями, со всеми изъянами натуры. Он наблюдал светского щеголя с любопытством. Не то чтобы тот был насквозь фальшив, но мелководен и лишен природной простоты. Он умел забавлять, вносить оживление. Многие годы, казалось, могли проходить над ним, не затрагивая ни ума, ни веселости его...

— Я мучаюсь над листом белой бумаги, боюсь его порой,— признался однажды Соллогуб с неохотой. С безмолвной завистью смотрел он, как Лермонтов быстро вел перо по бумаге.— А ты, Лермонтов, пишешь, будто спешишь от счастья. Откуда ты берешь свои стихи?

Лермонтов слегка пожал плечами, не отрываясь от листка.

— Я их слышу.

Неожиданно отложил перо и словно задумался, то ли припоминая что-то, то ли размышляя: надо ли говорить?

— Несколько раз в жизни у меня бывали странные случаи,— как-то нехотя начал он.— Это не имело отношения к людям. Словно раздергивалась завеса и весь мир — с дождем ли, с солнцем, моро-

зом или сухим пыльным ветром, входил в меня целиком. Мальчиком, на Кавказе, увидав впервые синие горы, я потерял на секунду самого себя. Я стоял очарованный. Но не униженный их величием рядом со своей малостью, а вознесенный до их вершин... Ничего не зная о них, я был переполнен чувством нашего родства. Или позже, в Тарханах. Я был болен тогда, меня возили в коляске. И вдруг хлынул короткий дождь, как только бывает жарким летом: шумел, хлестал, светился, капли пели, как птицы, струи играли смычками... Все прошло, и все осталось во мне.

— Ты промок?— спросил Соллогуб, чтобы вставить хоть что-нибудь, потому что Лермонтов замолк на полуслове.

Усмешка исказила лицо Мишеля.

— Если бы няньки не прикрыли вовремя, моя добрая бабушка спустила бы с них шкуру кнутом... Им-то было не до поэзии, любезный друг!

Слом настроения произошел внезапно. Соллогуб с трудом подавил волну недоброжелательства.

— Ты читаешь все без разбору,— сказал Соллогуб, перебирая одну за другой книги, сваленные кипой на столе.— Не жаль времени?

Лермонтов заложил страницу.

— Ты не прав. Нет такой книжонки, в которой хоть на одной странице, в одной фразе не мелькнет что-то верно подмеченное или не прозвенит простодушная нота из самого сердца.

— Ради единственной малости перерывать кучи мусора? У меня не хватает терпения. Да ведь и ты не из терпеливых?

Лермонтов сменил выражение лица, как это с ним часто бывало, когда он не хотел или не мог продолжать прежнего разговора.

— Если говорить о почтенном занятии мусорщиков, то что мы делаем с тобой каждый вечер в гостиных?— Он отрывисто засмеялся, и этот смех опять неприятно задел Соллогуба.

Соллогуб имел обыкновение слушать Лермонтова с тем большей жадностью, чем меньше показывал это внешне.

Приходя домой, он старательно записывал смысл лермонтовских внезапных исповедей и подолгу сидел в одиночестве над теми стихами, которые удавалось унести из-под лермонтовской руки — благо тот разбрасывал их повсюду с беспечностью ребенка, который не отличает в своей игре цветных осколков от драгоценных камней.

„Ле сэз"—„Шестнадцать"

Не политическое единство, но юношеское стремление к товариществу собирало их ежевечерне на квартире Лермонтова и Монго Столыпина, чтобы за поздним ужином и сигарой потолковать о последних придворных сплетнях, о ржавом механизме империи, который давал постоянные сбои. Многие из них были офицерами, другие начинали служить по гражданским ведомствам.

Все «ле сэз» («шестнадцать») были хорошо образованны, искренне порывались к деятельности. Но в глазах царя нетерпеливость и обширные знания одинаково вызывали подозрение.

В них не было печоринской проницательной горечи, но печоринским неприятием действительности они обладали и готовы были найти выход хотя бы в пылких речах своего замкнутого кружка. Истоки недовольства были пестры.

Сын могущественного председателя Государственного совета, молодой Васильчиков славился вольнолюбивыми рацеями. Морщась, когда ему напоминали о высоком положении отца, он тем не менее чувствовал себя безопасно под защитой родительского крыла...

Податливый на влияние Андрей Шувалов поначалу и языка-то родного не знал, вырос за границей. Иван Гагарин готов был ухватиться за любую химерическую идею, лишь бы заглушить пустоту окружающего. Миша Лобанов-Ростовский, хотя и обуреваемый желанием приносить отечеству пользу, решительно не знал, как за это взяться. Самый старший из них меланхолический Николай Жерве или отменно храбрый под кавказскими пулями Димитрий Фредерикс — все они являли в своем облике нечто схожее, незавершенное: готовы были посвятить свои жизни — но чему?

Как бы горячо ни окунался Лермонтов в вечерние беседы после театра или бала, незримая дистанция между ним и «ле сэз» не только оставалась, но и увеличивалась.

— Франция словно подземный очаг, который вечно подогревает и вулканизирует Европу,— высокопарно восклицал Васильчиков.— Она не приемлет тирана даже в облике Наполеона! А у нас где сознание гражданственности?

Лермонтов встрепенулся. В Наполеона он был влюблен с детства. Очарован его одиночеством, тем, что тот один против всех. Это роднило опального императора с изгнанником Демоном. Побежденный Наполеон, перестав быть врагом России, стал мифом человечества. Мишелю виделся его образ в страстном сострадании. Властителя Наполеона он ненавидел; гонимого, обреченного корсиканца — обожал. Он ответил:

— Что нам французы! Мы произрастаем в тишине и немоте. Всю Россию можно проехать как какой-то пустырь, где неусыпные глаза следят, чтобы не проявилась в чем-нибудь новизна. Если я сегодня не сталкиваюсь с голубым мундиром нос к носу, то уж наверняка где-то поблизости маячит его двойник в виде пашпортника, фискала или тайного визитера чужих карманов и писем...— Спохватившись, что страстность его выходит за рамки «бабильяжа» (так на французский лад они окрестили свою «болтовню»), он без всякого перехода сделал неожиданное заключение:— Молчаливость — лучшее условие, чтобы предаться созерцанию самого себя, не отвлекаясь пустыми толками.— И отрывисто засмеялся, увидев полное ошеломление на лицах любезных друзей.

И все-таки какая-то натяжка, душевная несостоятельность в снисходительных суждениях «ле сэз» ощущались им все явственнее. Разве пристало младшему Васильчикову, без заслуг вытянутому вверх, как малокровное растение, лишь прихотью злого случая (отец графский титул выслужил на Сенатской площади, а княжеский не имел еще от роду и года!), судить о таком человеке, как Саша Одоевский?!

Старший годами, с ранней сединой и плешивинкой Одоевский был обезоруживающе молод, намного моложе, наивнее и воодушевленнее многих сверстников Мишеля. Саша не утратил пылкости и идеалов, которых следующее поколение уже не знало вовсе.

Одоевский тоже стал подспорьем при создании образа Печорина, только наоборот: все, что звучало в Одоевском, было недоступно внутреннему слуху Печорина. Грустный камертон! Страдальческий путь Одоевского был все-таки дорогой вперед. Жизнь Печорина, как ни любил его Лермонтов, упиралась в тупик. Саша восхищал и щемил сердце Мишеля. Печорин надрывал его.

Дом Карамзиных

Еще летом, в Царском Селе, вдова Карамзина Екатерина Андреевна пригласила Лермонтова к себе в дом. В полумраке опустелого кабинета знаменитого историка он услышал, как размеренно постукивали английские часы. Слабо, по-стародавнему, пахло нюхательным табаком и пачулями...

Зато во всех других комнатах кипела молодая жизнь! Вокруг неутомимой танцорки и выдумщицы Софи Карамзиной собирался целый цветник молодых дам: Анна Оленина, к которой безуспешно сватался когда-то Пушкин; черноглазая Александра Осиповна Смирнова, урожденная Россет, воспетая многими поэтами как «дева-роза». Наполняли дом знакомцы братьев Карамзиных — Андрея, Александра и Владимира. Все проводили время превесело, держались без церемоний: дамы в простых платьях, мужчины в цветных фраках. Днем прогуливались по дорожкам вокзала (первый паровоз пустили лишь год назад, железная дорога оставалась новинкой, и билет в «кареты первого ряда» стоил дорого). Вечером за чайным столом, принимая чашки из рук всегда ровной, улыбающейся Екатерины Андреевны, перебрасывались остротами, читали стихи или затевали домашние спектакли.

К обеду часто приезжал Петр Андреевич Вяземский, сводный брат хозяйки дома.

В доме Карамзиных Лермонтов чувствовал себя лучше, чем в других местах. Он зачастил к ним. Но и там не был полностью раскован.

Милейшая Софья Николаевна, старшая дочь покойного историка, принимала его ровно настолько, насколько он совпадал с атмосферой салона и соответствовал ее собственному бойкому, но недалекому уму.

Мимикрия гусарского ментика с годами давалась Лермонтову все удачнее и легче. Обострив внутреннюю проницательность почти до ясновидения, он стал вместе с тем гораздо терпимее к людям. Казаться таким, каким тебя стремятся увидеть? Да что может быть проще...

Петр Андреевич Вяземский с удовольствием оглядывал красную гостиную, чуть склоняясь в сторону Екатерины Андреевны и Софи:

— Вот дом, который устоял перед всеобщим хаосом и неустройством. А хотите, обрисую свет, что остался за вашим порогом? Одни повелевают, другие молодцевато подтягиваются, третьи раболепно пресмыкаются. Четвертые, развалившись в креслах, щурятся в лорнет... Свинский Петербург!

Князь Петр Андреевич только что вернулся из театра, где давали водевиль, в котором он усмотрел насмешку над московскими нравами. После чашки чая раздражение его не улеглось, и разговор принял общий характер.

— Нам колют глаза,— сказал он,— и оскомину набили какой-то «грибоедовской Москвой». Знавал покойника, и хоть сам не моралист... Впрочем, сейчас не об этом. Я родился в старой Москве, воспитан в ней и не знал той Москвы, которая рисуется пером ретивых комиков! В каких-то уголках, может быть, и таилась «Фамусовская Москва», но мы-то все жили иначе и не она господствовала, а другая, которая жила умственной жизнью!

— Дядюшка, вы рисуете почти идеал. Этакую гладкую поверхность без воздыхания и ряби,— сказал Александр Карамзин.

— Вовсе нет. В обществе всегда были люди, чающие движения, противуположные по верованиям и даже по эпохам. В московских гостиных сталкивались те, кто созрел под блестящим солнцем Екатерины, и обломки крушений следующего царствования Павла Петровича. А молодые силы первоначальных годов правления Александра навеяли совсем новое. Отсвечивались самые разнообразные оттенки! Так что прошу, господа, без бумагомарательных шаржей!

— Однако скажите, отчего же вся Москва шушукалась и казала друг на друга пальцем, едва появилась сия стихотворная сатира? Считали, что Грибоедов списал живых личностей, ручались друг другу за верность портретов. Это ли не подтверждение и Фамусовых, и Репетиловых, и Чацких?

— Чацких у нас действительно в достатке! Только от Чацкого до Молчалина невелика дистанция.

— Как так? Объяснитесь.

— Извольте. Кто более Чацкий, чем сам Грибоедов? Умен, красноречив. Из-под чернильных брызг так и сквозит дерзкая душа. А между тем сам он имел гладкий почерк и подписывался где надо: «верноподданный Александр Грибоедов». Чином своим не манкировал. Ум Грибоедов имел обширный. Но зеркало души — лицо? Что в нем было от бунтаря? Прическа с казенным коком, точь-в-точь как у исполнительного чиновника Молчалина!

Вяземский извергал свои сарказмы, а Лермонтов вслушивался не столько в их смысл, но более того разгадывал подспудное чувство, владевшее златоустом литературных салонов. Зависть к чужому таланту? Ревность к непроходящей посмертной славе Грибоедова? А будет ли она у Вяземского? Желчные, но, возможно, и точные попадания в болевые точки души создателя «Горя от ума»?

Грибоедов! Это имя всегда будоражило Лермонтова, как загадка и, может быть, пророчество. Однако в самом деле, что же такое Чацкий? Он не ищет примирения со светом; отвергнутый им, отвергает сам. Уход эффектен: вон из Москвы, бегу, не оглянусь... Но куда? Вопрос не праздный. Возможно ли жить, не примиряясь, но и ничего не создавая? "Где лучше? Где нас нет». Ответ горького разочарования во всем человечестве. Мизантропия, близкая чаадаевской.

Лоб Лермонтова пылал. Словно он искал разгадку не чужой жизни — своей.

Уехать в деревню, заботиться о крестьянах, защищать по мере сил от произвола уездных властей обиженных? Чуждаться соседей? Отчаянно скучать и прослыть в конце концов «странным человеком»? Ба, да это же Онегин!

А если вообще сбросить путы цивилизации? Податься к цыганам, как хотел Пушкин, или на Кавказ? Уехать в Персию?.. Попросту говоря, быстрее протянуть время собственной жизни — без цели, без смысла, без счастья?..

Лермонтов неприметно мотнул головой, прогоняя мрачные видения, которые увели его столь далеко, пока Вяземский продолжал витийствовать.

„Герой нашего времени"

Вопреки укоренившейся легенде о мизантропии и одиночестве Лермонтова он очень тесно всегда был окружен людьми.

Часы одиночества выпадали ему как редкий дар, он научился писать на людях. Вероятно, это требовало огромной сосредоточенности, силы мысли и молниеносности воображения, которые не под силу даже очень недюжинным людям. Но Лермонтов был не из дюжины, не из сотни, даже не один на миллион. В век, богатый талантами, аналогов у него все-таки не отыскать.

Он почти ничего не выдумывал. Не успевал. Чужая строка, мимоходный рассказ, зрительное впечатление — все освещалось мгновенной вспышкой, начинало двигаться, дышать. И становилось уже не чужим, а своим, лермонтовским. Еще мальчиком, переписывая пушкинские стихи, он незаметно отталкивался от них, будто веслом от берега, почти не почувствовав поначалу, как выходит в открытое море....

«Бэла» и «Фаталист» вобрали в себя самые разнородные впечатления. Память воскресила и девочку-горянку на усадьбе Хастатовых в Пятигорске, и недавнее знакомство в Царских колодцах с Катенькой Нечволодовой, тоже найденышем на горных дорогах, юной женой подполковника Григория Ивановича Нечволодова, много раз разжалованного, благородного, независимого во мнениях (Григорий Печорин отчасти повторил его послужной список). Существовал реальный прототип Вулича. А историю с пьяным казаком рассказал Лермонтову не кто иной, как его дядюшка Аким Акимович Хастатов, отчаянный храбрец.

Упоение, которое охватывало Лермонтова всякий раз, когда он погружался в свою рукопись, было ни с чем не сравнимо. В сочинительстве он следовал необоримой потребности любить: мир расширялся, и перо населяло его многими людьми, которые жили, страдали, предавались несбыточным мечтам,— и он их всех любил! Не только мятущегося Печорина или умного Вернера, но и ничтожного Грушницкого.

Свет просто не желал делать различия между Лермонтовым и Печориным. Но и сам Михаил Юрьевич иногда терял внутреннюю дистанцию — как это часто, впрочем, происходит с автором и его персонажем. С одной лишь поправкой: обыкновенно не герой воплощает собою автора, но автор пытается вчувствоваться в своего героя. Почти до физического тождества. Так и Лермонтов, подчиняясь общему закону сочинительства, в какие-то мгновения ощущал словно за двоих — за себя и за Печорина. Это были «добрые» минуты Печорина: те, когда полно, счастливо он впивал природу или влюблялся безрассудно в Бэлу, испытывал в последний раз перед поединком Грушницкого...

Близок до тождества был Лермонтову и Печорин, размышляющий, доискивающийся до первопричины своих чувств.

Но — странно!— повторяя на Печорине свои дурные поступки, эгоизм, приступы черствости и злого озорства — то, что как раз совпадало у них биографически,— автор становился далек своему герою. Видел его беспощадно и со стороны.

Действие героя на автора удивительно: это увеличительное стекло, направленное на самого себя.

Создав Демона, Михаил Юрьевич как бы оставил позади юность с ее туманными поисками и сверхчеловеческой энергией, готовой растратить себя на космические порывы.

Печорин, повторяющий Демона неприкаянностью, жил уже в реальном времени. Для Лермонтова наступила пора зрелости; он прокладывал путь пером. Единственно возможный путь познания для писателя.

Андрей Александрович Краевский кликнул извозчика и повез в цензуру рукопись «Бэлы», которую намеревался опубликовать в мартовской книжке «Отечественных записок». Он умел ладить с почтенным профессором русской словесности Александром Васильевичем Никитенко, который цензурировал его журнал. Вошел, улыбаясь и расшаркиваясь.

— Надеюсь, что это не исповедь самого автора?— сказал Никитенко, переворачивая листы плотной бумаги с видом недоверия, но и любопытства.— После Жан-Жака Руссо каждому умному человеку должна опротиветь мысль издавать свои записки, столько пустяков и вздору наговорил тот, такое самолюбие и высокомерие в них выразил. Поучительно одно: вы видите, сколько в гениальном человеке заключено вовсе не гениального и даже не умного.

Краевский терпеливо слушал разглагольствования почтеннейшего Александра Васильевича с миной почти умиленного внимания.

— Ну какая там гениальность,— скромненько вставил он.— Проба пера, первый опыт. Автор, как вы знаете, молоденький гусар, удалая голова. Излагает кавказские шалости.

Цензор погрозил ему пальцем:

— Стали бы вы за гусарские шалости так-то распинаться, Андрей Александрович!

— Так ведь талант, Александр Васильевич!

— Вот то-то, что талант,— вздохнул Никитенко.— Талант, как огонь: то жжет, то светит.

— Засветит, Александр Васильевич. Да еще как; даст бог, на всю Россию!

— Не пугайте, сударь мой. От беглых огоньков спасу нет в нашей словесности... А впрочем, нынче же посмотрю и назавтра дам свое заключение.

Краевский помялся.

— Осмелюсь предварить: заглавие «Героя» надобно понимать в ироническом смысле. Он без особых добродетелей, знаете ли.

Никитенко вдруг хитро усмехнулся:

— Эх, сударь, я много видывал ничтожных вещей на свете, но ничтожнее человеческих добродетелей ничего не встречал! Если хороший знакомый начинает оказывать особенную приязнь — берегись! Непременно собирается тебе нагадить... Впрочем, это в сторону. Вот вы говорите о своем гусаре — талант. А нужны ли нам таланты, дозрело ли до них государство, раз все стремимся выписывать из-за границы, как заморские вина или плоды? Обидно!.. Прочту и сделаю заключение,— совсем другим тоном закончил цензор, вставая и тем выпроваживая посетителя.— Честно и нелицеприятно прочту, как положил себе служить русской печати.

Краевский откланялся озадаченный, но и обнадеженный этим разговором.

«Герой нашего времени» начал издаваться.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Н. СОЛОМКО

Рисунки А. БОРИСОВА.

МЫ ОДНОЙ КРОВИ!

Homo Sapiens — внимание!

Помните, каким словам научил малыша Маугли мудрый медведь Балу прежде всего? «Мы одной крови — ты и я!» Стоило сказать так — и ни зверь, ни птица в джунглях не трогали человеческого детеныша. Понимали: это брат! А брата обижать нельзя.

Прекрасная, мудрая сказка, где звери умели разговаривать...

Но так бывает только в сказке. В жизни наши меньшие братья молчаливы.

Ты ломаешь дерево, но дерево молчит. Ты бросаешь камнем в белку, прискакавшую в город подкормиться, она ничего не скажет в ответ... Промолчит цветок, который ты собираешься сорвать. Муравей, дом которого ты разрушил просто так, из озорства, не крикнет: «Не трогай!»

Но ты HOMO SAPIENS, человек РАЗУМНЫЙ, и ты должен, обязан помнить сам: мы одной крови! Ты — старший брат зверей, птиц, деревьев, а старший — всегда заступник. Не обижать, не разрушать, а ЗАЩИЩАТЬ — вот твое дело. Во всяком случае, если ты действительно HOMO SAPIENS!

Даешь экспедицию!

До лета еще ох как далеко (только-только грачи прилетели), но в городе Пущино-на-Оке уже собирались в экспедицию.

— Я за вас экспедицию готовить не буду, сами не маленькие! — сказал Анатолий Петрович.

И, чтоб никто не сомневался, что так и будет, вышел в коридор.

— Самое трудное — достать спальники и палатки,— крикнул он уже из-за двери.— Это мы берем на себя. Остальное все сами! И позаботьтесь о трубе для печки.

«Мы» — это комиссары ДЭС, люди взрослые, солидные, ученые из Научного центра

биологических исследований Академии наук СССР. А «сами» — это курсанты ДЭС, пущинские школьники Денис Синьков, Таня и Марина Горюшкины, Игорек Кузанов, Оленька Судовцева... Да разве всех перечислишь!

Чтоб все окончательно стало ясно: ДЭС — Детская Экологическая Станция, а Анатолий Петрович Букин — ее директор.

Нелишне, наверное, будет уточнить и что такое ЭКОЛОГИЯ.

Экология — наука о защите окружающей среды: лесов, рек, морей и океанов со всеми их обитателями.

...Рос лес, в нем жили звери и птицы. Но вот пришли люди, и леса не стало — на его месте появился город. Задымили в небо трубы заводов, разогнали птиц. Дым оседал на траву, на листья — они почернели, высохли. Вслед за ними погибли кузнечики, бабочки, божьи коровки. Звери сбежали давно. Речка стала грязной, в ней не выжить рыбе... Человек остался один, погубив вокруг себя все живое...

Бывает и так... Но должно ли так быть? Всегда ли город враждует с лесом? И что делать, чтобы, потеснив младших братьев, жить с ними дружно, не чиня обид?

Этими серьезными вопросами и занимается наука экология.

Некоторые могут удивиться: при чем же тут мальчики и девочки из города Пущино-на-Оке? Чем они могут помочь ученым?

Оказывается, могут! Но об этом чуть позже. А пока курсанты ДЭС собираются в экологическую экспедицию. Сами.

Сами не маленькие!

В общем, все справедливо: мало ли дел и забот у директора станции. А курсанты и в самом деле не маленькие. В конце концов самостоятельность — качество, необходимое для исследователя, верно?

Кирилла Злобина только что выбрали начальником будущей экспедиции. Сами. Сами отправились в мастерскую, где с прошлого лета томились в ожидании дела замечательные и совершенно необходимые в экспедиции вещи: метеорологические приборы, так называемый шанцевый инструмент (топоры, лопаты), резиновые камеры (гидрологи соорудят из них плоты) и, конечно, котелки, кружки, ложки... Во всем этом надо разобраться, определив степень годности.

А девочки хозяйничали, считали расход продуктов:

— По полбуханки хлеба в день на человека, 8 дней, 30 человек...— Оленька умножает столбиком.— Ой, мамочки —120 буханок!

Тушенка, сгущенка, чай, макароны, картошка...

— Анатолий Петрович, а сахар в пачках или песок?

Директор неумолим: решайте сами!

Начальник экспедиции возвращается из мастерской мрачен, как туча: за зиму мыши погрызли резиновые камеры.

— Зачем они резину-то едят? — возмущается он.— Там же веревка есть, она вроде вкуснее...

— А ты пробовал? — с интересом спрашивает Анатолий Петрович.

Истошный телефонный звонок:

— Алло! Это папа Нади Квасниковой. Я сварщик. Надя сказала, что вам срочно нужна труба для печки, а диаметр забыла...

Привычные походные заботы: о печке, о пище, о палатках... Но напомним: эти мальчики и девочки отправляются не в поход, а в НАУЧНУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ. Все будет: соревнования, песни у костра, купание... Но это — не главное.

Лесные уроки

Не отдыхать, а работать и учиться едут они. Да-да, и учиться. Хочешь помочь природе? Не торопись. Приглядись, пойми ее. У нее свои законы. Не нарушь, не сломай... Иначе будет от твоей помощи хуже. Наблюдай и думай. Природа не умеет разговаривать на человеческом языке, но ты же — разумно мыслящий, ты должен все понять сам.

И несли ежедневный дозор у муравейников ребята из лаборатории мирмекологии: наблюдали, отмечали муравьиные тропы... Терпение и внимание. Отметок ставить не будут.

И какая обида: пошли дожди!

Таня Горюшкина жалуется:

— Хорошо метеорологам — у них всегда работа, хоть тут буря начнись. А нам каково? Муравьи в дождь дома сидят. И мы с ними бездельничаем.

Метеорологам и правда повезло: им любая погода хороша — наблюдай и исследуй.

А группе рыбнадзора порой некогда было заниматься исследованиями: приходилось просто работать, спасать мальков. Ока разлилась весной, потом ушла в берега, и мальки — они ж глупые, откуда им знать — остались в лужах на берегу. Солнце палило, лужи высыхали... Тут бы и пришла смерть тысячам рыбьих детенышей, если б их не обнаружили и не спасли детеныши человеческие.

Вылавливали специальной сетью, потом ведрами таскали в реку: живите, растите!

Четвероклассник Борька Асланиди, стажер группы рыбнадзора, критикует себя:

— Я в первый день еще не понял, что к чему, и баловался. В общем, вечером на костре меня

не очень хвалили... А потом как рукой сняло: все делом заняты, а я что, маленький?

Нет, не маленький! В ДЭС маленьких нет. Есть юные люди, которые хотят знать, как растут деревья. Как дует ветер? Как текут реки?.. В общем, как тут, на Земле, все устроено.

Максим и его дедушка

Рассказать о них надо обязательно — о двух людях, любящих друг друга всем сердцем. И о той войне, которая шла меж дедом и внуком много лет и в которой внук победил...

Сначала о дедушке. О нем с восхищением сказал директор ДЭС:

— Он из тех, на ком мир держится. Человек старой закалки, волевой, решительный. Настоящий!

Дедушка у Максима — хирург. Вообще в семье врач — профессия фамильная, с детства Максим знал, что должен стать врачом. Но почему-то все время тянуло в лес. Кончались уроки — и он уходил бродить, благо Пущино окружено лесами. Его тянуло к лесным жителям: ужи, ящерицы, тритоны... Он не делал зла, рядом с ними, беззащитными, Максим чувствовал себя большим и сильным. А сильные должны быть добрыми. Он мог часами смотреть, как живет лес. Лес всегда был ЖИВЫМ и добрым. А вечером, когда Максим возвращался из своих путешествий, дедушка сердился: «Где тебя носило?»

В шестом классе Максим собрался в школьное лесничество, ДЭС еще не было, был «Лесовичок», которым командовал все тот же Анатолий Петрович. Но дедушка запретил. Целый год дед и внук воевали. К седьмому классу право было отвоевано. Началась прекрасная жизнь — Максим всегда мечтал быть лесу полезным. Весной спасали березы, зимой — елки... Неслись по дороге машины с погубленными елками, неслись мимо поста «зеленого патруля», не останавливались, что им мальчишки! И, завидев очередную машину, Максим не выдержал, выскочил на дорогу, раскинул руки крестом — не пропущу!

Летом он ходил в лес строить места для отдыха. И с ребятами из «Лесовичка» и сам по себе. Не нравилось ему, когда в лесу намусорено, и он решил: если сделать так, чтобы людям было в лесу удобно и хорошо, они пожалеют лес... Он жил счастливо, а дедушка еще не знал, что Максим все решил. Никогда он не будет врачом...

Что может быть благороднее этой профессии: спасать людей из беды? Но Максим хотел спасать лес. В лесу было хорошо, как дома. Все там — живое, родное, понятное... Многие подсмеивались над этой его любовью, да только что они знали?.. Они, например, считали, что весна начинается с прилета грачей... Им, беднягам, и в голову не приходило, что весна начинается много раньше — когда синица запоет! В конце концов дедушке пришлось смириться с тем, что не будет такого врача — Максима Гаевского. Максим поступил в лесной техникум, будет лесничим — сторожем при лесе. Большая это была «война», дорого обошлась и тому и другому...

Между прочим, Максим выглядит человеком мягким, тихим.

— Это только так кажется,— улыбается он.— На самом-то деле я характером весь в него, в деда...

Главное

Так что же главное в жизни и работе мальчишек и девчонок в городе Пущино-на-Оке? Чем они могут помочь природе?

«Вступая в союз краеведов Пущина, клянусь быть верным хранителем всего живого, непримиримым к недругам природы. Клянусь быть вашим защитником, деревья и травы, птицы и звери. Мы одной крови — вы и я! Клянусь настойчиво и неустанно трудиться, чтобы не истощились кладовые природы, вечно шумели леса, текли реки, синели небеса. Клянусь не жалеть сил, чтобы у всех людей на Земле было счастливое будущее!»

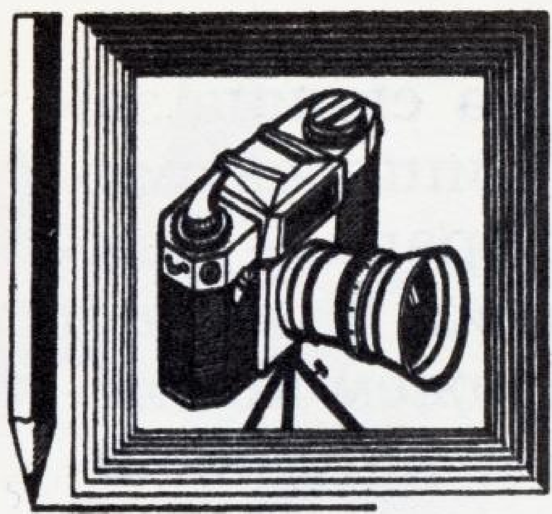
Понимаете? Мальчишкам и девчонкам, именующим себя курсантами ДЭС, небезразлична судьба Земли.

Кем они станут, когда вырастут? Вовсе не обязательно, чтоб все, как Максим, связали свою жизнь с лесом. Денис мечтает строить мосты, туннели: «Я люблю, чтоб своими руками. И чтоб люди пользовались!» Олег хочет стать учителем черчения: «Нравится этот предмет, хоть у меня пока и не все выходит. И с малышами мне интересно, я с четвертого класса у них вожатый...»

Но кем бы ни стали любопытные и горячие курсанты ДЭС, прежде всего они будут хозяевами своей большой планеты, хозяевами грамотными и милосердными, в этом они поклялись еще в детстве, потому что уже тогда поняли: Земля — наш общий дом.

Пусть растет трава, пусть поют птицы, пусть никого не боятся звери: мы одной крови. И мы защитим их.

ГОРОДА-ГЕРОИ

ЛЕНИНГРАД

Победить этот город — для фашистов значило уничтожить сердце революции, одна мысль о которой была для них ненавистна. В союзники себе они взяли голод и холод. Враги думали: лишим жителей этого города пищи, воды, тепла, и они скоро не выдержат и сами отдадутся нам на милость. А милости им не будет. Так думали гитлеровцы. Они замкнули Ленинград в кольцо блокады и лишили его жителей пищи, воды и тепла. Но просьбы о милости так и не дождались. Умирающие от голода, под ливнем бомб и снарядов, ленинградцы сражались с врагом на рубежах обороны и в заводских цехах, с оружием в руках и у станков. И еще: Ольга Берггольц писала в блокадном городе стихи и читала их по радио. Исполнялась симфония Дмитрия Шостаковича, которую автор назвал Ленинградской. Писатели, поэты, композиторы, артисты — они тоже боролись с врагом своим искусством, своим талантом.

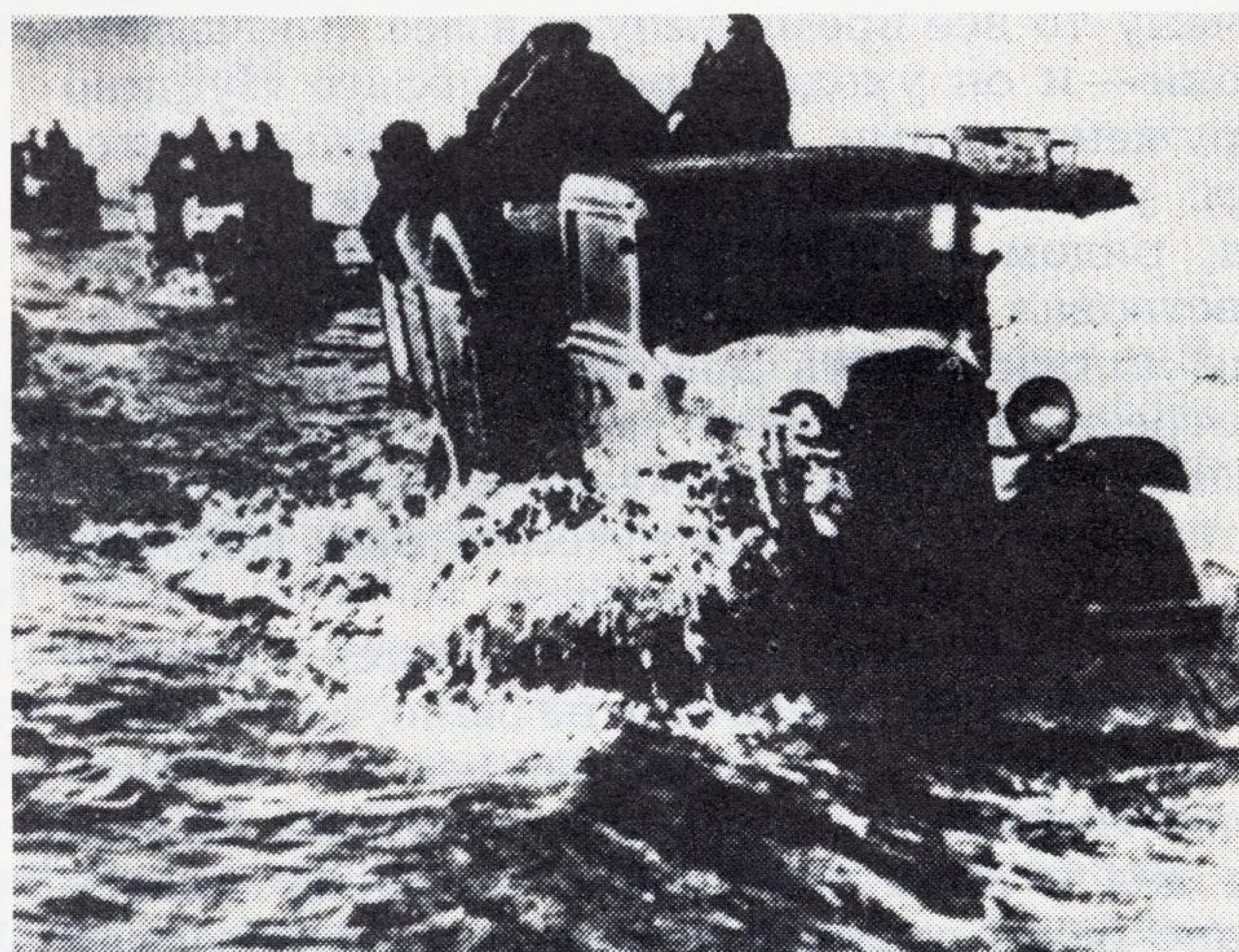
Ленинградские комсомольцы почти все ушли на фронт. В городе остались их младшие сестры и братья — пионеры. И каждый из них в меру своих сил помогал городу выстоять. Сил у каждого было немного — попробуй быть сильным, если долгие месяцы на день тебе выдают всего 125 граммов блокадного хлеба. Но эти свои небольшие силы пионеры-тимуровцы тратили не на себя — на других. Разыскивали малышей, оставшихся без родителей, и отводили их в детские дома, помогали старикам и ослабевшим взрослым, дежурили на крышах во время налетов, работали в цехах и на огородах. И усилия ребят, соединяясь, становились оружием в борьбе с врагом.

Родина ни на минуту не забывала о Ленинграде. Долгих три года длилась битва за его освобождение. Несмотря на ярость врага, работала «Дорога жизни». Она шла через Ладожское озеро. А вторая такая дорога — воздушная — начиналась с самого старого аэродрома города и всей страны — Комендантского.

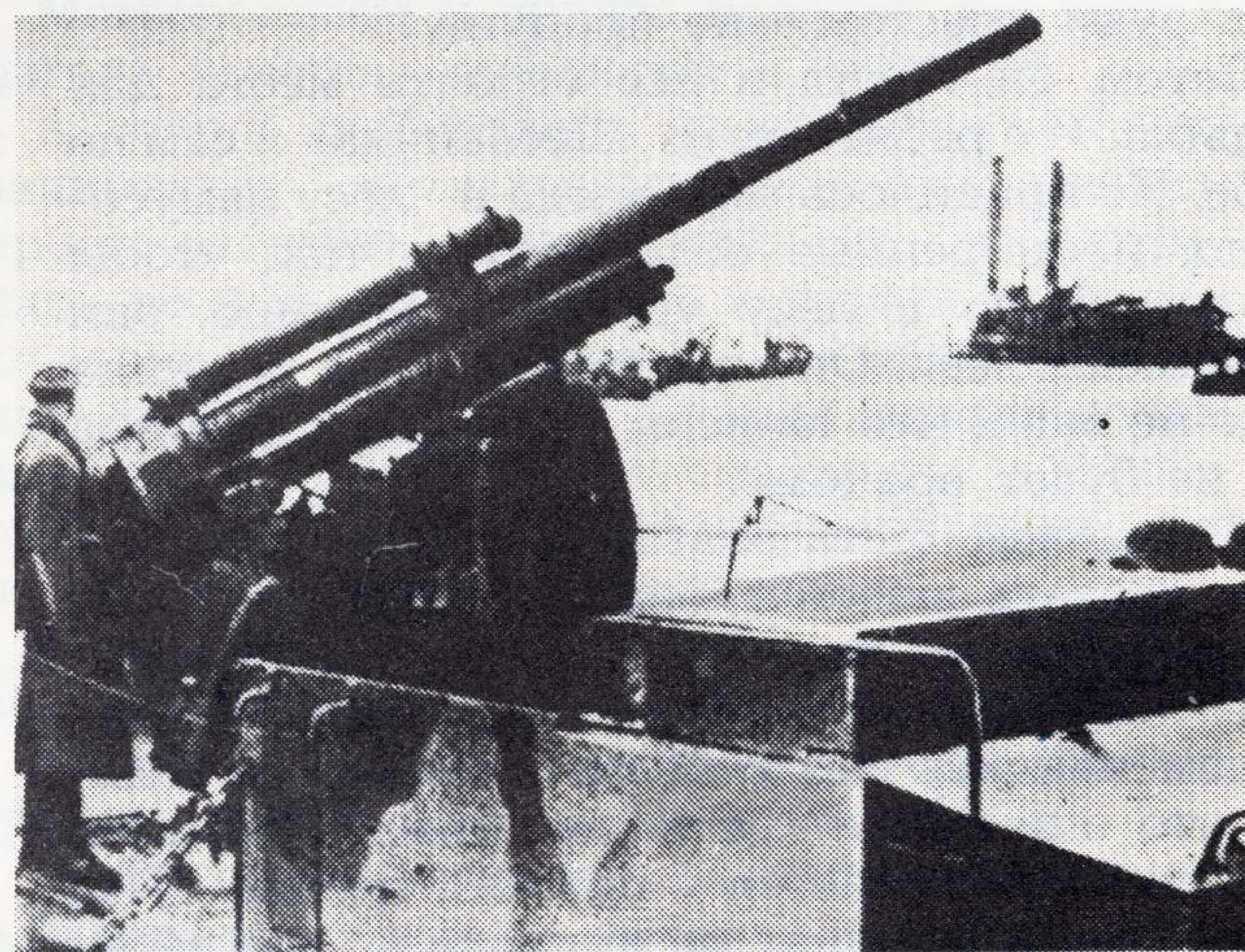
27 января 1944 года после девятисот дней блокады Ленинград был полностью освобожден. Прошли десятилетия. На бывших рубежах обороны поднялся «Зеленый пояс Славы». Сегодняшние пионеры в делах своих равняются на пионеров времен Великой Отечественной. И хранят память о подвиге своего города. Так, как хранят ее ученики 66-й ленинградской школы, которая стоит на месте бывшего Комендантского аэродрома и в которой создан музей героев этого аэродрома.

Фотографии В. АРСИРИЯ.

Ни единого дня не было спокойно небо
над блокадным Ленинградом.
Ни единого дня не смолкала
артиллерийская канонада.
И грозно смотрели в небо зенитки,
могучей защитой городу становились бронепоезда.
Но самым главным оружием
была вера ленинградцев в свою Родину.

Площадь Победы собирает тысячи ленинградцев, которые приходят сюда, чтобы почтить память сражавшихся за Победу, чтобы проголосовать за мир.

Ведет журналист-международник П. ГРИГОРЬЕВ

ХОЧУ СПРОСИТЬ...

Расскажите, пожалуйста, о Ливии, об истории и сегодняшнем дне этой африканской страны.
Валя БОЙКО, г. Днепропетровск.

ТАМ, ГДЕ ДУЕТ ГЫБЛИ

Ливия — арабская страна на севере Африки. Почти на две тысячи километров протянулась она вдоль Средиземного моря, почти на тысячу — в глубь континента.

У Ливии древняя история. Еще в IX веке до нашей эры в Африке на побережье Средиземного моря высадились финикийцы. Вслед за ними — греки. И те, и другие хотели захватить побольше земель. Чтобы не было кровопролития, договорились: пусть спор о границе между завоевателями решит состязание лучших бегунов. И вот из самого восточного греческого поселения и самого западного финикийского побежали навстречу друг другу два воина. От точки, где они встретились, и была проведена граница. Финикиец пробежал больше.

Финикийцы основали на территории современной Ливии несколько городов. Когда-то процветавшие Сабрата и Лептис-Магна сейчас лежат в развалинах. Но город Эя пережил своих основателей. Только теперь он называется Триполи, и это — столица Ливии.

Много было завоевателей у Ливии, но свободолюбивый ливийский народ упорно боролся за независимость. В 1951 году страну покинули последние ее завоеватели — итальянские колонизаторы. Ливию провозгласили независимым государством. Страной стал править король Идрис I. Вскоре в недрах Ливии была найдена нефть. Добычей ее стали распоряжаться иностранные компании и король со своими приближенными. Они наживали огромные состояния, а простой люд жил в страшной нищете.

Первого сентября 1969 года в Ливии совершилась революция. Власть в стране перешла в руки народа. Ливийцы дали своей революции имя «Аль-Фатих». Так по-арабски называется первый день месяца. Но есть и другое значение этого слова — «открывающий». Первое сентября 1969 года открыло новую страницу в истории страны.

За годы народной власти значительно улучшилась жизнь простых ливийцев. Для них строят школы и больницы, тысячи бедняков получили от государства жилье.

Государственный флаг Ливии зеленого цвета. Это означает, что Ливия — мусульманское государство. Религия здесь пока имеет большую силу. В стране много мечетей. Рано утром с минаретов слышатся голоса муэдзинов, сзывающих людей на молитву. Пять раз в день раздаются эти призывы. Пять раз в день люди должны помолиться. Так велит коран — священная книга мусульман.

Не думайте, что если Ливия в Африке, то здесь круглый год жара. В зимние месяцы и в начале весны по побережью дуют холодные ветры, идут дожди. А температура может опускаться до нуля градусов. Летом же действительно жарко. Может быть и +40, и +50 градусов. А когда подует гыбли — ветер с песком, тогда совсем беда. Песок проникает в каждую щелку. Солнце едва-едва различимо сквозь мглу. За десяток шагов ничего не видно. В такую погоду лучше не выходить на улицу.

Когда-то Ливия была житницей Римской империи. Сейчас своего продовольствия не хватает. Станки, автомобили, оборудование Ливия тоже покупает в других странах. Наша страна помогает строить заводы, электростанции, трубопроводы. Трудятся в Ливии советские геологи, агрономы, врачи. Много молодых ливийцев учатся в Советском Союзе. Они станут специалистами, которые так нужны молодой развивающейся стране.

Полное название Ливии — Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия. «Джамахирия» значит государство масс.

Революция 1969 года сделала Ливию подлинно народным государством.

У Ливии еще немало врагов. Американское шпионское ведомство ЦРУ ведет тайную войну против молодого государства, английское правительство поощряет деятельность ливийских контрреволюционеров, тормозит развитие торговли с Ливией. Но есть у Ливии и надежные друзья. Среди них — Советский Союз.

А. ЖУРАВЛЕВ

Счастлива ли Джейн?

Это Джейн Бауи, четырехлетняя девочка из Южно-Африканской Республики. Она счастлива. Во всяком случае, так считает репортер, снявший ее. Ведь у девочки есть все, чтобы быть счастливой в стране, где у власти расисты: есть дом, отец и мать, любимая кукла. Есть даже работа. Да-да, не удивляйтесь. Джейн уже сама зарабатывает себе на хлеб.

Сегодня воскресенье, и владелец плантации, где работает Джейн, устроил детям выходной. Ну, а завтра Джейн, придется отправиться в пыльном грузовике вместе с другими ребятами из ее квартала на плантацию. Солнце весь день будет нещадно жечь согнутые спины. Только в короткий обеденный перерыв можно ненадолго спрятаться от жары под соломенный навес и подкрепиться миской похлебки. Спрос с Джейн еще невелик. Она слишком мала и физически слаба, чтобы много работать. Но несмотря на возраст, Джейн получает зарплату. Небольшую, конечно. Ведь она мало весит... Какое отношение вес имеет к зарплате?—спросите вы. Самое прямое. На плантациях, чем ребенок тяжелее, тем больше он получает. Например, при весе 48 кг ребенку платят 90 центов в день, при 49—50 кг ставка увеличивается до 1 рэнда и 10 центов и т. д. Если при этом учесть, что половина всех африканских детей в ЮАР из-за недоедания весит меньше нормы, детский труд выгоден для капиталистов.

Часто дети, не выдерживая изнурительной работы, умирают. В ЮАР от голода, болезней, непосильного труда в среднем умирают три ребенка в час. А в год—до 30 тысяч. Но капиталистов это мало беспокоит. На место выбывшего работника всегда найдутся желающие. А у детей нет выбора. Если не работать, то не будет даже тех центов, которых едва хватает на хлеб. И тогда неминуемо придет голодная смерть.

Д. ЧУКСЕЕВ

АМЕРИКАНСКОЕ ОРУЖИЕ АФГАНСКИМ КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРАМ

Недавно в пакистанской провинции Пешавар обосновался бизнесмен. О себе он рассказывал, что, прожив долгое время в Америке, решил, наконец, вернуться на родину и построить фабрику по производству автомобильных покрышек. Вскоре к нему стали прибывать контейнеры якобы с различным оборудованием для будущей фабрики.

При разгрузке один из контейнеров разбился. В нем оказалось оружие. Это заинтересовало полицию. Полицейские осмотрели другие контейнеры. В них тоже было оружие. Бизнесмена арестовали, но вскоре выпустили, и он куда-то исчез.

Еще раньше в Исламабаде полиция арестовала школьного учителя американского происхождения Юджина Клегга. На его имя тоже прибывали контейнеры с оружием. Клегг объяснил, что оно ему необходимо для занятий в школе. Его арестовали, потом выпустили, а затем он тоже исчез. Все происходило как по одному сценарию. А написан этот сценарий в ЦРУ.

Американский журнал «Ньюсуик» пишет, что США ежегодно снабжают афганских мятежников оружием на сумму в 100 миллионов долларов. Чтобы прикрыть свою активность, ЦРУ действует через посредников, которые выступают под личиной мелких контрабандистов оружием. Время от времени их арестовывают, но потом выпускают. Как бизнесмена из Пешавара или учителя из Исламабада. Пакистанские власти не хотят ссориться с американским шпионским ведомством.

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

Ровно через год в Москве будет поднят флаг XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Ровно через год со всех континентов съедутся в столицу нашей Родины посланцы многих стран мира. Фестиваль — это радостный праздник. Фестиваль — это демонстрация молодежи в защиту мира. Фестиваль — это гневный протест против термоядерной войны, против тех, кто хочет лишить детей детства, молодежь — юности. Фестиваль — это дружеские встречи, задушевные беседы, интересные диспуты. Но когда встречаются друзья, то они обязательно обмениваются не только рукопожатиями, но и адресами и сувенирами. Журнал «Пионер» обращается ко всем своим читателям с двумя предложениями:

1. Провести конкурс на лучший сувенир для иностранного друга, сделанный своими руками. В школах и во дворах работают кружки «Умелые руки», резьбы по дереву, «фабрики мягкой игрушки». Соберитесь вместе и проведите у себя в отряде, дружине конкурс на лучший сувенир. Самые интересные сувениры мы ждем в редакции для передачи зарубежным делегатам, на базар Солидарности. Вырученные средства будут переданы в Фонд мира.

2. Пусть каждый из вас подумает и напишет письмо своему незнакомому зарубежному другу. Эти письма составят огромную почту Мира. Ваши письма будут переданы в зарубежные делегации. На конверте напишите слова: «Здравствуй, фестиваль!» Самые интересные письма мы опубликуем в фестивальном номере. Наш адрес: 101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, д. 14, 11-й этаж.

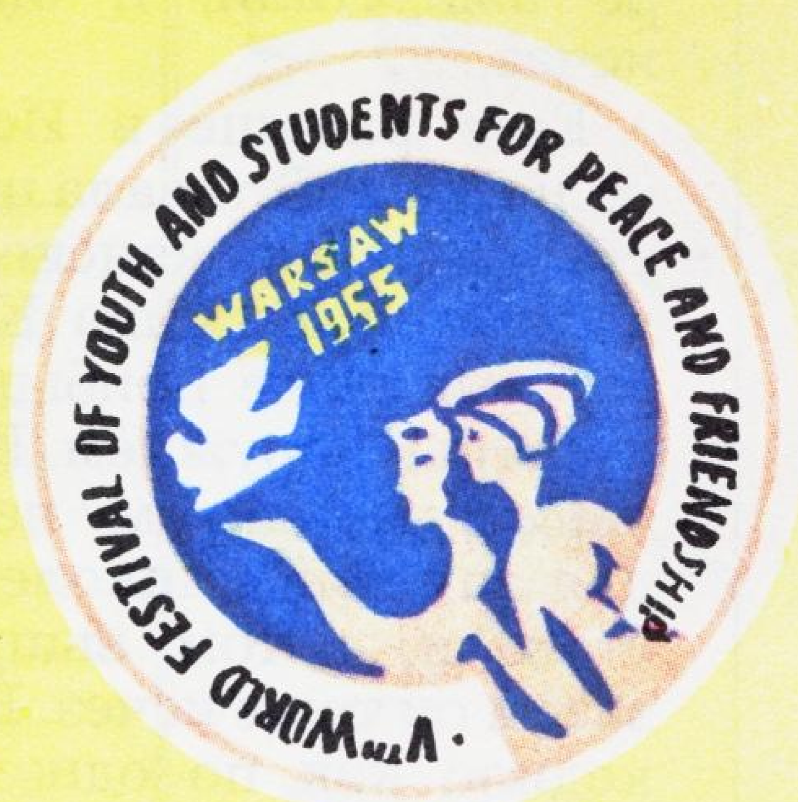

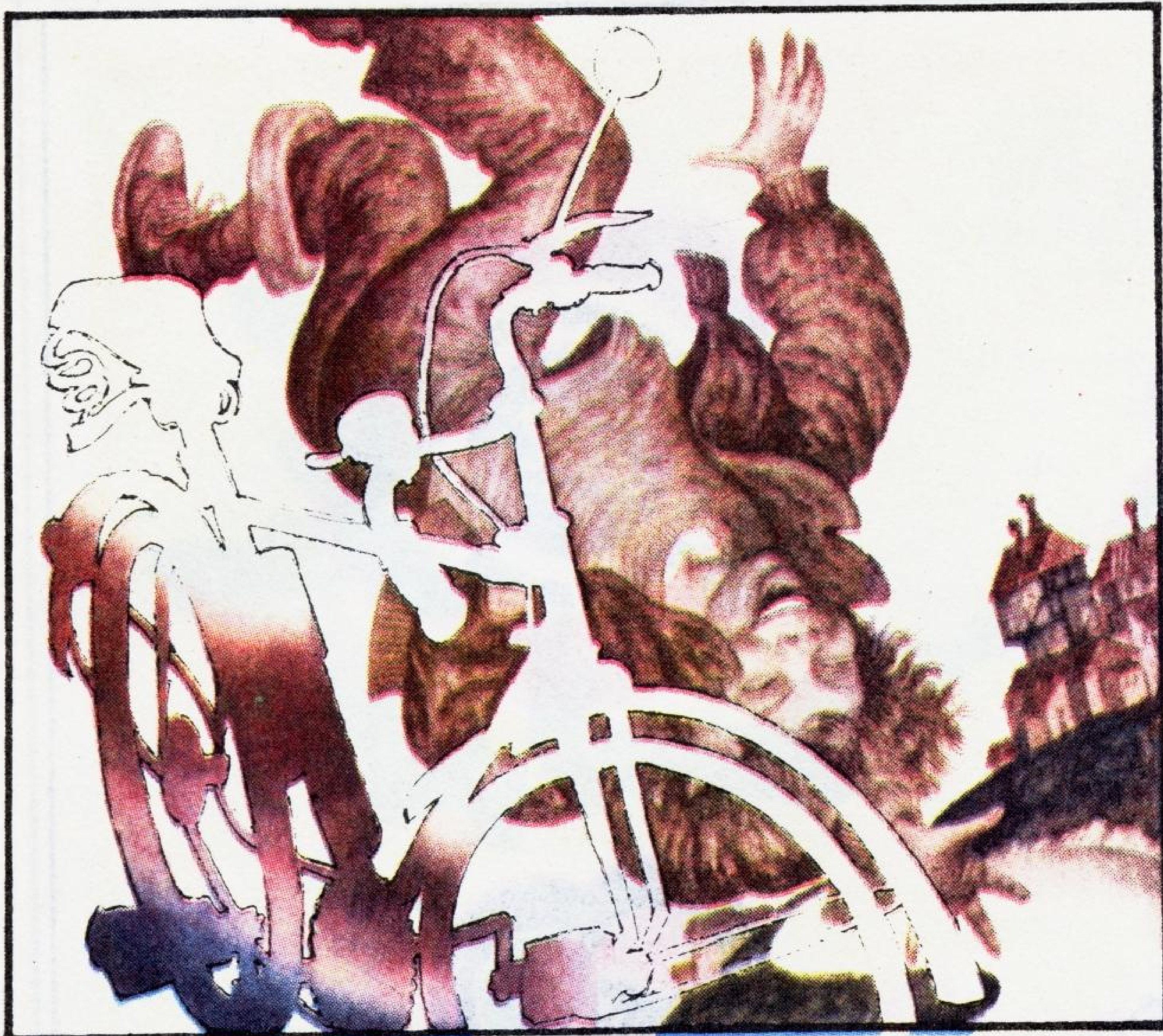

Для всех, кто хочет успеха всемирной встрече молодежи, кто решил внести свой вклад в дело укрепления мира, сообщаем: в Управлении по кассовому исполнению Госбюджета СССР правления Госбанка СССР открыт счет № 700140 в фонд XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Тем, кто любит поэзию, имя Мирослава Валека — замечательного словацкого поэта, лауреата премии имени Готвальда — хорошо известно: в нашей стране вышла не одна его книга. Мирослав Валек много раз бывал в Советском Союзе и как поэт, и как общественный деятель, и как министр культуры Словакии.

Мирослав Валек пишет не только для взрослых, но и для детей. Признаться, мне, как переводчику, даже показалось, что это он делает с особым удовольствием: столько фантазии, остроумия, веселости и легкости в этих его стихах.

Вы знаете, наверное, что в наших странах есть города-побратимы. Но есть, оказывается, и побратимы-издательства: словацкое «Млада лета» и наше издательство «Детская литература». Вот они вместе и задумали выпустить книгу Мирослава Валека «Веселая дорожная свистопляска» на словацком и на русском языках. На словацком она уже вышла в свет. А скоро появится и русское издание этой книжки, с некоторыми стихами из которой мне хочется вас познакомить.

Юрий КУШАК

Мирослав ВАЛЕК

Велосипед

— В добрый путь! —
донеслось пожеланье соседа
в миг, когда я уже
падал с велосипеда.
А когда кувыркался, еще детвора
мне кричала:
— Ни пуха тебе ни пера!
А когда я валялся уже
под колесами,
мама с папой еще
приставали с вопросами:
— Ты умеешь кататься? Не свернешь себе шею?
Вот тогда я сказал:
— Ну, конечно, умею!
И хотя я упал, тем не менее
с самокатом —
никакого сравнения!

Мотороллер

Вот иметь бы мотороллер,
не один бы мотороллер,
и не два, и не четыре —
три хватило бы как раз!
На одном бы — в школу мчаться,
на другом бы — возвращаться,
а на третьем бы — кататься
и катать по кругу вас.
Для начала нужен очень
хоть один бы моторольчик:
разобраться, кто стрекочет,
кто залез в его моторчик!
Это винтик, это гайка...
Ну-ка, кто там? Вылезай-ка!
Но невидимый сверчок
притаился — и молчок!
Если вдруг со мной не станет он водиться —
мотороллер перестанет заводиться!

Поезд

Черный-черный, закопченный,
желтоглазый пан чумазый,
он свистит, как великан,
дни и ночи что есть мочи.
Ай да пан!

Позолоченные искры
в синих сумерках лесов
вырываются со свистом
из-под пепельных усов.
И вовсю летит на свист
сорванец — кленовый лист!

Этот пан-великан —
пассажирский скорый поезд,
что везет, не беспокоясь,
на каникулы ребят;
беспокоиться не надо,
если в поезде ребята
на скамеечках свистят.
Свищут чубчики и челки,
свищут шляпки и панамы,
заливаются девчонки,
и насвистывают мамы!
И дежурный на платформе
вдруг присвистнул не по форме,
и торговка на мешке,
и цыпленок в кузовке...
Ах, как весело и тряско
мчится эта свистопляска
по железному пути!
Гаснут рельсы, словно спички...
Даже если нет привычки,
вместе с нами посвисти!

Автомобиль

Если снять с автомобиля
все четыре колеса,
вдруг бы он расправил крылья
и умчался бы в леса?
Ведь бывают чудеса!
Вот сошли вы с электрички,
а вокруг висят таблички:
«ОХОТА НА ПЕВЧИЕ АВТОМОБИЛИ
КАТЕГОРИЧЕСКИ ВОСПРЕЩАЕТСЯ!
РОГАТКИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ!»
А на ветках «татры» качаются,
свищут «лады», трубят «кадиллаки»,
им не лают вослед собаки!

К счастью, нет автомобиля без колес.
Как профессор, он очки надел на нос:
побежали тени черные вдоль стен,
словно он включил не фары, а рентген.
«Так-так-так,— в усы бормочет,— жаль до слез
тех, кто крыльев не имеет и колес!
Так-
так-
так,
Так-
так-
так...» —
Проскочил дорожный знак!

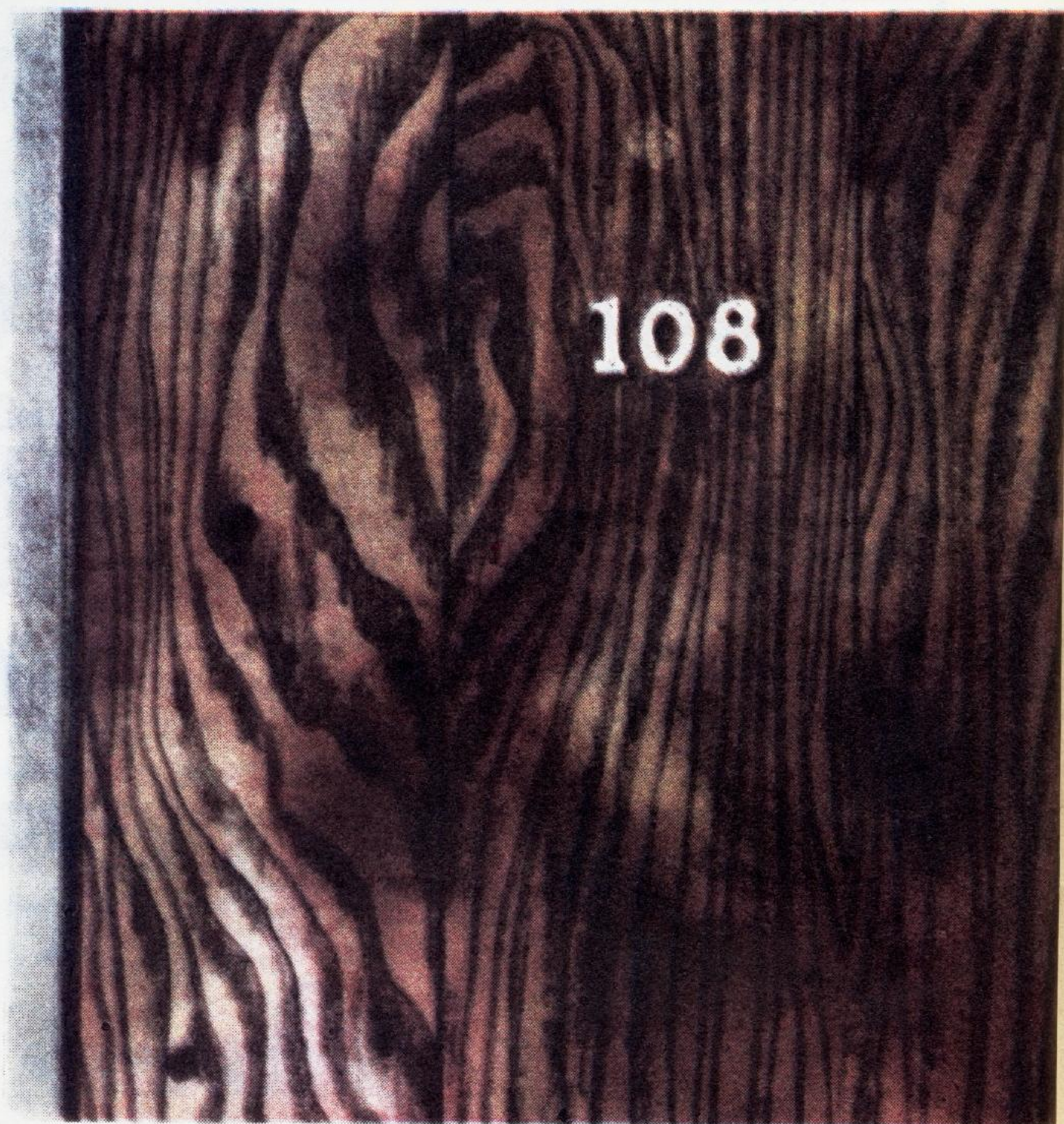

Перевел со словацкого
Юрий КУШАК.

Рисунки А. ДУГИНА.

Юрий КОРИНЕЦ

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ РОБОТ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в №№ 4,5,6.

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Размышления о жизни роботов

Папы и мамы не было дома, Катя играла в детской комнате с куклами, Тарабам готовил на кухне обед, а Юра сидел в папиной комнате возле включенной стереосистемы — музыка грохотала во всю мочь. День и ночь работал также и сконструированный Юрой и Тарабамом космический передатчик, но пока безрезультатно.

Вдруг Юра услышал из кухни голос Тарабама:

— Ох, ты мой дорогой! Дорогой ты мой! — шептал Тарабам. Юра побежал на кухню; Тарабам сидел один возле горящей плиты.

— С кем это ты тут разговариваешь? — спросил Юра.

— Да так, — смутился Тарабам. — Сам с собой разговариваю...

— Это ты — дорогой?

— Я, — кивнул Тарабам.

Юра понял, что Тарабам опять грустит.

— Катя! — крикнул Юра. — Иди сюда!

Катя вошла.

— Посиди, поболтаем, — сказал Юра.

Они уселись на табуретки возле Тарабама. Он продолжал задумчиво смотреть на синие язычки газового пламени.

— Люблю огонь! — мечтательно сказал Тарабам после некоторой паузы. — Огонь напоминает мне далекие космические светила... мои родные края.

— Я тоже люблю огонь! — сказал Юра. — Очень люблю! Особенно в кострах: когда ветки горят...

Оказалось, что Тарабам никогда не видел, как горит костер из веток, и ребятам стало его жалко.

— Мы тебе непременно покажем, — утешила его Катя. — Поедем летом за город купаться, и папа разведет на берегу костер...

— Огонь — это жизнь! — сказал Тарабам. — Это тепло. Движение. Без огня не было бы ни вас, ни меня, никаких машин. Нет огня — мертвый холод... Я видел его на других планетах... А у нас есть огонь — и мы живем.

— А сколько лет живут роботы? — спросил Юра. — Человеки живут до девяноста лет. Как Старик-Ключевик.

— И больше, — сказала Катя.

— Мы, роботы, так долго не живем, — сказал Тарабам.

— А сколько? — спросил Юра.

— Нормальный робот живет лет 10—15... Но поэтому быстрее проходит наше детство: у нас его практически нет... Мы рождаемся и сразу взрослеем.

— Почему? — спросил Юра.

Катя тоже вопросительно посмотрела на Тарабама: как же так, без детства?

— Вы рождаетесь маленькими и неразвитыми, — сказал Тарабам. — Потом вам надо еще расти и расти и развиваться... А мы появляемся на свет практически завершенными. Расти нам не надо и учиться тоже. Весь комплекс теоретических знаний уже заложен в нас от рождения. Нам остается только получить и запомнить необходимую информацию, кое-что откорригировать — и все... Вы знаете, что от роду мне всего месяц, а я уже могу выполнять на космическом корабле простейшие операции. А через год — я законченный космонавт!

— Через год ты уже совсем взрослый? — поразился Юра.

— Совсем! — с гордостью подтвердил Тарабам.

— А нам еще ух как долго ждать! — с сожалением сказала Катя. — Лет пятнадцать...

— Принеси-ка, Юра, бумагу и карандаш — я нарисую вам сравнительную таблицу...

Юра принес, и Тарабам, усевшись за кухонный стол, стал чертить. Закончив, он написал сверху:

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА
ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ И РОБОТОВ

Жизнь робота	Жизнь человека
одномесячный робот	четырнадцатилетний человек
двухмесячный робот	шестнадцатилетний человек
полугодовой робот	двадцатилетний человек
годовой робот	тридцатилетний человек
образование робота закончено, далее наступает старение и моральная усталость:	
пятилетний робот	пятидесятилетний человек
десятилетний робот	шестидесятилетний человек
пятнадцатилетний робот	девяностолетний человек
	смерть

— Здорово! — сказал Юра.

— И совсем не здорово! — рассердилась Катя. — Очень жалко!

— Таблица здорово нарисована, — смущенно поправился Юра.

— Можно робота, конечно, и подновить, — сказал Тарабам. — После какой-нибудь болезни... или омолодить — лет этак после десяти...

— Как омолодить?

— Ну, заменить в нем кое-что, поставить новые запчасти... Руку, например, ногу. Можно почти все заменить. Такой робот проживет намного дольше.

— Сто лет? — спросил Юра.

— Может быть, и больше, — сказал Тарабам. — Если несколько раз менять. Можно заменить даже электронный мозг и сердечник.

— Людям тоже заменяют сердце, — сказала Катя. — Папа говорил... Или делают искусственное.

— Я знаю, — сказал Тарабам. — Но человеческие искусственные сердца еще очень несовершенны...

— Если в тебе все заменить, — перебил Юра, — когда ты станешь стареньким, то ты проживешь и тысячу лет!

— Не совсем так, — возразил Тарабам. — Ведь тогда это буду уже не я. Если вставить мне новый электронный мозг и новый сердечник, я настолько изменюсь, что стану совсем другим роботом.

— Почему? — растерялся Юра.

— Потому что изменится мой характер. Память, знания, характер — все хранится в сердечнике и мозге, и в новом сердечнике и мозге все станет другим. Потому что одинаковых сердечников и мозгов не бывает.

— Нельзя сделать?

— Нельзя сделать, да и смысла нет: надо всегда делать что-то более совершенное. Повторяться не стоит... Ну, ладно... Пора снимать котлеты, а то они пережарятся. Да и борщ готов. Давайте обедать...

Человек СМО-83 приходит снова

В квартире-108, как всегда, громко звучала музыка.

Папа работал над новой картиной, Катя, Юра и Тарабам играли на потолке в космические прятки, мамы не было дома, когда папе показалось, что кто-то звонит.

Он открыл дверь и увидел голубоглазого мужика с мешком через плечо: Человека СМО-83.

— Я вам звоню, звоню, а вы не слышите, — улыбнулся тот. — Музыка у вас очень громкая... А я вот осетринки принес!

У папы все внутри закипело, но он и виду не показал.

— Заходите, будьте любезны! — гостеприимно улыбнулся папа. — Уж мы вас ждали-ждали, ждали-ждали...

— Оно понятно! — обрадованно хмыкнул Человек СМО-83. — А у меня, верите, работы невпроворот! Всем так хочется моей осетрины!

— Неужели? — как-то странно прошипел папа.

В глазах мужика мелькнуло подозрение, но папа опять широко улыбнулся:

— Сюда, пожалуйста. — Папа открыл дверь в мамину комнату, сразу возле входной двери.

— Охочи все страшно до осетрины! А я ведь один! Разорвать готовы — верите?

— Верю, — сказал папа. — Мне тоже охота вас разорвать.

— Это то есть как? — насторожился голубоглазый.

— А ну-ка, покажите эту... эту осетрину...

— С превеликим нашим удовольствием, — успокоился тот и стал развязывать мешок.

Он вынул из мешка завернутый в целлофан брикет и протянул папе. Папа развернул целлофан, отщипнул небольшой кусочек белого мяса и положил в рот.

— Она! — свирепо жуя, прошептал папа. — Такая же белая, и вкус такой же...

— Точно! — весело воскликнул голубоглазый. — Высший сорт, как в тот раз... можете не...

— Хватит! — прервал его папа. — Довольно! Жулик вы и подлец!

Человек СМО-83 вскочил с кресла, прихватив одной рукой мешок.

— Слушай, ты это чего? — растерянно забормотал он. — Сдурел, что ли?

— А то, что это вовсе не осетрина, а треска! Треска! — крикнул папа. — Да еще тухлая! Обманщик!

Папа стиснул кулаки и лихорадочно соображал: что делать? Как задержать жулика?

— Сам ты треска! — злобно крикнул тот, оттолкнул папу и ринулся к входной двери.

«Сейчас уйдет, — подумал папа. — Не удержать... поломает все тут»... Голубоглазый пытался открыть дверь, а папа вцепился ему в воротник. В двери было три замка, и СМО-83 никак не мог с ними совладать. Папа же безуспешно пытался оторвать его от двери. Вся эта возня происходила под громкую музыку, доносившуюся из папиной комнаты, — со стороны могло показаться, что двое у двери танцуют какой-то модный новейший танец... Из-за музыки ребята и Тарабам не сразу все услышали. Наконец они показались в коридоре: впереди, шевеля антеннами, плыл под потолком Тарабам, за ним Катя и Юра...

— Тарабамчик! — прохрипел папа. — На помощь!

В мгновение ока Тарабам оказался рядом; Человек СМО-83 увидел робота, отпустил папу и в изумлении разинул рот...

— К потолку его! — приказал папа.

В воздухе запахло электричеством, над Человеком СМО-83 засветилась маленькая радуга, и он стал подниматься вверх. Но так как одной рукой он продолжал цепляться за дверную ручку, то к потолку сначала поднялись его ноги — теперь он

повис возле двери вниз головой... Мешок же с мнимой осетриной остался на полу.

— Разряд!—приказал папа.

Тарабам протянул к двери блестящую многоколенчатую руку—из металлического замка, за который держался СМО-83, с треском посыпались голубые искры...

Голубоглазый с воплем выпустил дверную ручку, взмыл к потолку и распластался на нем лицом вниз. Он в ужасе глядел на фантастическую, отливающую серебром фигуру Тарабама.

— Стерегите его,—сказал папа.

Он вышел и через некоторое время вернулся со Стариком-Ключевиком.

— Где он?—взволнованно спросил Ключевик.

— Вон!—указал папа.

— О!—сказал Старик-Ключевик, задрав голову.—Я, кажется, удивлен! Впервые вижу мошенника, прикрепленного к потолку!

— Отпустите меня! Я больше не буду!—захныкал голубоглазый.

— Ну, уж нет!—сказал Старик-Ключевик.—Вы должны нам ответить за свои махинации. Я уже позвонил в милицию.

— Ну, тогда хоть уберите эту штуку!—прохрипел СМО-83.

— Это не штука!—крикнул Юра.

— Это инопланетянин!—сказала Катя.

— Повисите немного, сейчас за вами придут,—сказал папа.

— Эх-хе-хе,—пробормотал тот, ворочаясь на потолке.—Вот так и пропадешь! Ни за что...

— То есть как ни за что?—удивился папа.

— Ни за что,—буркнул СМО-83.

— Ну, знаете!—рассердился папа.

— Вы нам продали треску вместо осетрины,—сказал Старик-Ключевик.—Так? Признавайтесь...

СМО-83 молчал. Тарабам подлетел к жулику и уставился на него горящими зелеными глазами.

— Признавайся, допотопный ящик!—сказал Тарабам.

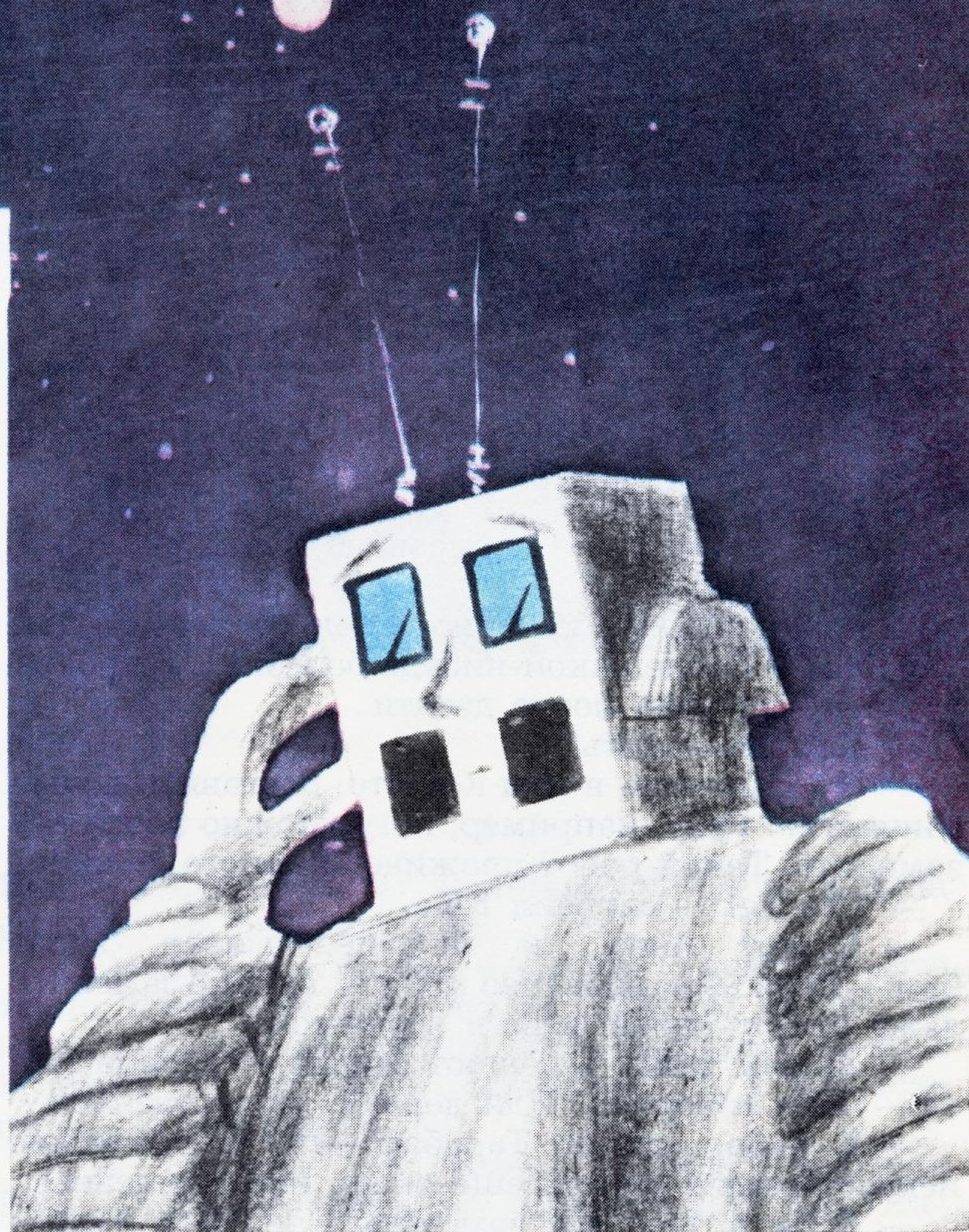
— Ну, продавал,—нехотя признался голубоглазый.—Я пошутил...

В дверь позвонили, папа открыл, и в квартиру-108 вошел милиционер. Он взял под козырек:

— Лейтенант милиции Семенов!—представился он.—Это здесь происшествие?

— Здесь,—сказал папа.—Прошу вас, товарищ лейтенант.

— Простите,—обратился Старик-Ключевик к лейтенанту.—Дело в том, что мне недавно стукнуло

— Люблю огонь,—мечтательно сказал Тарабам...—Огонь напоминает мне далекие космические светила...

ровно девяносто лет. И я всех называю по именам. Так что разрешите узнать ваше имя?

— Зовите меня Петей,—улыбнулся лейтенант милиции.

— Очень приятно,—поклонился Старик-Ключевик.—А теперь, Петя, извольте взглянуть на этот так называемый товар: мороженая треска вместо осетрины!—Старик-Ключевик раскрыл лежавший на полу мешок.—Этот жулик продавал ее нам по шести рублей за килограмм...

— Понятно,—кивнул лейтенант Петя.—А нарушитель-то где?

— Да вон же он!

Лейтенант поднял глаза и встретился взглядом с жуликом.

— Добрый день, гражданин лейтенант!—заискивающе пробормотал тот с потолка.

— Вы, кажется, знакомы?—удивился папа.

— Этого гражданина мы давно уже разыскиваем,—сказал лейтенант Петя.—Кличка «мешочник», неоднократно судим, занимается спекуляцией... Но как вы его туда упрятали? На потолок?

— А с помощью вот этого товарища,— вмешался Старик-Ключевик.

Тарабам выступил вперед.

— Это инопланетянин. Зовут его Робот Организованный Аналитический,— сказал, немного волнуясь, папа.— Живет у нас в гостях...

— Как же! Слышали мы в милиции про вашего гостя. С планеты Уникальных Логических Исследований, что ли?

Тарабам кивнул. Лейтенант протянул ему руку:

— Рад познакомиться!

Голубоглазый на потолке выразительно кашлянул, но никто не обратил на него внимания. Все смотрели на Тарабама и лейтенанта Петю — уж очень интересно они рядом смотрелись. СМО-83 опять кашлянул, и опять никто не обернулся.

— Долго ли мне еще тут висеть?! — громко спросил он наконец.

— Повисите, гражданин,— сказал лейтенант Петя.— Сейчас составим протокол... От имени милиции,— торжественно обратился он к Тарабаму,— от имени милиции объявляю вам благодарность за поимку весьма опасного преступника!

Вот это звонок!

Папа работал один — мама, Тарабам, Катя и Юра гуляли во дворе,— когда раздался громкий, прерывистый телефонный звонок. Так обычно звонит междугородная. Папа взял трубку.

— Алло?

В телефоне пискнуло, потом затрещало, а потом папа услышал какие-то необычные посвистывания и шорохи.

— Алло! — повторил папа.

В ответ он услышал все те же посвистывания и шорохи.

«Барахлит,— подумал папа.— Какой-то телефон стал бестолковый, куда только техники смотрят». И положил трубку.

Но едва он ее положил, как опять зазвонило — на этот раз уже без всякого перерыва и оглушительно... Папа опять снял трубку.

— Алло! Вас плохо слышно! — сказал папа.

— Тереби упроводи ули! — сказал телефон.

— Не понял? — сказал папа.

— Ули! — сказал телефон.— Ули!

— Что — ули?

— Говорит планета Уникальных Логических Исследований,— сказал телефон вполне человеческим голосом.

— О! — От неожиданности папа чуть не упал со стула.— Я вас слушаю! Кто у телефона?

— У телефона КАР-ЦОВ,— сказал голос.

— Вас понял! — крикнул папа.— Я вас приветствую! Вы, наверное, ищете Тарабама? Не беспокойтесь, пожалуйста, он у нас. Перехожу на прием!

— О! — в свою очередь, удивился КАР-ЦОВ.— Значит, вам нечего объяснять... Чрезвычайно рад!

— И я рад! — воскликнул папа.— Очень! Вы приняли наши сигналы?

— Приняли,— сказал КАР-ЦОВ.— Но не кричите так... я вас прекрасно слышу. Так, значит, все в порядке? С Тарабамом?

— В порядке,— подтвердил папа.— Но он очень тоскует... Может быть, мы можем чем-нибудь помочь?

— Ничего особенного не требуется,— вежливо сказал КАР-ЦОВ.— Просто прошу вас в воскресенье, 12 июня, быть дома. Ровно в восемь часов утра. Мы прилетим за Тарабамом. И постарайтесь, чтобы в квартире не было посторонних. Старик-Ключевик, конечно, не в счет. И этот ваш друг... как его? (КАР-ЦОВ имел в виду меня.)

— О! Вы и его знаете?

— Знаю, знаю... так что: поменьше народу.

— Будет сделано! — обещал папа.— Благодарю вас за звонок!

— Ну что вы, друг мой,— мягко сказал КАР-ЦОВ.— Это я вас благодарю. Вы уже столько для нас сделали...

— Бросьте! — возразил папа.— Все это просто чепуха!

— Нет, не чепуха. Так что ждите... А пока до свидания!

— Как там погода? На планете УЛИ? — спросил папа: ему очень хотелось еще поговорить.

Но КАР-ЦОВ пропал: в телефоне опять посвистывало, потрескивало, жужжало — это звучал космос.

Папа еще долго сидел, забыв обо всем на свете, и слушал таинственные голоса удивительных далеких миров...

Разговор этот — как сейчас помню — состоялся в пятницу 3 июня 1983 года, перед еще одним весьма важным событием... но о нем чуть попозже.

Сказка о золотых контактах

Когда мама, Тарабам, Катя и Юра вернулись с гулянья, папа сразу же рассказал им о своем удивительном разговоре. Радости обитателей квартиры-108 не было границ! Особенно, конечно, радовался Тарабам.

В тот вечер все еще долго разговаривали за чаем, строили разные планы о новых встречах с Тарабамом, даже о полете всей семьей к нему в гости — на его звездолет или на далекую планету. Эти планы всех очень взволновали, и дети долго не хотели ложиться спать. Наконец они удалились вместе с Тарабамом: мама разрешила ему рассказать им на ночь новую сказку.

— Надеюсь, эта сказка будет веселая? — спросила мама. Тарабам кивнул.

Через некоторое время папа и мама решили послушать, что он там рассказывает. Они подошли к двери в детскую и прислушались...

— ...После этого страшного крушения в машине больше ничего не осталось! — ровным голосом говорил Тарабам.— Все части разлетелись в космическом пространстве на многие тысячи километров. Только маленькие золотые контакты звездолета еще держали связь с далекой планетой.

— Они были из настоящего золота? — спросил Юра.

— Из настоящего,— важно ответил Тарабам.— Эти контакты были вечными! Они не ржавели, не стирались, не окислялись! Они держали связь, несмотря ни на что! Несмотря даже на то, что самой машины, которой они верно служили, давно уже не было. Когда с планеты вызывали несуществующий звездолет, золотые контакты отвечали: «Есть контакт!» — и начинали принимать и передавать информацию... Одинокие, летели они по начертанной им орбите и принимали-принимали-принимали и передавали-передавали-передавали, и опять принимали-принимали-принимали... А теперь скажите мне: о чем эта сказка?

— О золотых контактах! — сказала Катя.

— Как они все принимали и передавали! — сказал Юра.

— Это внешняя форма сказки,— важно сказал Тарабам.— То, что лежит на поверхности. Внутренний смысл куда глубже! Понимаете?

— Нет,— сказал Юра.

— Эта сказка повествует о чувстве ответственности! — торжествующе произнес Тарабам.— И о верности долгу! О золотых контактах, в общем...

— Я же и говорю! — сказала Катя.

Папина выставка

К этим космическим треволнениям в квартире-108 добавилось еще нечто, о чем я не успел вам раньше сказать,— приближалась папина выставка. Выставка должна была открыться в воскресенье

Мама и папа решили послушать, что там рассказывает Тарабам...

5 июня, а в следующее воскресенье — 12-го — намечался отлет Тарабама. Сами понимаете, какие насыщенные переживаниями дни наступили в квартире-108.

О, это большое дело для художника — выставка! Где, скажите, широкая публика может увидеть картины художника, высказать о нем свое мнение, признать его или не признать? Только на выставке. Если у художника никогда не было выставки, то о нем почти никто ничего не знает, можно даже сказать, что и самого художника тогда просто нет. Что в том, что где-то он там существует, в своей квартире, как всякая человеческая единица — как художник он не существует... Вот что такое для художника выставка. Все это объяснил нам папа.

С некоторых пор папа только и делал, что готовился к этой выставке: он перебирал все свои картины, то вытаскивал их на свет, то опять запихивал в кладовку, делал на них кое-какие последние завершающие мазки, протирал лаком... в общем, хлопотал, волновался, готовился. И все мы волновались. Особенно переживал Тарабам — ведь к созданию последних папиных картин он был непосредственно причастен. Я уж не говорю о предстоящем отлете в космос — с одной стороны, Тарабам этому радовался, с другой стороны, он уже так ко всем нам привык, что уезжать ему не очень-то и хотелось... И оставаться не хотелось, и уезжать не хотелось... вернее, хотелось и того и этого. А тут еще выставка! Тарабам жаждал успеха, да и все жаждали успеха, не говоря уже о папе: ему-то успех был нужнее всего. В глубине души мы сомневались: а будет ли успех? А вдруг провал? Все может быть! Ведь живопись — это великая тайна, ее пути неисповедимы. Об этих своих сомнениях мы, конечно, вслух не говорили, но про себя все время об этом думали. В общем, обстановка была сложная...

В ту субботу накануне открытия выставки я приехал в квартиру-108 чуть ли не на рассвете. Нужно было отвезти картины в художественный салон и там их развесить. Везти их надо было довольно далеко — почти через всю Москву, в один из новых салонов. А тут еще нахмурилось небо и стал накрапывать дождь. Все время ясно было, а тут на тебе! Надо было укрывать картины в дороге брезентом.

Папа ехал в кабине, а я наверху, в кузове, с картинами. Я следил, чтобы ветер не сорвал с них брезентовое покрывало. Ведь, кроме дождя, в то утро еще и ветер разгулялся. Это нас огорчало: мы боялись, что в плохую погоду будет мало публики, да и освещение в выставочных залах тоже зависит от погоды: если будет сумрачно, то придется зажигать искусственный свет, а при искусственном свете картины смотрятся намного хуже. Да и вообще одно дело — солнечный день, а другое дело — день пасмурный, при нем как-то все печальнее. Но папа сказал, что все это чепуха, что погода вообще не играет тут никакой роли... он бодрился, хотя ясно было, что и ему погода не по душе.

Когда мы приехали в салон, нас уже там ждали: главный распорядитель выставок — толстый важный человек в сером костюме и пятеро рабочих по развеске. С их помощью мы выгрузили картины и внесли их в здание. Оно было только что построено по последней моде. В нем было просторное фойе с буфетом вдоль одной из стен и много выставочных залов. Папе отвели четыре больших зала, они тянулись один за другим по полуокружности огромного строения.

Сначала мы прошлись по пустым гулким залам вместе с распорядителем и рабочими, чтобы прикинуть, где что развесить. У папы, правда, был уже составлен подробный план выставки: все у него было тонко продумано! Осмотр должен был начинаться с картины «Металлолом. Материал для размышления № 1». В том же первом зале должны были разместиться и другие «металлоломы» — всего десять. В следующем зале предполагалось повесить портреты — несколько портретов Тарабама, «Старик-Ключевик», «Семейный портрет с гвоздем» и еще несколько портретов — Кати, Юры, мамы и наших общих знакомых. В последних двух залах должны были быть развешаны пейзажи: просто пейзажи и пейзажи с гаечками. Когда мы все это себе уяснили, началась работа. Мы расставили картины по залам и принялись за развеску. Развешивали рабочие, а мы с папой наблюдали — одновременно в разных залах.

В начале работы у нас приключился конфликт с распорядителем. Возле портретов Тарабама распорядитель остановился в удивлении. «Тут везде написано «Портрет друга»,— сказал он.— Но это же машины!» «Это мой друг»,— ответил папа. «Это машины!» «Повторяю вам, что это мой друг!» — снова повторил папа, уже заметно сердясь. Я тоже начал было закипать, но тут один рабочий по развеске, стоявший рядом со мной, прогремел добродушным басом. «А что? Мне нравится! Хоть я такого тоже доселе не бачил». «А вы, ребята, что скажете?» — обратился папа к остальным. Они одобрительно зашумели: «Здорово!», «Все понятно: тут робот», «Нарисовано точно!»...

«Слышали?— спросил папа распорядителя.— Так что оставьте вашу критику при себе... Между прочим, можете пойти отдыхать, вы нам только мешаете...»

Распорядитель молча вышел. Теперь дело пошло быстрей. Кончили мы, однако, нескоро — за окнами совсем стемнело.

В этот вечер я остался ночевать в квартире-108, чтобы завтра сразу же ехать с папой на выставку. Мама, Катя, Юра и Тарабам встретили нас возбужденные и закидали вопросами. Мы сказали, что все в порядке. Наскоро поужинав, мы легли спать.

На другой день — в воскресенье, 5 июня — будильник разбудил нас в 8 утра. И какова же была наша радость, когда мы увидели за окном яркое солнце. Мама и Тарабам принялись готовить на кухне завтрак.

— Подумать только! — весело говорила мама.— Дождь улетучился, и опять солнышко. Это хорошее предзнаменование.

— Тьфу-тьфу! — сказал папа.— Не сглазить бы...

Мы с ним приняли для успокоения ванну, побрились и надели парадные костюмы. Через час все уселись в папиной комнате завтракать. Мама, Катя и Юра были тоже во всем парадном.

— Какие вы все красивые! — с завистью сказал Тарабам, подавая нам омлет — он здорово научился его готовить.— Жаль, что мне не надо одеваться.

— Ты и так красив, без всяких костюмов,— сказал папа.— Хотел бы я быть на твоем месте: жизнь была бы намного проще...

— Так я остаюсь дома? — спросил Тарабам; в его голосе прозвучало сожаление.

— Извини меня,— сказал ему папа,— но ты должен понять: твое появление на выставке может произвести нежелательный фурор. Все только и будут что смотреть на тебя. И забудут о моих картинах...

— Не забудут! — запротестовал Юра.

И Катя повторила:

— Не забудут!

Им стало жаль Тарабама, что он остается.

— А потом, может позвонить КАР-ЦОВ... сейчас нельзя оставлять квартиру пустой,— добавил папа.

— Я думаю, что ты прав,— кивнул Тарабам.— Я должен остаться. Но мысленно я буду с вами там — на выставке... и буду готовить вам дома торжественную встречу. А уж вы не подкачайте!

— Постараемся,— сказал папа.

Перед самым отъездом пришел Старик-Ключевик — весь сияющий, и ключ на его груди горел, как червонное золото,— мне кажется, он специально почистил его зубным порошком.

Мы присели на минуту перед дорогой, а потом отправились на выставку.

Небо над Москвой было синим и чистым — ни одного облачка, промытый дождем асфальт — еще мокрый от ночного ливня — сиял, как мне показалось, отражениями космических лучей. Вдоль улиц спешили куда-то по-летнему нарядные люди, и настроение у нас становилось все более приподнятым. «А что, если они все спешат на нашу выставку?» — подумал я и как будто в воду смотрел! Потому что когда мы подъехали к художественному салону, то увидели густую очередь. Очередь была похожа на разноцветного толстого удава с большой головой: перед входом все толпились, стремясь поскорее попасть внутрь. Мы с трудом протиснулись сквозь толпу. За дверьми нас ждал распорядитель.

«Опаздываете, опаздываете,— проворчал он,— сейчас начинаем». Он подвел нас к невысокому обтянутому серой материей возвышению в дальнем углу фойе — перед входом в залы. По краям возвышения стояли горшки и корзины с цветами. Высокие двустворчатые двери были распахнуты настежь, но вход был перегорожен ленточкой.

«Вот отсюда вы скажете несколько слов,— шепнул распорядитель, поднявшись на возвышение и подойдя к микрофону.— Я думаю, минут пятнадцать вам хватит?» «Вполне»,— согласился папа. Я видел, что он нервничает.

Фойе быстро наполнялось многоголовыми волнами, гул голосов усиливался. Вскоре огромное фойе оказалось набитым битком. «Начинаем!» — сказал распорядитель и первый шагнул на возвышение. «Держись, старик! — шепнул я папе.— И ни пуха тебе, ни пера!» «К черту!» — ответил он глухим голосом и тоже поднялся на постамент.

Он остановился перед микрофоном и поднял руку. Воцарилась тишина. Внизу, перед самым микрофоном, стояли мама, Катя, Юра, Старик-Ключевик и я. Тесная толпа горячо дышала нам в затылки.

Папа кашлянул и начал.

— Дорогие товарищи! — сказал он тепло.— Я рад приветствовать вас на моей первой персональной выставке! Работы, которые вы увидите, написаны мной в основном в последнее время. Я старался выразить в них мои размышления об окружающем нас мире... о насущных проблемах, да простят мне эти громкие слова! (По фойе прокатился одобрительный шум.) Но много говорить я не буду — я не оратор и не писатель,— слова не моя стихия... Моя стихия — живопись, которую вы сейчас увидите. Смотрите, размышляйте, думайте — буду рад, если картины вам понравятся и подтолкнут вас к раздумьям.— Тут папа на минуту замолчал, опять кашлянул и продолжал: — Хочу только сказать, что эти картины — не результат моей одинокой фантазии! Нет! В работе над ними мне помогали, во-первых — моя семья: моя жена и дети. Во-вторых — мои друзья. Их портреты вы увидите во втором зале. Среди них вы увидите и портрет робота Тарабама. Должен сказать, что это не простой робот, это чрезвычайно разумное существо. Он тоже мой большой друг. Более того: он соавтор моих самых главных картин!

По фойе пронесся гул удивления; папа сделал небольшую паузу.

— Ну, вот и все, что я хотел вам сказать,— улыбнулся он.— А теперь — добро пожаловать!

Папа взмахнул рукой и спрыгнул с постамента.

Прошелестели аплодисменты. «Маловато,— подумал я.— Могли бы и еще похлопать».

Оказавшийся рядом распорядитель протянул папе маленькие ножницы. «Режьте ленту! Режьте!» — шепнул он и толкнул папу ко входу на выставку. Папа перерезал ленточку, отошел в сторону — и тесная толпа хлынула в залы...

Мы тоже вошли вслед за папой, стараясь держаться вместе. Но народу было столько, что я сразу же потерял своих друзей из виду. «Ничего,— подумал я.— Потом найдемся. А сейчас похожу один, послушаю, что говорят...»

Больше всего народу столпилось перед самым большим портретом Тарабама. Картина была написана в серебристо-синих тонах: Тарабам стоял во весь рост на фоне какого-то космического пейзажа — странной формы скалы, странной формы растения и деревья на них, на темном небе несколько солнц и лун... Я подошел ближе.

— В своей речи он говорил неправду! — услышал я вдруг позади себя.

Я оглянулся: кипятилась какая-то маленькая старушка.

— Этого робота художник сам сделал,— продолжала старушка.— Говорят, это его хобби — делать роботов...

— Да что вы знаете! — возразил старичок рядом со мной.— Его хобби — это картины. А по специальности он — инженер-электроник. Потому в его картинах все эти болты, гаечки, пружинки...

— Что вы говорите?! — удивилась старушка.

— А гаечки прекрасны! — вмешался еще кто-то.

— И робот прекрасен!

— Ничегошеньки-то вы не знаете! — вмешался молодой человек с большой черной бородой и длинными волосами до плеч, в черных очках (очевидно, художник).— Никакой он не инженер! Он просто гениальный художник. А робот — настоящий инопланетянин, представитель внеземной цивилизации, и тоже гениальный художник. Он специально прилетел к нам.

Я отошел к небольшой группе, столпившейся перед портретом Старика-Ключевика.

— Вы только посмотрите на это выражение лица! — говорил один посетитель, указывая на Ключевика.— Ясно видно, что старик — мудрец! Что он все знает и давно привык ничему не удивляться! Ему, наверное, лет сто!

— Берите больше! — сказал второй посетитель.— Сто лет для такого мудреца — младенческий возраст.

— А ключ! — воскликнул третий.— Ведь неспроста этот медный ключ на груди! Это символ... ключ, так сказать! Ключ познания... Гениально!

— Да, да, совершенно справедливо! Это вы здорово подметили.

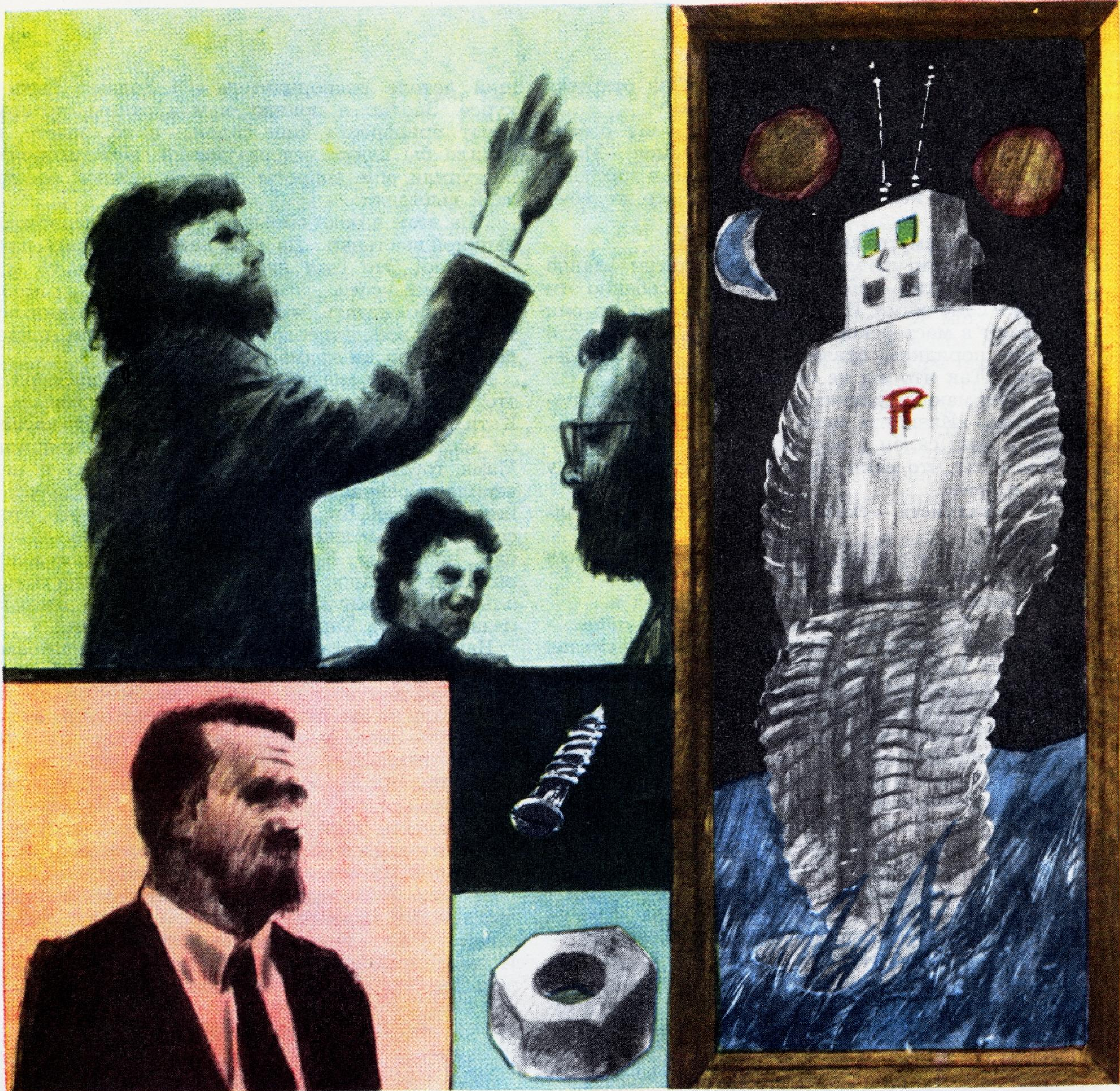
— А может, он просто боится потерять этот ключ? И поэтому носит его на груди?

— Да что вы чепуху городите? Стыдно слушать.

— Ключ — это украшение,— пропищала молоденькая девушка.

— Неужели? Как интересно!

— Надо будет и себе повесить...

— А гаечки прекрасны! — вмешался еще кто-то. — И робот прекрасен!

Я двинулся дальше — к «Семейному портрету с гвоздем».

На этом групповом портрете изображены были мама, папа, Катя и Юра — они, улыбаясь, как бы смотрели в овальное зеркало; и сам холст был овальным. В центре папа держал в одной руке молоток, а в другой — длинный здоровый гвоздь, обращенный острым концом к публике.

— Непонятно — зачем гвоздь? — спрашивал кто-то в толпе.

— Как зачем — он его вбивает! Укрепляет семью!

— Но куда вбивает? Куда?

— Ах, не все ли равно — куда! Он его символически вбивает! Как вы не понимаете!

— Ну, конечно! Кому же еще вбивать гвоздь, как не папе!

— Смотрите шире, смотрите шире! — восклицал какой-то высокий человек, пробиваясь сквозь толпу, — смысл этой картины в том, — крикнул он, — что гвоздь семьи — это отец! На нем все держится! — И человек оглядел всех с вызовом.

— Нет уж, простите, — вмешался из толпы женский голос. — А мама — не гвоздь?

— Мать — духовное начало, а отец — физическое! — крикнули из толпы.

Я отошел. С гаечными пейзажами в третьем зале тоже все было в порядке. Успех полный. А сам я вдруг бесконечно устал. «Надо запомнить все мнения и рассказать имениннику, — решил я. — Кстати, где он?»

Выйдя в полупустое фойе, я сразу увидел папу в углу — возле буфета. Он о чем-то разговаривал с мамой. Рядом стояли Катя, Юра и Старик-Ключевик. Катя и Юра жевали бутерброды и пили сок из бокалов.

Я направился к ним. Вместе со мной подошел и распорядитель выставки.

— Извините, маэстро, — обратился он к папе, — можно вас на минуту? Видите ли, сейчас ко мне обратился известный коллекционер... Вы, наверное, о нем слышали?

Папа кивнул.

— Он хотел купить картину «Металлолом № 1»...

— Почему «хотел»? — удивился папа.

— Потому что я сказал ему, что вы ничего не продаете. Я сказал, что вы известнейший художник и, естественно, в деньгах не нуждаетесь... я прав?

Я увидел, как побледнела мама. Она открыла было рот, но папа наступил ей на ногу.

— Верно,— спокойно сказал папа,— вы совершенно правы. В деньгах мы не нуждаемся.— Мама еще больше побледнела.— Но дело не в них! Дело в том, что некоторые картины я все же хочу продать...

— Разве?— смутился распорядитель.

— Дело в том, что многие из этих картин — давно пройденный этап,— объяснил папа.— Особенно эти пейзажи с гаечками. Их у меня слишком много, они занимают в мастерской много места. Да и надоели они мне порядком, отвлекают. Хочу от них отделаться... Так что вы не совсем правы.

— Понимаю!— заискивающе улыбнулся распорядитель,— Извините меня, я не знал. Но тогда... тогда и наш салон у вас купит!

Я заметил, что мама опять порозовела. На душе у меня отлегло.

— Пожалуйста,— сказал папа.— А где этот коллекционер?

— Сейчас я его поищу!— услужливо воскликнул распорядитель и бросился в залы.

— Дипломат ты потрясающий,— сказал я.

— Еще бы!— самодовольно улыбнулся папа.

— Успех просто сногсшибательный!— сказал я.— Я тут слушал разные мнения, даже записал кое-что,— я вынул было записную книжку.

— Потом,— сказал папа.— Сейчас не до этого.

— А что это за коллекционер?— спросила мама.

— О!— прошептал Старик-Ключевик, оглянувшись в фойе.— Известнейший коллекционер! Уж если он заинтересовался — значит, ваша звезда засияла!— обратился Ключевик к папе.

— Они идут!— шепнула мама.

Я оглянулся: распорядитель выставки вел к нам через фойе старичка: один глаз был у него закрыт черной повязкой, старик был невысок, одет в черный костюм и белую рубашку с галстуком.

— Весьма рад, что вы надумали продать мне «Металлолом № 1»!— сказал одноглазый коллекционер, пожимая папе руку.— Может, вы еще что-нибудь отдадите? Я в полном восторге от ваших картин!

— «Металлолом № 1» не продается,— сказал папа.

— Почему?— спросил одноглазый.

— Семейная реликвия.

— Понятно,— кивнул одноглазый.

— А больше вас ничего не интересует?— спросил папа.

— «Портрет с ключом».— Одноглазый повернул острый нос к Старику-Ключевику.— Поразительное сходство! И вообще — гениальная вещь!

— Не продается!

— О!— трагично воскликнул одноглазый.— А «Семейный портрет с гвоздем»?

— Тоже не продается...

Одноглазый совсем помрачнел.

— Для меня эти вещи не имеют цены,— объяснил ему папа.— Я не могу с ними расстаться.

— Но что же вы мне тогда отдадите?— упавшим голосом спросил одноглазый коллекционер.— Может, металлоломы 2—3—4?

— Это пожалуйста,— улыбнулся папа.

— И вы разрешите сразу же поставить на этикетках красные кружочки?— вскинул одноглазый свой нос.— Я за ценой не постою!

— Разумеется,— кивнул папа.

— Тогда прошу вас, пойдемте со мной и поставим... А заодно и еще кое-что посмотрим... обговорим.

— Разрешите и мне с вами,— вмешался молчавший дотоле распорядитель.— Я должен быть в курсе. Заодно я покажу вам картины, которые хочет приобрести наш салон... а то, знаете, не вышло бы каких недоразумений. Между прочим поступили еще запросы от передвижной российской выставки...

...На этом я пока обрываю рассказ о первом дне папиной выставки... Да и что вам еще сказать, и так все ясно! Это был настоящий триумф, то есть блестящий успех.

Должен сказать, что папа ждал этого дня всю жизнь, он всегда твердо верил, что этот день придет, несмотря ни на какие препятствия.

Должен еще сказать, что не только папа верил в этот грядущий триумф — и мама в это верила, и Катя, и Юра, и даже Старик-Ключевик. Что касается мамы, то это вообще героическая женщина. Мама гордилась папой, она неколебимо в него верила и сейчас вполне заслуженно разделяла с ним его успех. Вы, конечно, можете сказать, что и еще кое-кто должен разделять этот успех — Тарабам, например. Конечно, и Тарабам заслуженно разделяет с папой его успех. Недаром папа специально подчеркнул это в своей речи и открыто назвал робота Тарабама своим соавтором.

Начались выставочные будни, но должен заметить, что эти будни были не менее праздничными: народу на выставке не убавлялось. Все эти дни мы пропадали на выставке. Даже Тарабам один раз там побывал — после закрытия, вечером: дирекция выставки специально сделала для Тарабама исключение из правил. Все эти дни мы ходили возбужденно-счастливые и под конец недели уже еле передвигали от усталости ноги. На седьмой день — в субботу 11 июня — мы к вечеру привезли оставшиеся картины домой. Их оставалось не так уже много: большая часть была куплена разными передвижными выставками, музеями, салонами, а также частными лицами. Сами понимаете, как довольна была мама. И дело тут было, конечно, не в одних только деньгах.

Прощальный вечер и разлука

В тот же субботний вечер в квартире-108 назначен был дружеский ужин по поводу окончания выставки и отлета на следующий день Тарабама. Мама, Тарабам, Катя и Юра готовили дома угощение. На вечере присутствовали в качестве почетных папиных гостей и гостей Тарабама — Катя, Юра, мама, Старик-Ключевик, я и лейтенант милиции Петя... Да, я забыл вам сказать, что Петя и на выставке был, но оказался чрезвычайно скромным человеком и даже постеснялся подойти к папе. Это папа уже потом пригласил его, ведь Петя тоже стал другом квартиры-108. Между прочим, мы спросили его о Человеке СМО-83 — что с ним? И что бы вы думали? Лейтенант Петя ответил, что СМО-83 работает где-то на заводе! Раньше нигде не работал, а теперь пошел на работу — милиция взяла его на поруки. Дело в том, что после встречи с Тарабамом Человек СМО-83 решил прекратить свою беспутную жизнь. Он в корне раскаялся и перековался. Он заявил, что Тарабам произвел на него неизгладимое впечатление, что ему стало стыдно перед всей Вселенной за нехорошее поведение.

Вдруг папа и Тарабам встали из-за стола и таинственно нам подмигнули. Мы в растерянности замерли.

«Что нас еще ждет?» — с тревогой подумал каждый: мама, лейтенант Петя, Катя, Юра и я... Папа и Тарабам вышли из комнаты и через минуту вернулись обратно: они несли новый большой цветной телевизор! Они подошли к Старику-Ключевику, и мы сразу все поняли. Старик-Ключевик встал, в волнении поправляя на груди ключ. Телевизор поставили на стол — ему сразу освободили место, и Тарабам произнес прочувствованную речь... О, я не в состоянии повторить этой речи! В ней Тарабам выразил глубочайшую благодарность Старику-Ключевику — от себя лично и от всех нас. Тарабам говорил о чуткости и благородстве, о щедрости и бескорыстии, о чувстве ответственности, о долге перед ближними и, конечно же, о золотых контактах... А Старик-Ключевик все стоял, растроганно глядя в глаза Тарабаму, и все теребил на груди ключ... А потом все опять заговорили...

Ужин затянулся до самого утра. Да и смысла не было ложиться спать — ведь через несколько часов Тарабам улетал. Только Катю и Юру, когда они заклевали носами, Тарабам на некоторое время собственноручно отнес в детскую, уложил и укрыл одеялами. А в семь утра они опять были на ногах!

Сложное было у всех нас состояние. Было тут и счастье от общения с Тарабамом, и чувство единения всех мыслящих космических существ, и гордость за признание папиной живописи, и глубокая боль расставания с нашим новым удивительным другом... Но мы глушили в себе эту боль, стараясь быть веселыми.

— Как же вы теперь без меня? — спросил Тарабам маму. — Кто присмотрит за детьми, когда я улечу? Ведь вы с папой оба работаете.

— Не волнуйся, — ответила ему мама и обняла папу. — У нашего папы успех! Я могу, наконец, целиком отдаться хозяйству... и детям. Хотя бы на некоторое время, пока Катя и Юра подрастут.

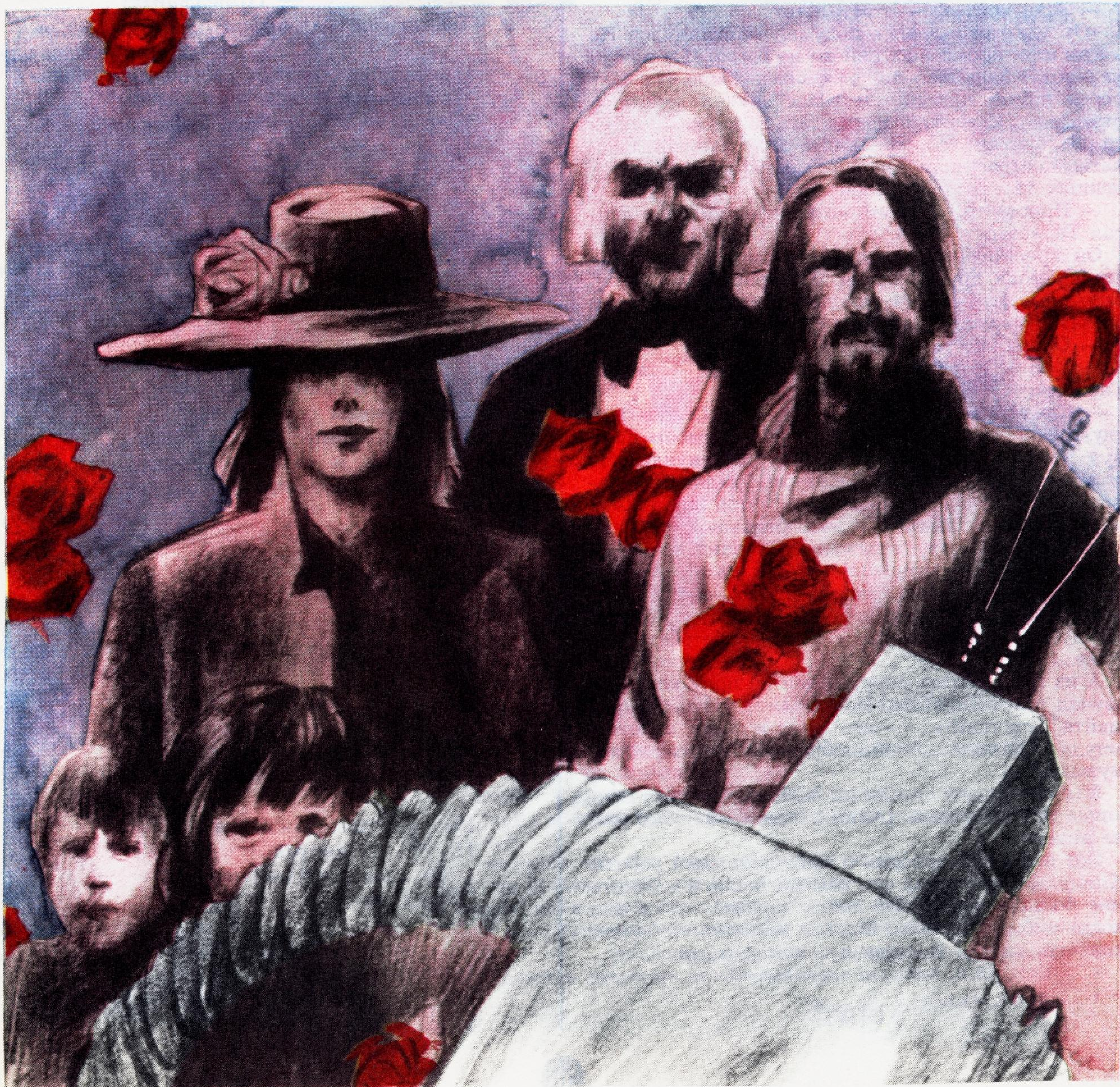
— Я вам знаете, что посоветую? — сказал Тарабам. — Купите им щенка! Чтобы им не было без меня скучно. И пусть они его хорошо воспитают.

— За щенка не беспокойтесь, — вмешался лейтенант Петя. — Я вам подарю... овчарку!

— Ну, тогда все в порядке, — сказал Тарабам. — А теперь...

— А теперь наступает самый печальный момент в нашей жизни, — сказал папа и встал.

— Четыре, три, два, один! — Тарабам шагнил на балкон и вдруг исчез!

Мама, Старик-Ключевик, милиционер Петя и я тоже поднялись. Только Юра и Катя продолжали сидеть, опустив головы.

— Ну, ребятки, выше носы! — сказал Тарабам.— Или вы не рады, что я увижу своих папу и маму?

— Рады,— грустно ответили хором Катя и Юра.

— Мы еще с вами увидимся. Это я вам твердо обещаю.

— Когда? — повеселели Катя и Юра.

— Вот уж этого я вам сказать не могу. Но мы увидимся. Только будьте молодцами и во всем слушайтесь папу и маму.— И Тарабам направился к балкону. Он остановился на пороге открытой двери.

Мы стояли позади него, глядя в небо. Над Москвой ярко светило солнце, белоснежно сияли редкие кучевые облака. Обычное летнее небо... И вместе с тем я вдруг почувствовал в нем нечто необычное: я почувствовал, а потом и увидел: рядом с Солнцем — немного правее — нарождающееся второе солнце... или нет — скорее это была Луна! Бледная Луна, как бывает на Севере, за Полярным кругом, в период белых ночей: Луна при Солнце! А вон и три звездочки возле Луны...

И прозвучал голос: «Внимание! Внимание! Вызываем робота Тарабама! Контакт!»

— Есть контакт! — ответил тот.

«Откуда этот голос?» — подумал я и оглянулся. Но в комнате, кроме нас, никого не было. И в воздухе — возле балкона — тоже никого не было. И в саду перед домом никого... А голос звучал громко и отчетливо. И вдруг я понял, что голос исходит из замысловатого сооружения на полу папиной комнаты, построенного Юрой и Тарабамом из испорченных телевизоров Ключевика...

— Прощайте, друзья! — взволнованно прошептал Тарабам.

Он крепко обнял каждого из нас. Я заметил в глазах моих друзей слезы. У Тарабама не могло быть слез, зато черные стрелки в его ярких зеленых глазах судорожно забегали по шкале.

— Объявляю готовность номер один!

— Есть готовность номер один! — ответил Тарабам.

— Следите за отсчетом! 10—9—8...— Сердце мое глухо застучало.—...5—4—3—2—1!— Тарабам шагнул на балкон — и вдруг исчез! На секунду мне показалось, что в небе мелькнула, удаляясь, ослепительная точка — как бывает, когда лежишь с закрытыми глазами и в них мелькают, уносясь куда-то в черноту, малюсенькие яркие точки. Я даже черноту на мгновение увидел, только удаляющаяся в ней точка была одинока — и тут же я опять увидел обычную небесную синеву и Солнце, но Луны справа уже не было и трех звездочек тоже...

А из громоздкого сооружения на полу комнаты звучал голос Тарабама: «Прощайте, друзья... прощайте... прощайте...» — все тише и тише, а потом оттуда полилась невообразимо прекрасная музыка...

Мы еще долго стояли на балконе, глядя в сияющее небо, и махали руками, хотя ничего там уже не видели...

Вот вам и вся история о заблудившемся роботе. Клянусь, я рассказал все, как оно было, и добавить мне больше нечего. Не знаю, вернется ли к нам когда-нибудь Тарабам? Если он вернется, я об этом, конечно, узнаю. И тогда я о нем еще расскажу.

КОНЕЦ

Инна ГАМАЗКОВА

Гость

Боком-боком Облако
Проходило в дом.
Усадили Облако
Мы с большим трудом.
Угощали Облако
Яблоком!
Угощали Облако
Бубликом!
Чтобы в небе не было скучно,
Подарили шарик воздушный...
Обняло нас Облако,
А потом
Боком-боком выбралось
На балкон.
Белой лапой помахало:
— Прощайте,
Если что не так — извините!
Закричали мы:
— Приезжайте!
То есть нет, прилетайте!
Звоните!
Прилетайте осенью — с дождиком!
Прилетайте зимою — со снегом!
Улыбнулось нам наше Облако
Во все небо!

Антонина СЫМОНОВИЧ

Ежик

По дороге бежал дождик-ежик,
Замочил неловких прохожих,
Растревожил серую тучку.
Но зато принес на колючках
И грибов, и яблок, и груш
Дождик-ежик, холодный душ.

Н. АЛТУХОВ

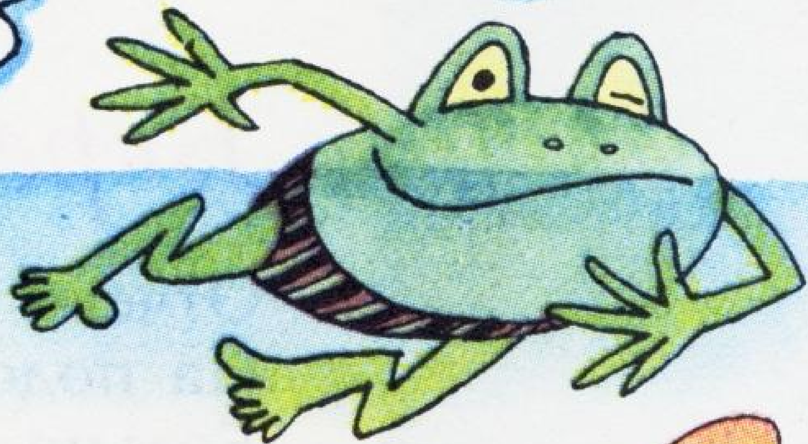
Бабочка

К цветку приникнув рыжему,
Глядит из-под ресниц.
Она подобна книжечке
Всего из двух страниц.

Вокруг трава росистая,
Но сух ее цветок,
Страницы перелистывает
Тихий ветерок.

Под осень луг бесцветнее.
Но запечатлены
На крыльях краски летние
И радуги весны.

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ ЗООЛОГИИ

Учитель: Какие известны рефлексы у собак?
Ученик: Кусательные!

Евгений Агатицкий, Оренбургская область.

* * *

Учитель: Каких ты знаешь домашних животных?
Ученик: Тараканов.

Анжелика Полторак, г. Херсон.

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель: Составь предложение со словом «елка»!
Ученик: Елка одиноко стояла в густом еловом лесу.

Г. Комиссаров, г. Беломорск.

* * *

Учитель: Почему в слове «длина» — одна буква Н, а в слове «длинный» — две?
Ученик: Потому что слово «длинный» — длиннее!

Наташа Кобякова, г. Ярцево.

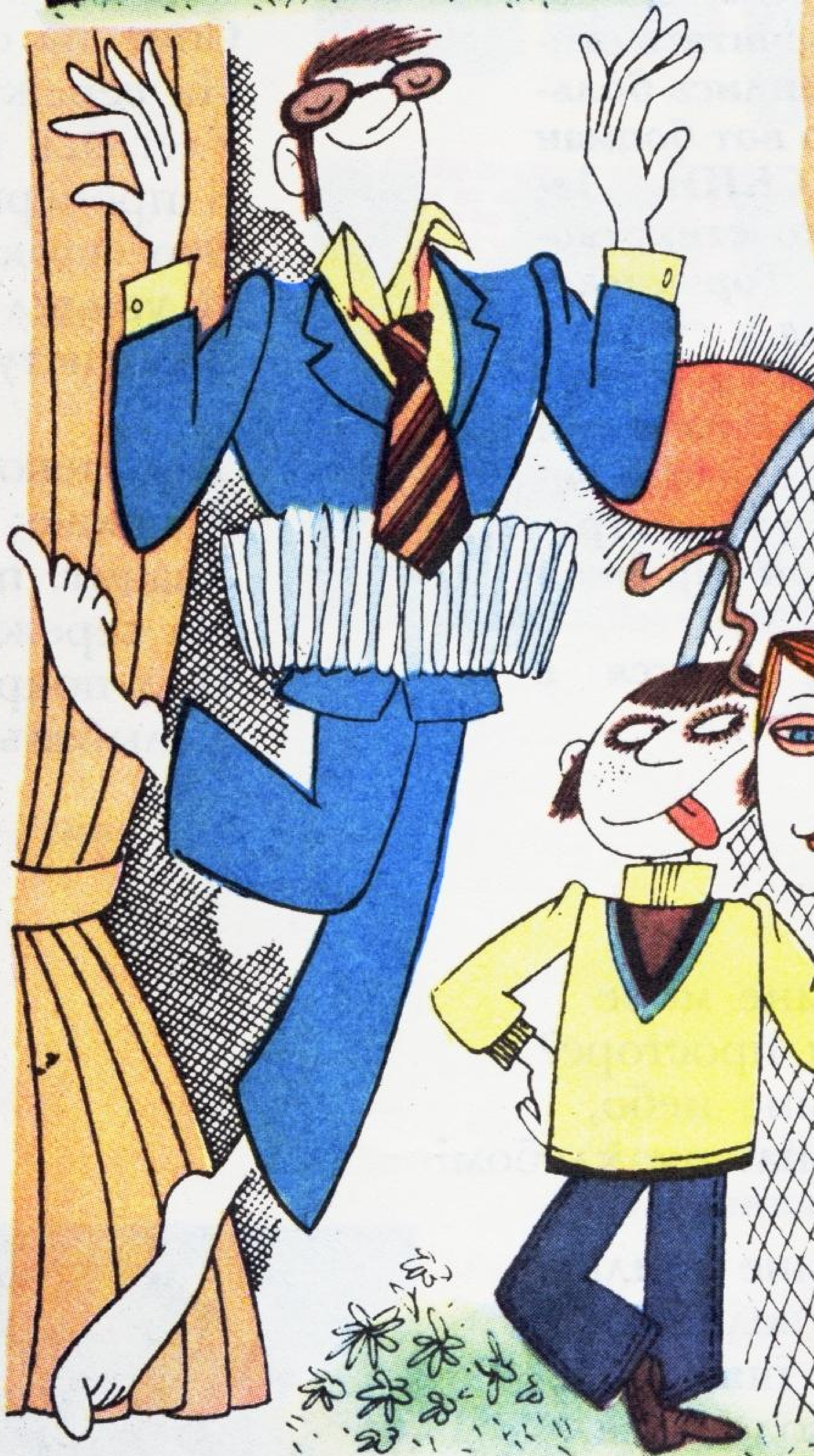
* * *

Учитель: «Монета покатилась по полу, звеня и подпрыгивая». Где здесь деепричастный оборот?
Ученик: По полу.

Жанна Корзухина, г. Магнитогорск.

НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учитель: Какие доспехи носили на себе рыцари?
Ученик: Латы, кольчуги, намордники...

Мария и Света К., г. Новочеркасск.

* * *

Учитель: Как первобытные люди добывали огонь?
Ученик: Сначала они высекали искры ударами камня о камень, а потом разводили огонь старыми газетами...

Таня Кузьмина, г. Северодвинск.

* * *

Учитель: Кем был населен древний Новгород?
Ученик: Лесами, болотами и одичавшими князьями.

Сестры Ламовы, г. Междуреченск.

Из школьных сочинений

«Он сильно ударился головой, после чего долго хромал».
«Его отец был балериной».
«Я спросил у друга: «Миша, как тебя зовут?»
«На руках у вратаря были кожаные перчатки и синие спортивные трусы».
«Он поспешно натянул сапог на лысую ногу».
«Лягушка плыла, гребя ногами и руками».
«У моего друга — красивое лицо с плохим характером».
«Отряды выстроились пятикруглым четырехугольником».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает В. АЛЁНИН.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

Команда «Кораблика», как всегда, собралась в кают-компании, чтобы почитать стихи ребят. Одни стихи нам нравились больше, другие чуточку меньше. Но вот боцман заулыбался: «Вова ТОРЧИНСКИЙ, Ленинград»,— и прочел несколько стихотворений. Все оживились. Вову Торчинского команда знает не первый год и считает, что он — человек удивительный: в 11 лет окончил 7-й класс обычной школы и 6-й класс — музыкальной; сочиняет стихи и пишет музыку; играет на рояле; умеет стряпать и всегда вместе с сестрой Ирочкой помогает маме.
Живет Вова в Ленинграде, учится в школе № 387.

Сила хлеба

Из какого теста вылепить мне море
И надутый парус в голубом просторе?
Из какого теста вылепить мне небо,
Чтобы долго солнце пахло нашим хлебом?

Из какого теста вылепить мне землю,
Чтобы все взрастало по ее веленью?
Я возьму у мамы горсточку пшеницы,
Посажу на поле — пусть заколосится,
Силы наберется — в хлебе наша сила,
Тестом обернется — чтоб на всех хватило

Вот теперь возьму из теста дрожжевого
Вылеплю жар-птицу цвета золотого,
Море на просторе, радужное небо —
Чтобы в доме пахло ароматным хлебом.

Березы

Отчего вы плачете, березы,
На подснежники роняя слезы?
Больно вспомнить лютые морозы?
Или вас пугают эхом грозы?
Может быть, вы вспомнили солдата,
На привале стывшего когда-то
У берез, смертельно побелевших,
От войны и горя поседевших?..

Где спит весна

Мне сказали — весна
Спит на серой ольхе,
На сережках она
Улеглась в гамаке.
Я проверить пошел —
Это сказка ли? Быль?
И увидел в лесу
Золотистую пыль.

Так щекотно в носу...
Я чихаю: «Апчхи!»
Значит, правда,— в лесу
На сережках ольхи
Под покровом сосны
Колыбелька весны.

«В ПОРТУ».
Работа Ромы КОЗЛОВА, москвича 12 лет.

Рыжая пора

В рыжем небосводе
Солнышко резвится.
В рыжем хороводе
Весело кружиться!
Рыжие маслята
Стайкою играют.
Рыжие ребята
Рыжики считают.
Пахнет спелым летом,
Ягод пруд пруди.
Эхо звонким бесом
Скачет впереди.

Аркадию ЛОБАЧЕВУ 14 лет. Стихи он пишет давно, со 2-го класса. Аркадий любит рисовать, играет на гитаре, занимается всерьез боксом. Живет он в Москве, учится в школе № 926.

Весна

Ты пришла — я удивился.
Ты пришла — я обрадовался.
Ты пришла — я был счастлив.

А потом наступило лето.

Луна качается на ветке.
И в небе подмигнул мне самолет.

Земля, как мяч в футбольной сетке,
Меня по космосу несет.

Московские вечера

1

Полоска земли и неба.
Облака. Уставший город.
Запах жизни — запах хлеба.
Этот вечер по-своему дорог.

Бесконечны шаги прохожих.
Электрички поют огнями...
Этот вечер меня не тревожит.
Почему? Потому что хороший.

2

Смотрю на город —
Сотни окон,
И в каждом — огонек.
А огоньки напоминают дни.
Ведь каждый день — он тусклый или яркий.
Ведь каждый день, по существу, подарок,
И в каждом дне горят свои огни.
И каждый день так близок и далек,
Как огонек...

«СТРОЙКА». *Рисунок Юры СУГЛОБОВА. Юра живет в Орле, ему 10 лет.*

Люся БУШУЕВА — москвичка, пятиклассница. Учится в школе № 80.

Загадки

Его не сыщешь среди дня,
А ночью сыщешь без огня.

(светлячок)

Желтая ладья
Плывет по небу без руля.

(солнце)

Летит Жар-птица,
Хвостом гордится.

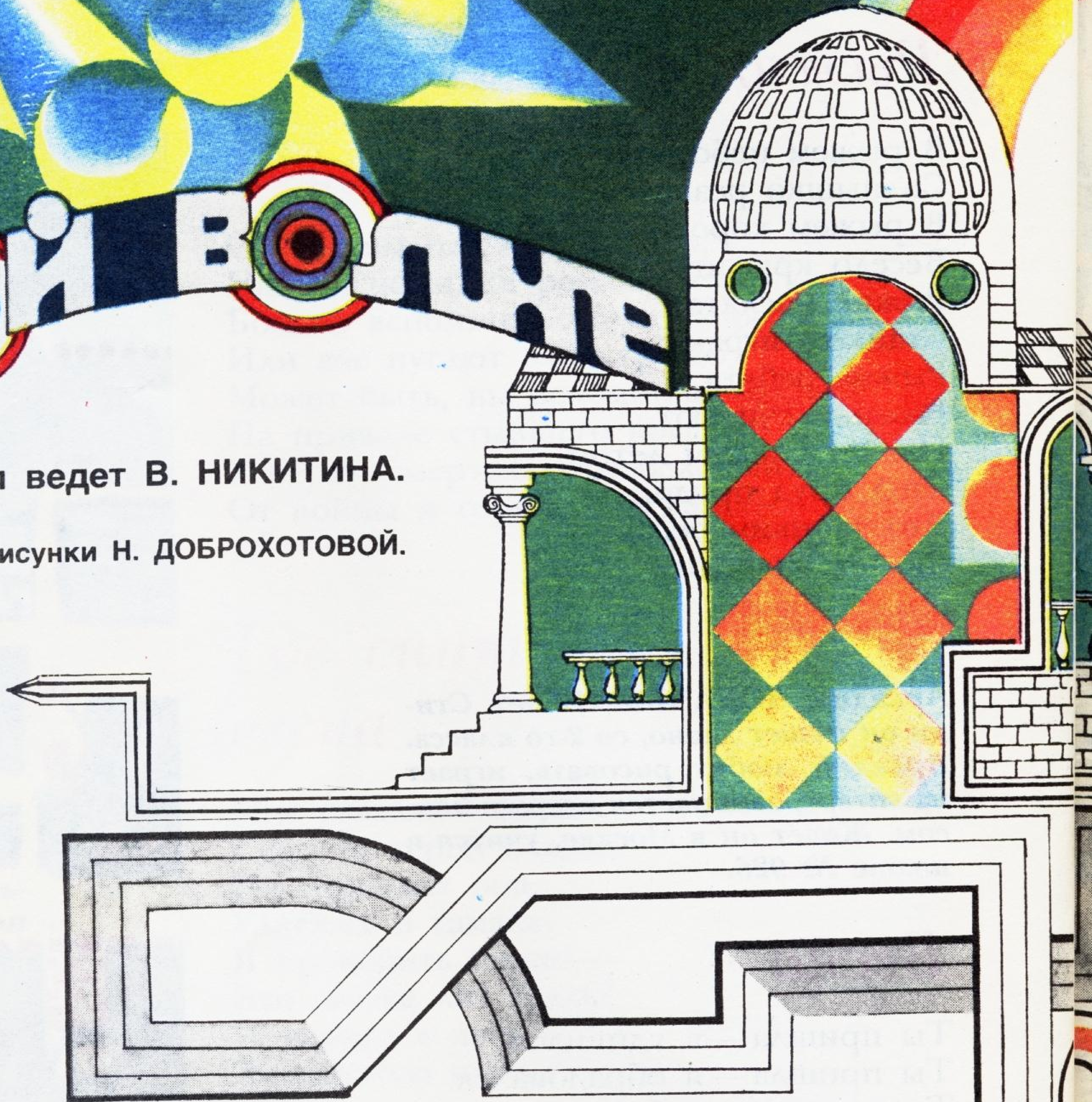
(комета)

Горит, пылает,
Сама себя съедает.

(свеча)

Над землею ваты куча
проплывает. Это...

(туча)

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Тайны раскрытые и нераскрытые

СИГНАЛ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ: АВАРИЯ

У всех космонавтов и летчиков есть специальный аварийный набор. Они непременно берут его с собой в полет. Набор небольшого размера, чтоб мог поместиться в кармане комбинезона, и входят в него самые необходимые вещи. Надувной жилет на случай приводнения в океане, несколько плиток шоколада и обязательно — фонарик. Темной ночью яркая, светящаяся точка хорошо видна в океане или пустыне. Маленький фонарик-сигнальщик может спасти человеческую жизнь.

Бывают и другие случаи, когда помощь сигнальщиков просто необходима. Представьте, что произошла авария в трубопроводе: где-то прохудилась многокилометровая дорога для нефти или газа. Она упрятана под землю, и обнаружить, где происходит утечка, сложно. Вы видели, наверное, как в городе разрывают улицы в нескольких местах. Причина та же: ищут место аварии на водопроводной трассе. Хорошо было бы запустить в трубу маленького сигнальщика, чтобы он обнаружил место аварии и послал оттуда сигнал. Оказывается, это можно сделать. В роли сигнальщиков выступают радиоактивные атомы.

Все вещества вокруг нас состоят из атомов. Сам атом похож на нашу Солнечную систему, только совсем крохотную — в миллионы раз меньше макового зернышка. Вместо Солнца в центре атома находится очень плотное ядро, а вокруг ядра, как планеты по орбитам, крутятся электроны.

Иногда ядра атомов могут поглотить одну или несколько частиц, которым в ядре не было предусмотрено место, и такое ядро становится неустойчивым. Представьте, что вы подняли тяжелую штангу. Можно продержать ее на весу несколько минут, рекордсмены, наверное, смогут удержать ее и целый час, но в конце концов штангу придется бросить. Так и неустойчивое ядро: получив дополнительную частицу, а с ней и дополнительную энергию, оно эту энергию может удерживать какое-то время, но в конце концов должно будет от нее избавиться или, как говорят физики, излучить.

Атомы с такими неустойчивыми ядрами называют радиоактивными — от латинского слова «радио», что значит «излучаю». Излучение и служит сигналом, который подают радиоактивные атомы. Такой сигнал можно уловить с помощью приборов.

А теперь вернемся к водопроводу. Как вы помните, в нем образовалась течь. Добавим в воду немного радиоактивных атомов, и вода с ними потечет через весь водопровод. В том месте, где есть утечка, она впитается в землю. Потом водопровод тщательно промоем обычной водой. Все радиоактивные сигнальщики из труб удалены и остались лишь в том месте, где вода впиталась в землю. Теперь по земле, над трассой водопровода, пройдем со специальными приборами, которые могут уловить даже самое слабенькое излучение. И как только будет пойман сигнал от атомов-сигнальщиков, станет ясно, где рыть землю и искать поломку. Сами понимаете, какая получается экономия рабочей силы, времени, техники. Да и ходить по ровной земле гораздо удобнее, чем по канавам и рытвинам.

Водопровод — это лишь один пример работы атомов-сигнальщиков. Есть и другие.

Порой бывает важно узнать, куда текут подземные реки. Раньше их пробовали подкрашивать, а затем искать крашеную воду в окружающих водоемах. Но краска так разбавлялась, что найти ее было невозможно, а лить целые бочки краски в воду нельзя. Зато достаточно добавить всего несколько литров воды с радиоактивными атомами, и чуткие приборы «услышат» «сигнальщика», даже если он будет один на миллион молекул воды вокруг. Так сегодня гидрогеологи изучают передвижение подземных вод, а нефтяники — перемещение нефти по нефтяным пластам.

Или еще один пример, уже из машиностроения. Когда резец обрабатывает деталь, как бы ни был он

крепок, все равно изнашивается. Частички металла стачиваются с резца, форма его хоть и чуть-чуть, но все же меняется, а это недопустимо. Что же делать? Останавливать время от времени станок и измерять резец? Неудобно. Да и нелегко это сделать — у резцов бывает сложная форма. Тогда поступают вот как: добавляют в металл резца радиоактивные атомы и все время проверяют, сколько излучения от них исходит. Ослабло излучение — металл сточился.

Атомы-сигнальщики применяют даже в медицине для того, чтобы распознать, где в организме притаилась болезнь. Может, и в школу они проберутся. Если пометить с их помощью бумагу, что же будут делать любители шпаргалок на экзаменах?

А. СЕМЕНОВ

10^{24}

Сколько атомов в кастрюле?

«В школе мы проходим только четыре класса чисел: сотни, тысячи, миллионы и миллиарды. А если число больше миллиарда? Например, 10^{24}? Как его надо называть?»

Ира ГЛАЗУНОВА, 7-й класс, г. Щелково, Московская область.

На школьных уроках все слышали, что миллион — это тысяча тысяч, а миллиард — это тысяча миллионов. Иначе говоря, единица с девятью нулями. Число очень большое. Но есть числа и побольше. Тысячу миллиардов иногда называют триллионом; тысячу триллионов — квадрильоном, а тысячу квадрильонов — квинтильоном. Это уже получается миллиард миллиардов, единица с восемнадцатью нулями.

Если знать латинские числительные, то можно придумать и слово «секстильон» — тысяча квинтильонов, единица с двадцатью одним нулем. Но вот какая незадача: взял я энциклопедию, попробовал найти такое слово, а его там нет. Нету секстильонов!

Да и про квадрильоны с квинтильонами вам в школе не рассказывают совершенно правильно, потому что с ними даже у математиков путаница. В одних книгах пишут, что у квинтильона, как я уже говорил, восемнадцать нулей, а в других — что нулей тридцать. Вот и разбери, какое же число называть квинтильоном.

Путаница эта мало кого волнует, потому что эти слова применяются в наше время очень редко.

Не потому, что нет в природе таких громадных величин. Например, если измерить расстояние от Земли до края нашей Галактики в километрах, получится число с восемнадцатью нулями, а если подсчитать число атомов, содержащихся в металле, из которого сделана обыкновенная кастрюля, нулей придется изобразить целых двадцать четыре.

Поэтому никто не размышляет, сколько миллиардов или там квинтильонов атомов образуют стенку кастрюли, а просто пишут, что эта величина имеет порядок десяти в двадцать четвертой степени — 10^{24}. И все!

В. РОМАНОВ

Самый-самый!

ДОЛГОЖИТЕЛИ

Лучший праздник — день рождения. И можно только позавидовать тем, кто праздновал свой день рождения больше ста раз. Таких людей немало в нашей стране — около 20 тысяч.

Из всех млекопитающих человек — существо самое долговечное. Но представители других классов живут еще дольше. Среди пресмыкающихся, например, абсолютный рекорд принадлежит гигантской черепахе, которую в 1764 году привезли на остров Маврикий. 141 год спустя она была еще жива. Но и ей далеко до знаменитой щуки, которую выловили в 1497 году в одном из озер Германии. На щуке нашли кольцо, а на нем было написано, что щуку выпустили в озеро в 1230 году! Ростом это 267-летнее чудище было без малого 6 метров, а весило около 140 килограммов.

Однако подлинных чемпионов долголетия нужно искать в растительном царстве. Самыми старыми деревьями считаются сейчас сосны, растущие в горах Калифорнии. Возраст одной из них 4900 лет. А недавно выяснилось, что есть растения и постарше — это невзрачные лишайники. Их возраст определяют приблизительно, по площади слоевищ. Известно, например, что в Арктике их диаметр увеличивается на 3—4 миллиметра за столетие. Вот и попробуйте прикинуть, сколько лет может быть обнаруженному в Арктике лишайнику, если его диаметр 48 сантиметров? Когда он угнездился на скале, человечество еще не вышло из каменного века, а по земле бродили мамонты...

А. ДМИТРИЕВ

Где мы были, что мы видели

ВИХРЬ СОБИРАЕТ АВТОМОБИЛИ

— Вы, конечно, можете ввернуть болт в гайку? — спросил меня Владимир Матвеевич.— Вот и сделайте это. Только с закрытыми глазами.

Чего уж проще! Беру протянутые мне гайку и болт, зажмуриваю глаза. Да... А ведь в отверстие гайки не сразу попадешь. Приходится и покачать болт, и покрутить его, прежде чем он начинает наконец плавно скользить по резьбе.

— Затрачено десять секунд,— объявляет Владимир Матвеевич, посмотрев на часы.— А наш автомат справляется с этой работой в двадцать, а то и в пятьдесят раз быстрее. Вот посмотрите.

Мы подходим к автомату, который создан под руководством моего собеседника, В. М. Бердина, на прославленном московском автозаводе ЗИЛ. Устройство это с виду совсем нехитрое. Главная его часть — короткая прозрачная труба, поставленная вертикально. Стенки у трубы толстые, сбоку к ним подходит воздушный шланг. Под эту трубу-втулку Владимир Матвеевич кладет все ту же гайку, включает подачу воздуха и как-то даже небрежно опускает болт в верхнее отверстие трубы.

Я на часы посмотреть не успел. Потому что болт тут же ввинтился в гайку. Непостижимая скорость... А секрет весь в том, объяснили мне, что в трубе хозяйничает воздушный вихрь.

Откуда же взялась эта идея — заставить вихрь работать, соединять детали? Однажды летом инженер Д. М. Левчук вот что увидел. Легкий смерч, какие нередки в Подмосковье, поднял лежавшую на земле палку, закрутил ее и воткнул в сердцевину валявшегося неподалеку тележного колеса... Иногда случай помогает решить сложную техническую задачу. Надо только уметь сопоставлять, казалось бы, несопоставимые вещи.

Все мы каждый день наблюдаем вихрь в работе. Да, да. Размешайте чай в стакане. И вы увидите, как закружившиеся чаинки стягиваются к центру донышка. Что-то похожее происходит и в вихревой трубе-втулке. Вот мы бросили в нее болт. Воздушный вихрь закручивает его в стремительном танце — покачивает, вращает. Конец болта, стараясь попасть в центр вихря, как бы ищет отверстие гайки и легко ввинчивается в него.

Кому-нибудь может показаться странным, что болт и гайка стали главными героями нашего

Домашняя лаборатория

ГОРИ, ГОРИ ЯСНО...

Если ты простудился и кашляешь, мама дает тебе сладкую микстуру «Пертусин». Эта микстура густая, темного цвета, и на ее этикетке написан состав, в котором, помимо прочего, упоминается «жженый сахар».

Жженый сахар — это что-то вроде карамельки, которую можно сделать из обыкновенного сахара, осторожно поджарив его на сковородке (о том, как это делать, мы писали в заметке «Опыты на кухне», напечатанной в нашем журнале № 2 за 1981 год на странице 51). Только жженый сахар отличается от карамельки тем, что он немного пережарен, почти обуглен, и его можно сделать, просто держа кусочек сахара над пламенем спички. От огня сахар будет плавиться и капать темными каплями (конечно, такой опыт надо делать над блюдечком, чтобы не испортить пол, мебель или скатерть).

Но как бы ты ни старался, тебе не удастся сделать так, чтобы сахар горел сам по себе, как спичка.

Не удастся, пока ты не узнаешь одного маленького секрета. Если твой папа курит (а курят, к сожалению, многие папы, хотя это очень вредно для здоровья), нанеси на кусочек сахара крошечную пылинку табачного пепла и попробуй поджечь этот кусочек еще раз. И произойдет чудо: сахар станет гореть голубоватым пламенем, потрескивая, словно полено. Так как пепла нужно ничтожно мало, этот опыт можно показывать друзьям как фокус: заранее испачкать палец пеплом, а потом незаметно мазнуть пальцем по сахару и поджечь его после того, как твои друзья потерпят неудачу.

Но это все-таки не совсем фокус, а самый настоящий химический опыт, наглядно демонстрирующий одно из самых замечательных химических явлений — катализ. Катализ — это способность некоторых веществ резко ускорять химические превращения: такие вещества называются катализаторами.

разговора на ЗИЛе. Но загляните под капот автомобиля — болтов и гаек там видимо-невидимо, самых разных размеров. Именно они соединяют узлы и детали машины в прочную и надежную конструкцию. Развинтив их, можно легко снять деталь и отправить ее в ремонт. Или заменить новой. Беда лишь в том, что сборка с помощью болтов и гаек отнимает страшно много времени и сил.

Ученые и инженеры давно пытаются помочь сборщикам. Например, на конвейере автозавода многие рабочие пользуются гайковертами — ручными машинками, быстро затягивающими гайки на винтах. Но, увы, прежде чем включить гайковерт, надо хотя бы на один-два витка резьбы наживить гайку. А сделать это можно только руками.

Другое дело, когда на помощь приходит вихрь. Представьте, что вместо сборщика к конвейеру поставят робота и закрепят в его «руке» вихревую втулку. Работа пойдет, конечно, намного быстрее.

Идея работающего вихря оказалась очень щедрой. На ее основе конструкторы ЗИЛа создали целую серию сборочных автоматов. К стержню, заменившему болт, сверху прикрепили плоский диск. Получился «гриб». Ножку «гриба» опустили в трубу, где хозяйничает вихрь. Ножка немедленно начала «танцевать». В такт этому танцу почти невидимо для глаза завибрировала поверхность диска.

— Могу показать, что происходит с диском.

В. Бердин плашмя бросает на стол монетку. Прежде чем остановиться, она, звеня, подпрыгивает несколько раз, покачивая краями.

— Знаете, что будет с любой деталью, попавшей на край такого вибрирующего диска? Она обязательно начнет сползать к его центру.

На этом принципе и работают автоматы-сборщики. Из их бункеров подаются разные детали — оси, втулки, гайки. Они попадают на края вибрирующих дисков и начинают сдвигаться к центру. А здесь в дисках сделаны «колодцы», куда детали проваливаются в том порядке, в каком это нужно для сборки. И сами соединяются в сложный узел. Если надо, узел стягивается болтом. Но можно обойтись и без него.

— Попробуйте снять это кольцо со стержня,— предлагают мне, и я беру в руки только что собранный узел. Но чтобы выполнить просьбу, приходится приложить немалые усилия. Как же детали, падая в «колодец», смогли соединиться, если одна из них так туго входит в другую?

— Это еще один секрет вибросборки,— улыбается Владимир Матвеевич.— Вибрация почти уничтожает трение...

Л. КОПИН

Горение сахара — химическая реакция, и она как раз и ускоряется веществами-катализаторами, содержащимися в табачном пепле.

Причем интересно, что явление катализа было открыто в начале прошлого века именно при изучении горения — только не сахара, а горючего газа водорода.

Сейчас катализаторы широко используются в химической промышленности: с их помощью получают бензин и каучук, стиральные порошки и маргарин, красители и лекарства, а также многие-многие другие крайне нужные и крайне полезные продукты. Вот только горению долго не везло: до недавнего времени все печки, в которых сжигали газ, уголь, нефть и продукты их переработки, работали по старинке, без всякого катализа.

И только недавно ученые из Института катализа Сибирского отделения Академии наук СССР попробовали применить катализаторы для того, чтобы заставить сгорать топливо быстрее и полнее. И это дало прямо-таки замечательный результат: под действием катализатора в топке размером всего лишь с большой самовар ежесекундно сгорает столько же горючего, сколько в обычных топках двух больших паровозов. При этом сгорает полностью, без потерь.

Это значит, что катализ позволит экономить топливо, которого на Земле с каждым годом становится все меньше и которое с каждым годом становится все труднее и труднее добывать.

В. БАТРАКОВ

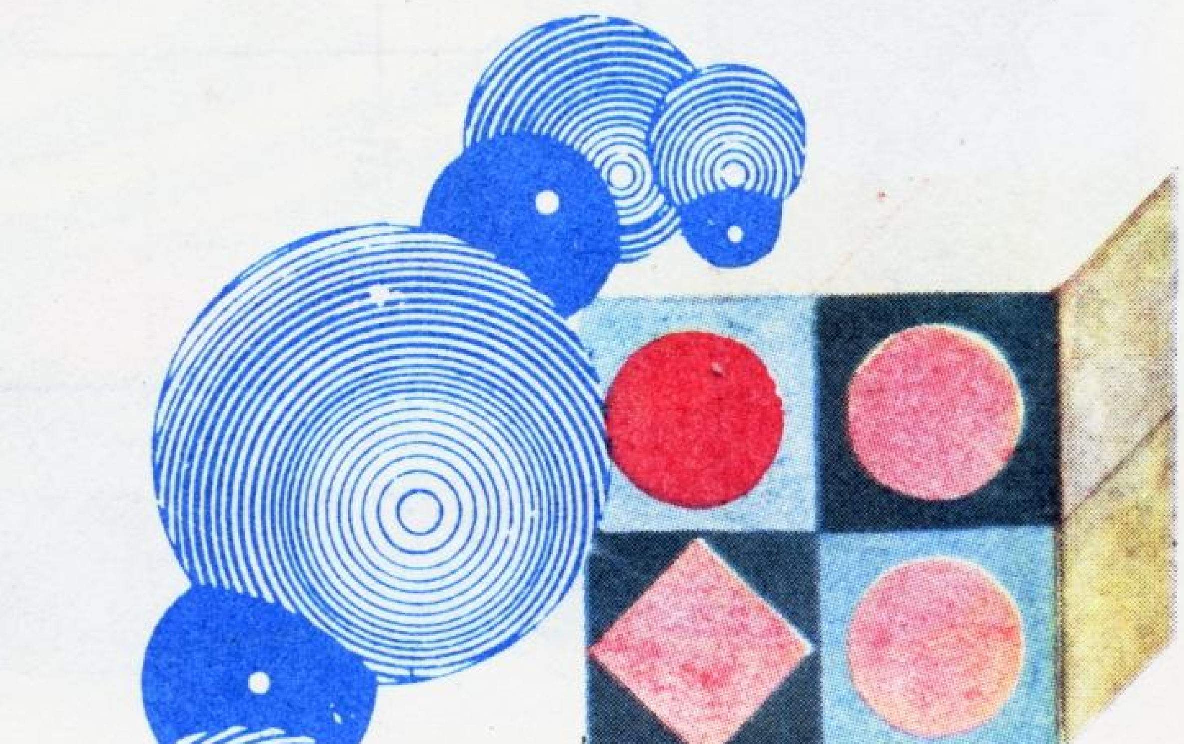

Знаешь?

Птицы в полете ориентируются по запаху.

* * *

Нафталин отпугивает не только моль, но и тараканов.

Мой конек

Серебряные крылья

Этот мальчик в пионерском лагере нравился мне больше всех. Он не был похож на других мальчишек. У него был самолет, он умел управлять им, и это делало его в моих глазах героем. Когда он проходил мимо нашего корпуса со своим творением, мальчишки толпой шествовали за ним. Крылья самолета, оклеенные гладкой, как зеркало, фольгой, сверкали на ярком солнце.

Если бы я верила в сказки, я подумала бы, что у мальчика самолет волшебный. Он увлекал, манил за собой. И я шла, шла, ослепленная серебряным сиянием.

— Можно я понесу твой самолет? — спрашиваю я.

Мальчик искоса смотрит на меня и, пошарив в карманах, дает мне два запасных винта к самолету. Я покорно несу их до самого стадиона. А самолет он несет сам.

Там, на стадионе, нас обступают ребята. Мальчик выкладывает на траву банку с горючим, фланелевые тряпочки в масляных пятнах, моток тонкой лески. Мне хочется быть поближе к самолету. Я жду, что сейчас мальчик позовет меня, скажет: «Держи, только аккуратней, не урони». И начнет раскручивать пропеллер до тех пор, пока не заведется мотор.

Но ему помогает неуклюжий, долговязый парень. Он боится — это всем видно — и вытягивает руки вперед, как бы отодвигая самолет подальше от себя.

Я знаю: на старте самолет должны держать сильные руки. Я видела много раз, как это делал мальчик. Сейчас он стоит посреди стадиона, держит рукоятку с натянувшейся леской и ждет, когда помощник — новичок, трусишка — запустит наконец его самолет.

«Можно я помогу тебе?» — говорю я долговязому. «Ты что? — удивляется тот. — Отойди, не мешай. Мы сами». И долговязый неуверенно протягивает самолет мальчику. Тот ловко щелкает пальцем по пропеллеру, раскручивает его, и мотор заводится...

Однажды вечером я случайно оказалась около кружка, который назывался у нас в лагере «Детское творчество». В комнате горел свет, и через незанавешенное окно я увидела склонившегося над столом мальчика. Он сидел не просто в комнате. Это была его МАСТЕРСКАЯ. МАСТЕР дарил жизнь своему самолету.

Мальчик не видел меня, он был увлечен работой. А я смотрела, не отрываясь, как ложатся на стол выпиленные, в свежих опилках, крылья, как рулоны разноцветной фольги разворачиваются легкими шлейфами, и, казалось, чувствовала волнующий запах клея и свежего дерева. Я постигала тайну творчества.

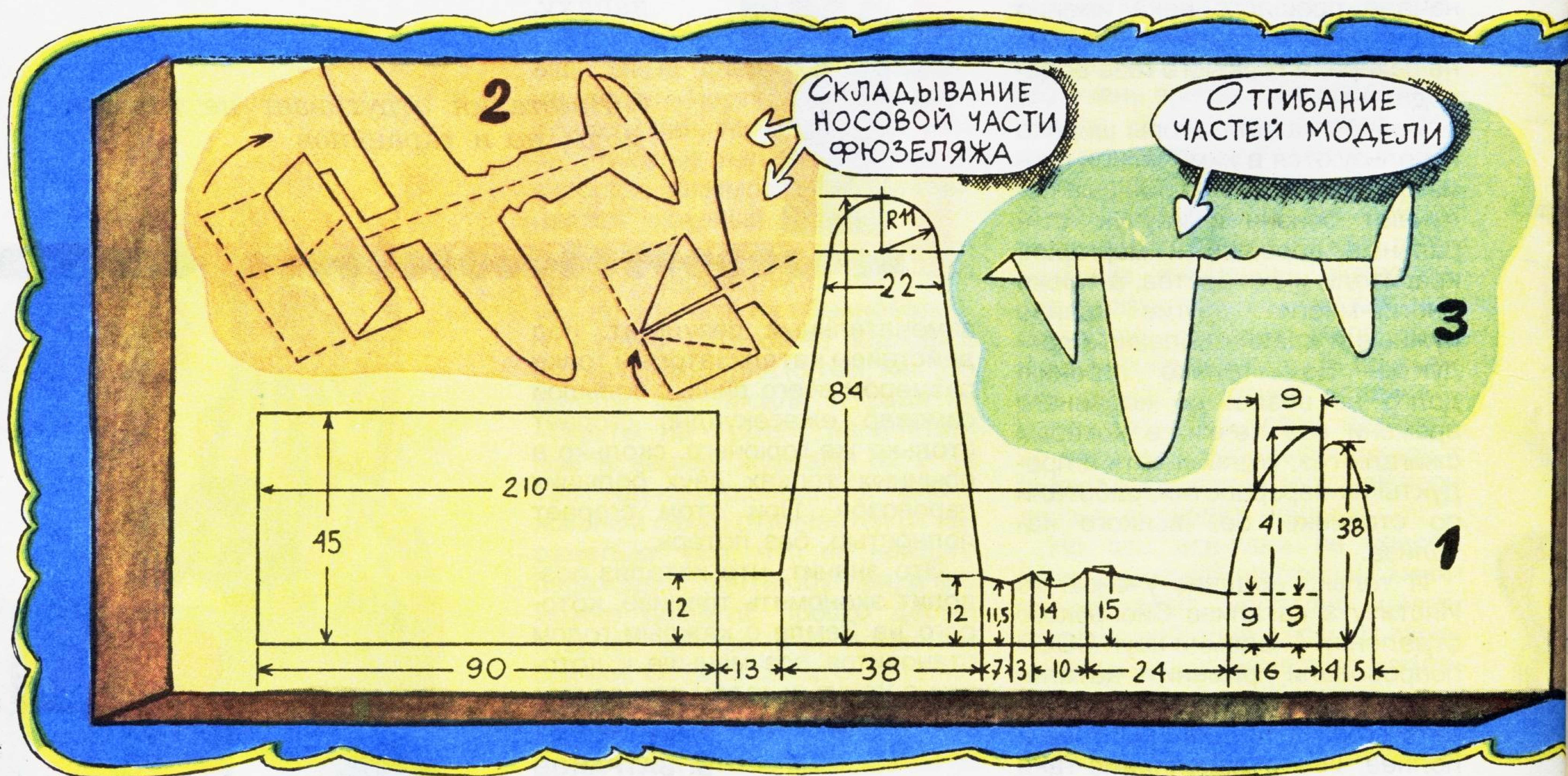
Горн на отбой заставил меня оторваться от окна. И я ушла, унося с собой ощущение чуда.

По ночам мне снился стадион... Толпа мальчишек, задравших головы, самолет в ярком небе, мальчик. И я рядом с ним. Мы ведем самолет. Сначала вместе, в четыре руки. Потом он незаметно отходит, опускает руки и... вот он, мой самолет, легко кружит над солнечным стадионом...

1. Это как раз тот чертеж, по которому мы делали выкройку самолета.

2. А вот так мы отгибали носовую часть самолета: сначала пополам, а потом по диагонали.

3. Вот такой самолет должен получиться и у тебя. Только делать надо все тщательно и аккуратно.

Как я хотела тогда, чтобы мальчик посвятил меня в свою сказку! Взять в руки длиннокрылый самолет, завести его и выпустить, как живую сильную птицу,— это было моим заветным желанием. Я боялась, что кончится лето и я никогда больше не увижу серебряные крылья.

Но лето не кончалось долго. И каждый день в широком небе над стадионом трещал мотор.

В детстве я занималась немного музыкой, немного гимнастикой, немного вязанием. Но ни пианисткой, ни гимнасткой, ни «мастером — умелые руки» я так и не стала.

И теперь я часто думаю: где тот мальчик? Летает ли до сих пор его серебряный самолет или крылья его — чистые, зеркальные,— давно покрылись пылью? Как хотелось бы мне найти того мастера и попросить: «Научи меня строить самолеты». Но поздно...

Как-то раз дома среди старых книг я нашла книжку по авиамоделизму. Откуда она у нас — желтая бумага, растрепанные страницы,— я не знаю. Но пачка аккуратных чертежей, вложенных в книжку, показалась мне очень знакомой. Знакомые листы кальки, знакомый почерк...

Он всегда был очень аккуратный, мой отец. Это его чертежи. Они сохранились. По этим чертежам давным-давно он строил свои самолеты.

— Давай попробуем,— попросила я отца.

Сначала мы закрылись с ним в комнате, чтобы не мешал никто и сделали из плотной бумаги простой планер. Картона у нас под рукой не оказалось, и мы склеили вместе несколько листов обычной белой бумаги. Потом сложили этот лист пополам, перенесли на него первый чертеж и вырезали. То, что получилось, трудно назвать самолетом. Я с недоумением вертела в руках выкройку и не могла представить, как из этого может получиться настоящий планер.

— Отогни носовую часть самолета,— сказал мне отец.— Теперь крылья, хвост. Смотри на чертежи.

Я сделала все, как говорил мне отец: снизу бумагу как следует замяла, чтобы она не расходилась, промазала ровным слоем клея, и — о, чудо! — бесформенный лист бумаги превратился постепенно в моих руках в легкий планер. Я держала его в руках и не могла поверить, что первый в моей жизни самолет сможет взлететь.

Он взлетел. Прыгая по дивану, залезая под стол, вскакивая на стулья, мы гонялись за ним по комнате.

«Нет,— сказал вдруг отец.— Это слишком просто». И взял новый чертеж, посложнее. Мы склеили еще один самолет, а потом еще... И они летали по квартире до самой ночи.

В этот вечер отец помолодел на моих глазах. Последнее время он очень уставал на работе. Дома много писал, читал и никогда не рассказывал мне про свои самолеты. А тут воспоминания захлестнули его, и он, забыв про седую голову и больную ногу, носился по квартире, как в детстве.

Я увидела вдруг в своем отце мальчика, так очаровавшего меня тогда в пионерском лагере. И внезапно поняла: когда-то отец был таким, как он,— увлеченным, пытливым МАСТЕРОМ. Наверное, каждому человеку в детстве нужны серебряные крылья.

Т. ШАРОНОВА

От редакции: *Если эта модель у тебя получилась — приступай к более сложным. Попроси в библиотеке книги по авиамоделизму. Начни читать журналы «Моделист-конструктор», «Крылья Родины» — в них есть странички для авиамоделистов.*

Желаем успеха!

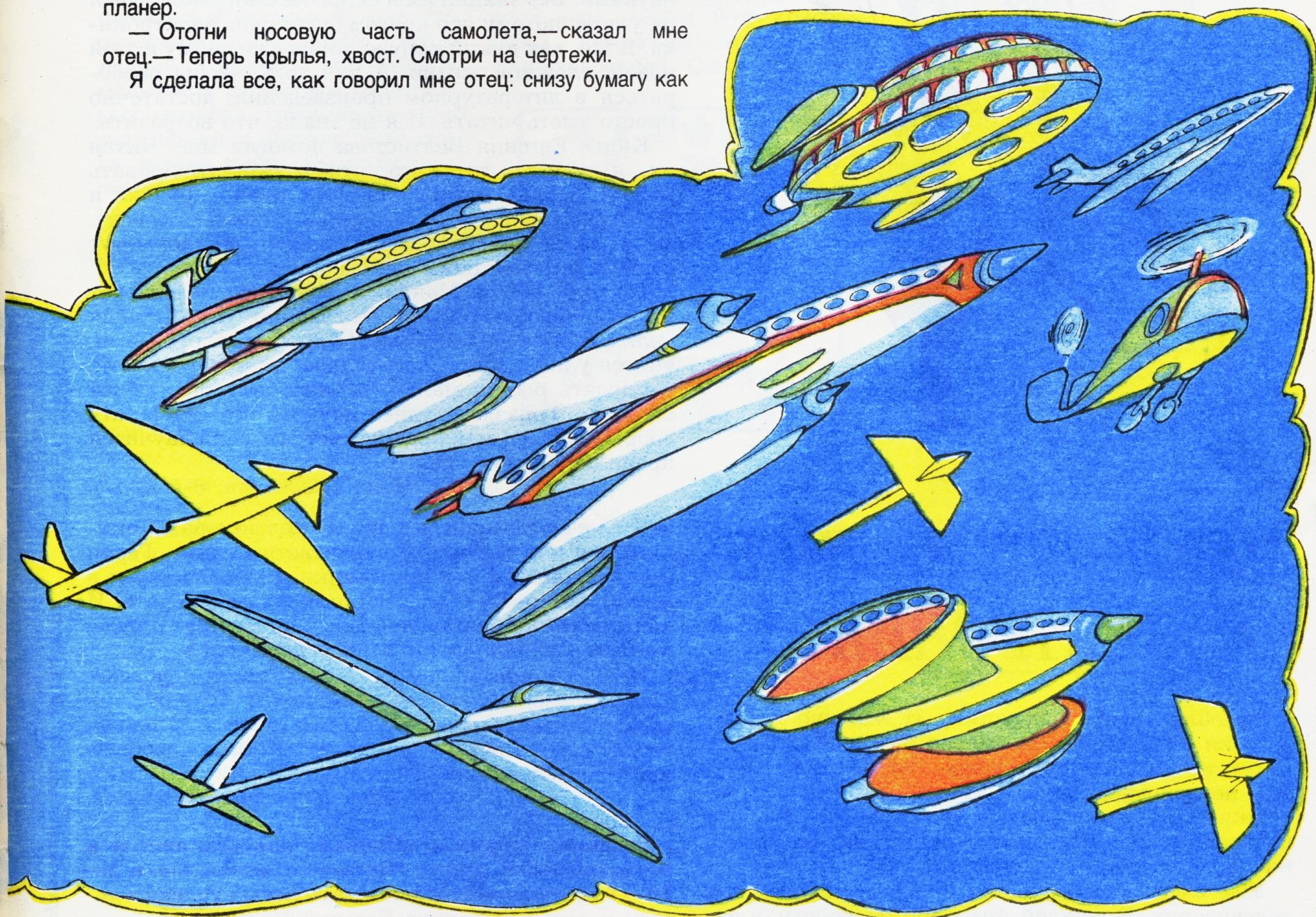

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

К 50-летию писателя Е. Велтистова

Книги Евгения Серафимовича Велтистова любим не только мы, но и наши мамы, папы, бабушки и дедушки. И все мы с радостью поздравляем писателя с юбилеем.

На занятиях литературного кружка мы не раз читали и обсуждали произведения Е. Велтистова. Его повести, рассказы, статьи «Ноктюрн пустоты» и «Кедровые шишки», «Железный рыцарь на луне» и «Прасковья», «Миллион и один день каникул» и «Гум-гам» — все они очень разные по темам, настроению, но всегда увлекательные и интересные.

Вот и сегодня у нас идет разговор о том, почему взрослые и дети любят книги Велтистова. Как случилось, что его Электроник так быстро стал нашим хорошим другом?

Юля Малахова
и все члены литературного кружка
Московского городского Дворца пионеров.

МЫ ПОДРУЖИЛИСЬ С ЭЛЕКТРОНИКОМ

Я люблю читать фантастику. И, конечно, произведения Велтистова. Несколько раз перечитывала «Приключения Электроника», «Гум-гам», «Рэсси — неуловимый друг». Думаю, что читать их должны все — и взрослые, и дети. Потому что писатель ставит и решает вопросы, над которыми нам всем придется задуматься.

Уже очень скоро роботов будет не меньше, чем телевизоров. В каждой квартире по роботу, а это уже целый город роботов! И как мы будем общаться с ними, найдем ли общий язык? И вдруг случится так, что машина станет выполнять сложную работу, а человек — простую и превратится в робота?

В произведениях Велтистова робот уже умнее человека. Электроник обыгрывает в шахматы самых гениальных шахматистов. А в книге «Гум-гам» машина перегорела оттого, что люди не смогли войти с ней в контакт. Мне кажется, что писатель специально ставит этот вопрос, но не отвечает на него, чтобы человек задумался и нашел ответ.

Ира Брикатушкина, 5-й класс.

Я возвращалась из музыкальной школы, а навстречу мне бежала моя подруга Лена. Я хотела остановиться, поговорить с ней, но она крикнула, что бежит смотреть фильм про Электроника, и скрылась в подъезде.

Я обиделась на Лену. И когда вечером по телефону она начала рассказывать мне о фильме, я ответила, что кибернетика-электроника-физика меня не интересуют. И села заниматься музыкой.

Утром, когда мы встретились в школе, Ленка сказала, что я балда, и дала мне книгу Е. Велтистова «Приключения Электроника». А вечером я уже не обижалась на Ленку, и мы долго разговаривали по телефону. Я просто влюбилась в Электроника, а Ленке больше нравится Гусев...

Аня Литвинова, 6-й класс.

Мой брат учится в математической школе и считает математику самым важным предметом на свете. А я — в обычной и больше всего люблю литературу. Мы часто спорим с братом. Он говорит, например, что надо заниматься только точными науками. Без знания их я скоро не смогу появиться на улице, потому что кругом будет одна электроника. Я же, как дикий папуас, ничего не пойму в этой новой, сложной жизни. А для того, чтобы разобраться в литературном произведении, достаточно просто уметь читать. И я не знала, что возразить.

Книги Евгения Велтистова помогли мне. Читая их, я поняла: для того, чтобы сконструировать робота, достаточно знаний математики, физики и других подобных наук. Но робот служит человеку. Люди заставляют его делать добро или зло, могут создать его жестоким или добрым.

Так, профессор Манфред фон Круп использует электронную собаку в своих грязных, эгоистичных целях. А Электроник дружит с хорошими ребятами, учится у них добру, справедливости, человечности.

Сделать робота мало и, может быть, не так уж сложно... Гораздо труднее научить его совершать добрые дела. И мой брат поймет это, если научится правильно читать книги.

Маша Мелехова, 6-й класс.

Я не считаю произведение Е. Велтистова «Приключения Электроника» фантастическим. Герои его — обыкновенные школьники. Сыроежкину и в школу не хочется, и домашнее задание делать. И как любой нормальный человек он мечтает о чуде, которое избавит его от этих бедствий.

И Электроник ничем не отличается от человека. Умный, добрый, понимает и ценит дружбу. Но, может быть, для Велтистова это герой идеальный, герой-мечта. Поэтому он и делает его такой необычной фантастической личностью.

Лена Морозова, 8-й класс.

Редакция журнала «Пионер» присоединяется к поздравлениям ребят! Мы все — и взрослые, и дети — с нетерпением будем ждать новых увлекательных и серьезных книг Евгения Велтистова.

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

В стране шаха- владыки черных и белых полей

Встречи лучших команд

В дни, когда ты получишь этот номер журнала, в литовском городе Шяуляй будут проходить финальные встречи лучших пионерских команд клуба «Белая ладья». Более **МИЛЛИОНА** мальчиков и девочек, полюбивших шахматы, оспаривали право участвовать в финале, бороться за звание чемпиона клуба, за почетные призы ЦК ВЛКСМ и нашего журнала.

Всем участникам соревнований, проведенных в городах и селах нашей страны, хотим напомнить слова чемпиона мира, члена ЦК ВЛКСМ Анатолия Карпова: «Командные соревнования пионерских дружин стали отличной школой для юных шахматистов. Хочется сказать и победителям и побежденным, что главное все же — борьба, воспитание своего характера, а успехи обязательно придут, если постоянно работать над шахматами и по-настоящему их любить».

Праздник «Белой ладьи»

Большим шахматным праздником отметили московские ребята завершение столичного первенства клуба «Белая ладья». Более тысячи юных шахматистов собрались в концертном зале Московского Дворца пионеров. К собравшимся обратились представители центрального штаба «Белая ладья», победителям спортивных встреч и лучшим организатором шахматной работы в школах были вручены награды.

В концертной программе была исполнена песня лауреата Государственной премии СССР, композитора Ю. Чичкова «Белая ладья».

Само собой разумеется

Есть такие ходы в шахматах, которые кажутся само собой разумеющимися.

Такие ходы принято называть естественными. Но всегда надо помнить о том, что естественный ход может оказаться и роковой ошибкой. Противник может замаскировать свой коварный замысел, и если вы не разберетесь в его хитрости — не миновать беды.

Вот, например, что случилось в одной партии, которую прислал нам ученик 5-го класса 232-й ленинградской школы, перворазрядник Саша Литвин.

Саша играл белыми, и его противник подготовил выигрыш ферзя ходом Се7—g5. Саша «не заметил» угрозы и сделал коварный и сильный ход 19. Лh1—e1!

Черные незамедлительно осуществили свою угрозу и продолжали 19... Се7—g5? (Им надо было рокировать.)

Неожиданно последовало: 20. Фf4:g5!

Наказание за беспечность. Естественный ход опровергнут. Если 20... К:g5, то 21. Сf6+ с разгромом.

20... f7—f6 21. Сg5:f6 g7:f6 22. Фf4:f6. Черные сдались.

Пионерская шахматная школа

Мы уже не раз говорили о правилах превращения пешки, достигшей крайней горизонтали. И все же многим ребятам еще не все ясно.

Вот, например, Оля Оглоблина из Брянска просит объяснить, почему пешку нельзя оставлять пешкой.

Ясно почему: пешки назад не ходят, а куда стала бы двигаться пешка с первой или восьмой горизонтали?

Ребятам, занимающимся в нашей шахматной школе, предлагаем решить две задачи на тему превращения пешек

В этом положении белые, начиная игру, дают мат в два хода.

А как бы вы играли в этом положении, чтобы дать мат в три хода черным?

Решения надо отсылать не позднее чем через месяц после получения журнала.

УМА ПАЛАТА

Рисунки А. Вовиковой.

Игры деда Буквоеда

Что говорит рыба?

Эта рыба — непростая,
Постепенно возникая,
Говорит она с тобой!
Труд для разума и взгляда:
Буквы все поставить надо
Друг за другом в четкий строй.

Клетки ждут! Вникай в детали!
Букву ту поставь вначале,
Где всего одна черта,
После — ту, где две скрестилось.
Что же дальше появилось?
Строго вывери места!

Игры Лупы и Пинцета

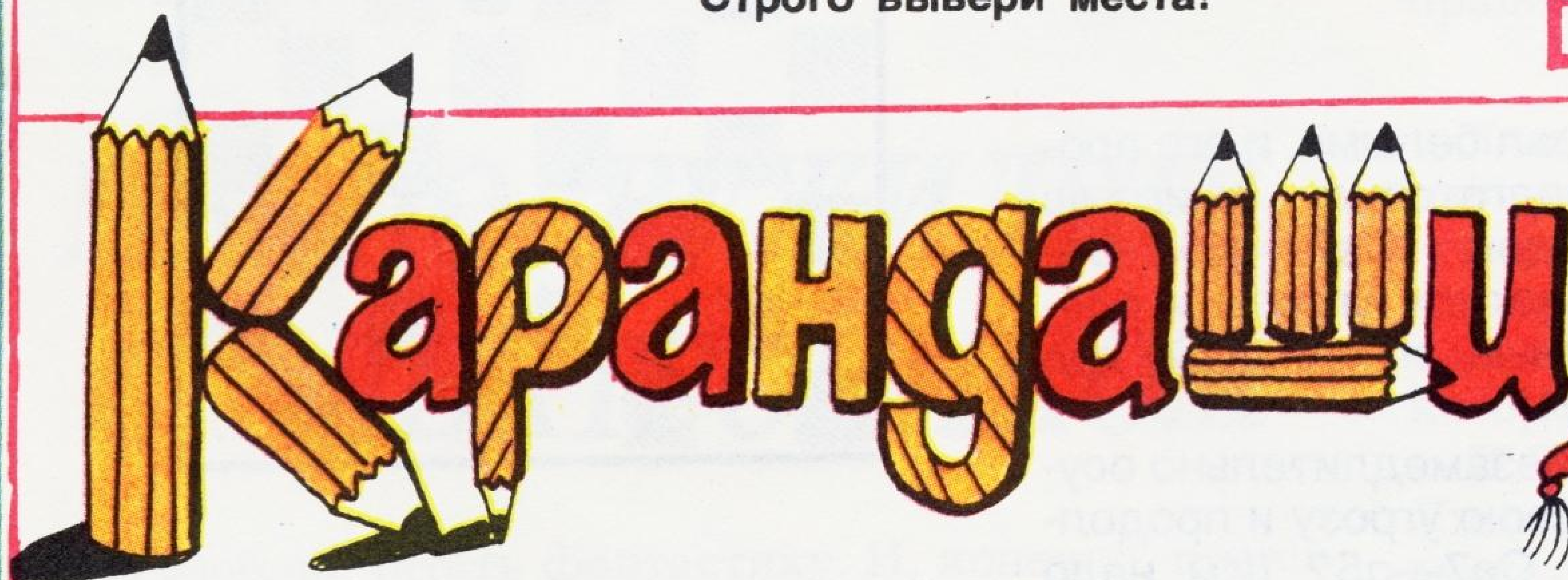

Звонкое имя

С малагасийской марки птица
Вам предлагает углубиться
В проблему, как ее зовут.
(Смелей, не очень сложный труд!)

— Пять первых букв моих, друзья,
Стоят в начале воробья.
За ними две — в конце фазана,
А дальше поздно или рано
Найдешь ты мой последний слог
В гагаре, в попугае, в галке!
Нужна лишь капелька смекалки,
И верный сложится итог!

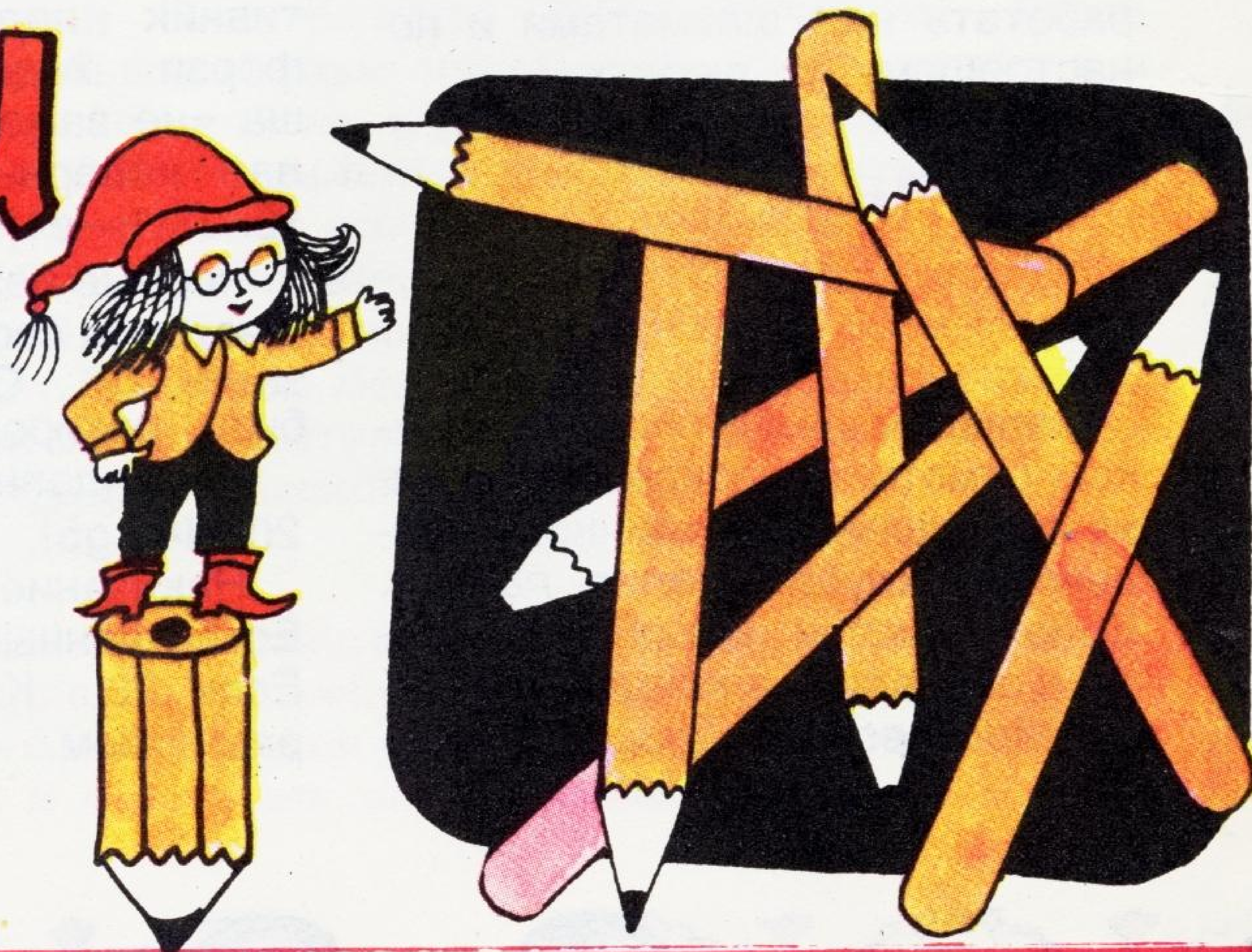
Примечание: на карте буквой «м» обозначена Малагасийская республика (остров Мадагаскар).

Карандаши

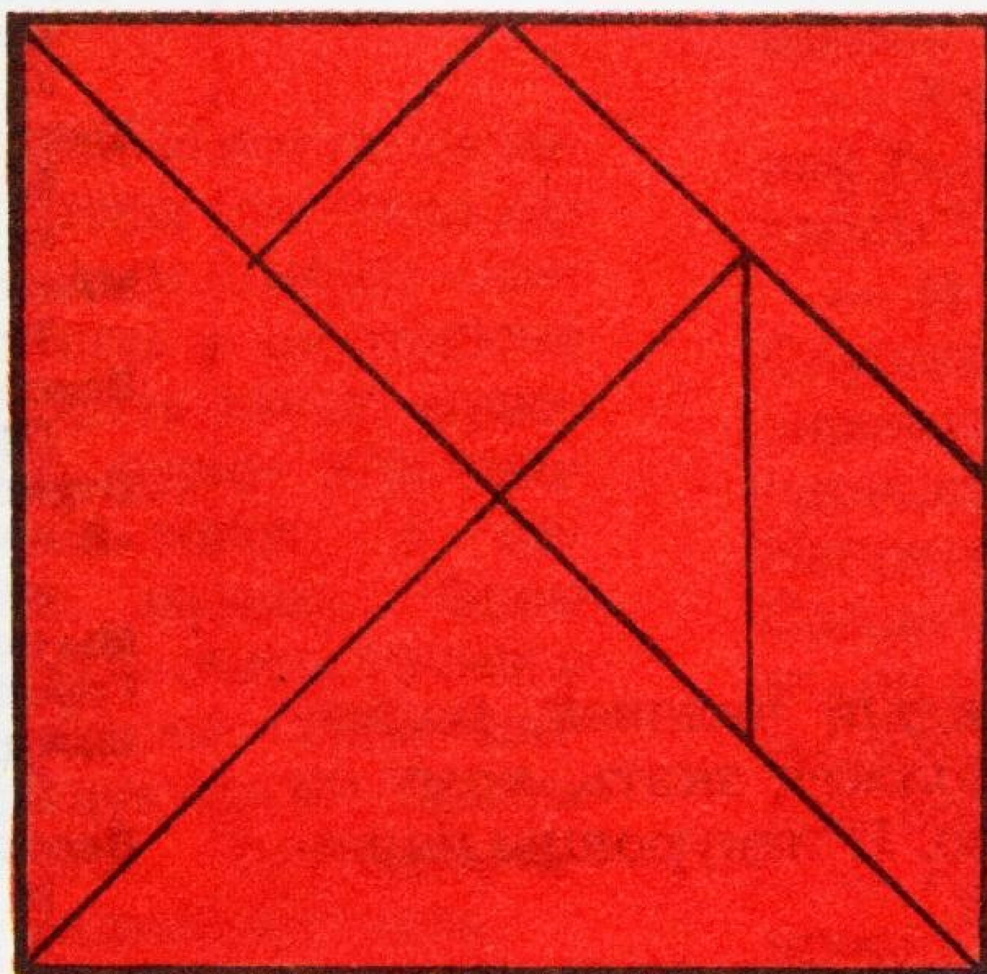
Простой вопрос в моей загадке,
С ответом все же не спеши.
Прошу сказать, в каком порядке
Я клал на стол карандаши.
Всмотрись, какой был самым первым?
Какой положен был затем?
А дальше? А потом?.. Терпенье
Найти ответ поможет всем!

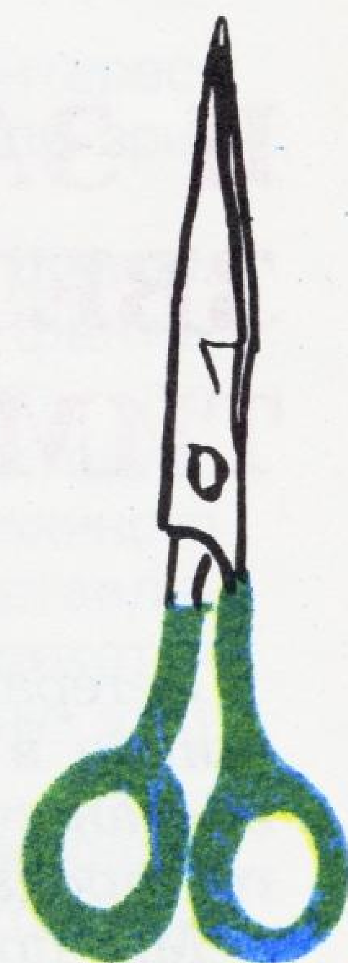
Живживка.

Капитан Перо ищет помощника

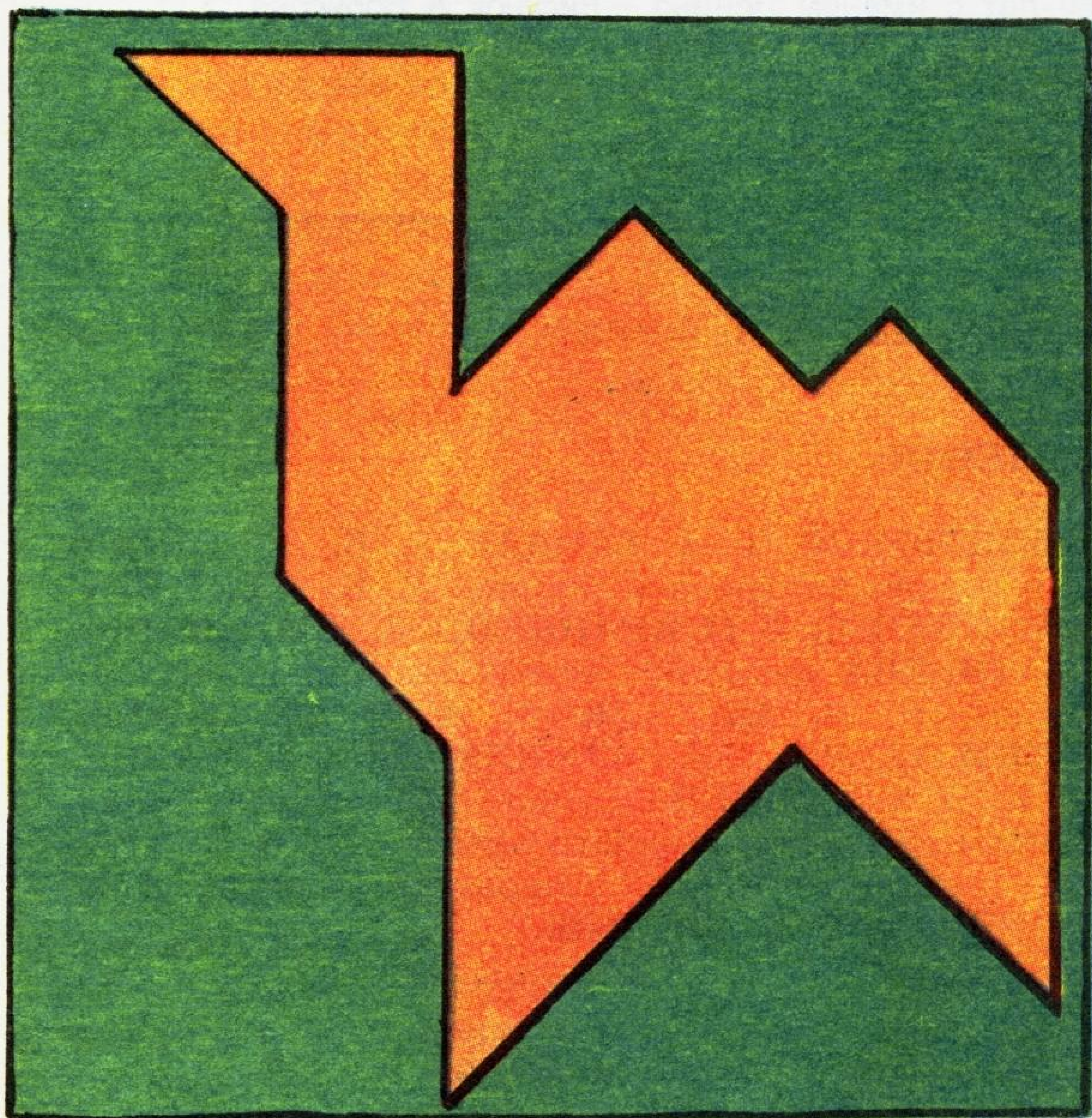

Логический квадрат

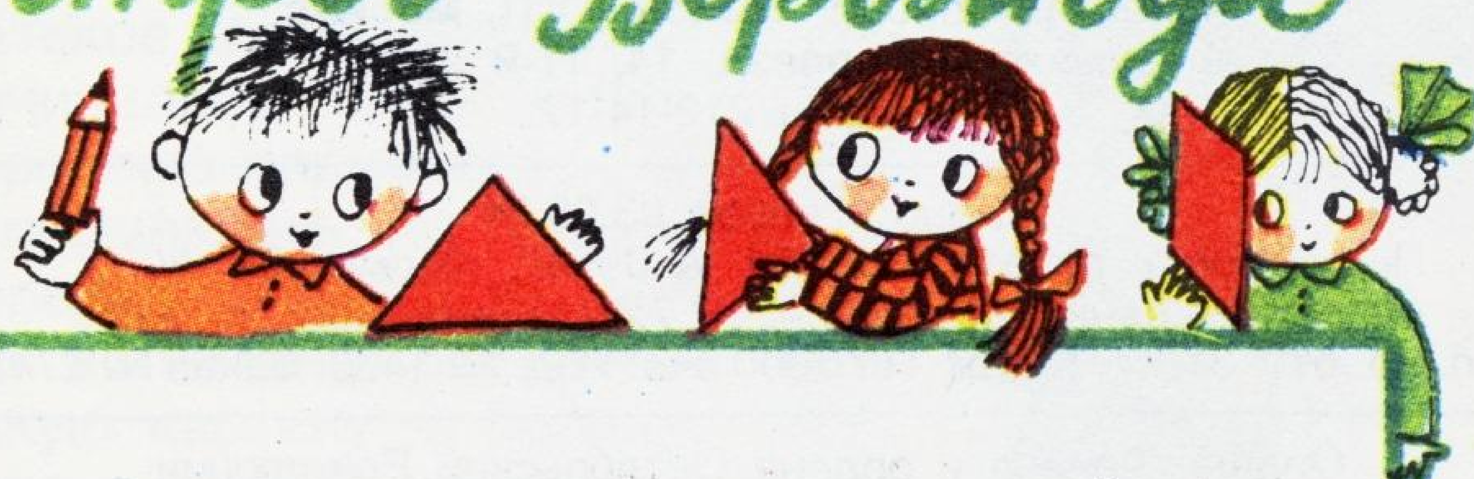
Прошу найти меня на острове Верблюда.
Где я — подскажет вам логический квадрат.
Но чтоб такое совершилось чудо,
Необходим на редкость острый взгляд!

Сложите остров из семи частей,
И в точке, где три линии сойдутся,—
Моя палатка! Действуйте смелей!
Настойчивость и ум решения добьются!

Остров Верблюда

Примечание: квадрат скопируйте и вырежьте части из картона.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 6

Игры Деда Буквоеда

Серединки: сокол, атака, удача.

Игры Лупы и Пинцета

Картмашки. 1 — Исландия и Гренландия; 2 — Бутан; 3 — Финляндия; 4 — Гренландия; 6 — Вьетнам; 7 — Австралия; нет марок для картмашка 5 — Мексика и США.

И ЗАГОРИТСЯ ЗВЕЗДА ТИМУРА

Ветераны войны... Каждый человек, родившийся в мирное время, должен знать, кому он обязан счастливой жизнью. И тимуровцы нашего города помнят об этом.

Мы постоянно шефствуем над теми, кто лечится в палатах ветеранов Великой Отечественной войны 6-й городской больницы. На все праздники ребята приходят сюда с подарками, цветами, концертами. А в Новый год — со Снегурочкой и лесными зверями, новогодними листовками и символом праздника — зеленой елочкой.

Ежегодно в мае проводим операцию «Красные звезды Тимура». В этом году тоже было много работы. Звезды появлялись на домах участников войны не тайно, а в присутствии всего тимуровского отряда, близких, знакомых, соседей ветерана. Ребята рассказывали о жизни этого человека, о его боевом пути.

Мы стараемся не забывать ветеранов, а они платят нам вниманием и любовью тоже.

Штаб «Тимура», Дом пионеров № 1, г. Днепропетровск.

ТЕЛЕГРАФ ТЧК ТЕЛЕГРАФ ТЧК

Мы решили помогать нашей первой учительнице Ольге Николаевне Шеремет и ее мужу Петру Фомичу, ветерану войны. Наша команда помогает также ветеранам войны и труда и всем жителям деревни, а живем мы в селе Лясковичи.

Тимуровская группа, д. Лясковичи, Гомельская область.

Пишут вам болгарские пионеры из села Паисиево. С интересом читаем журнал «Пионер», следим за тимуровской работой советских школьников. А сегодня хотим рассказать о своем шефстве над ветеранами войны. Мы помогаем им по хозяйству, не забываем поздравить с праздником. В День болгарской армии — 23 сентября и День Победы мы приглашаем их на встречу в школу. Мы любим наших ветеранов и гордимся ими.

Училище «Хр. Ботев», с. Паисиево-7681, Народная Республика Болгария.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
60 лет с именем Ленина. — Рисунок А. Борисова.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 03.05.84.
Подписано к печати 21.05.84. А 09582. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,85.
Усл. кр.-отт. 31,17. Тираж 1670000 экз. Изд. № 1466. Заказ № 2748.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

«Москва, радио, Сказочнику» — письма с таким вот необычным адресом получает **народный артист РСФСР, главный режиссер Главной редакции радиовещания для детей Николай Владимирович ЛИТВИНОВ.** *Получает и нисколько не удивляется: это он и есть Сказочник! Его голос знаком всем еще с давних, детсадовских времен. Вместе с корреспондентом «Переменки» Мариной Потоцкой мы побываем в гостях у Николая Владимировича Литвинова.*

...В служебном кабинете Сказочника нет никаких сказочных вещей! Письменный стол, стулья, телефон... И сам он с виду вполне обычный человек. Даже обидно! Но вот Сказочник начинает говорить, и я понимаю, что не ошиблась — голос у него необыкновенный!

— Я уже очень давно работаю Радиоволшебником. Кого только не сыграл за эти годы! Кем только не был — и зверем, и птицей, и мальчишкой, и стариком, и муравьем, и крысой, и клеем, и диваном, и почтовой маркой, и трамвайным билетом...

— А как вы играли трамвайный билет, Николай Владимирович?

— Мне показалось, что он должен быть таким старым, истертым, поэтому у него сиплый, дрожащий голос... того и гляди порвется!

— А почтовая марка? Какой она у вас была?

— О, это была очень нервная особа, очень тонкая, ее все раздражало, все сердило... Такой она у меня и получилась.

— Кто ваш любимый сказочный герой?

— Пожалуй, все-таки Буратино. Я сыграл его много лет назад. Это было время, когда детское радиовещание только начиналось. Тогда детские да и взрослые радиопередачи редко записывались на пленку — они передавались в эфир «живьем», как в театре. Представьте себе такую картину: в большой комнате — студии — огромное количество народу: актеры, оркестранты, специалисты-шумовики... Здесь же, разумеется, режиссер передачи. И вот по сигналу звукооператора (он тогда назывался красивым словом «тонмейстер») актеры у микрофона начинают говорить текст, шумовики — «делать бурю» или, скажем, конский топот, а оркестр — играть музыку. Всем надо действовать очень точно: у приемников, или, как тогда говорили, у репродукторов, сидели наши слушатели... Так получалось чудо — Радиоспектакль.

Вот тогда-то и появился на свет наш Буратино. Мы с режиссером долго не могли найти для него голос; нам хотелось, чтобы это был настоящий голос деревянного человечка! Нашли случайно, когда перематывали магнитофонную пленку. Слышали, должно быть,— при перемотке, если не выключить звук, как будто птица щебечет? Вот из этого щебета после долгих экспериментов и родился голос Буратино!

— В радиоспектакле «Золотой ключик» вы один сыграли все роли?

— Да. Играл и пел — соло, дуэтом и даже квартетом!

— Вы волшебник-невидимка: ребята по радио слышат только ваш голос. Не хотелось ли вам когда-нибудь стать видимым?

— А я не всю жизнь был невидимкой — когда-то работал в драматическом театре, играл на сцене. Но посудите сами — разве в театре можно сыграть лягушку-путешественницу: как она летит вместе с утками над полями, над лесами, а потом из-за собственной глупости падает в болото?.. А клей разве можно сыграть? А волшебный горшочек, который знает, кто что варит, кто что жарит?.. Нет, радио я бы ни на что не променял!

— Кем, по-вашему, интереснее быть: слушателем или зрителем?

— И то интересно, и другое. Слушателю приходится фантазировать, воображать то, что происходит в радиоспектакле. Например, того же Оловянного Солдатика каждый представляет по-своему! Мне это кажется интересным. Я очень ценю этот дар воображения!

— Николай Владимирович, можно вас спросить... Что у вас вон в том большом портфеле? Что-нибудь необыкновенное?

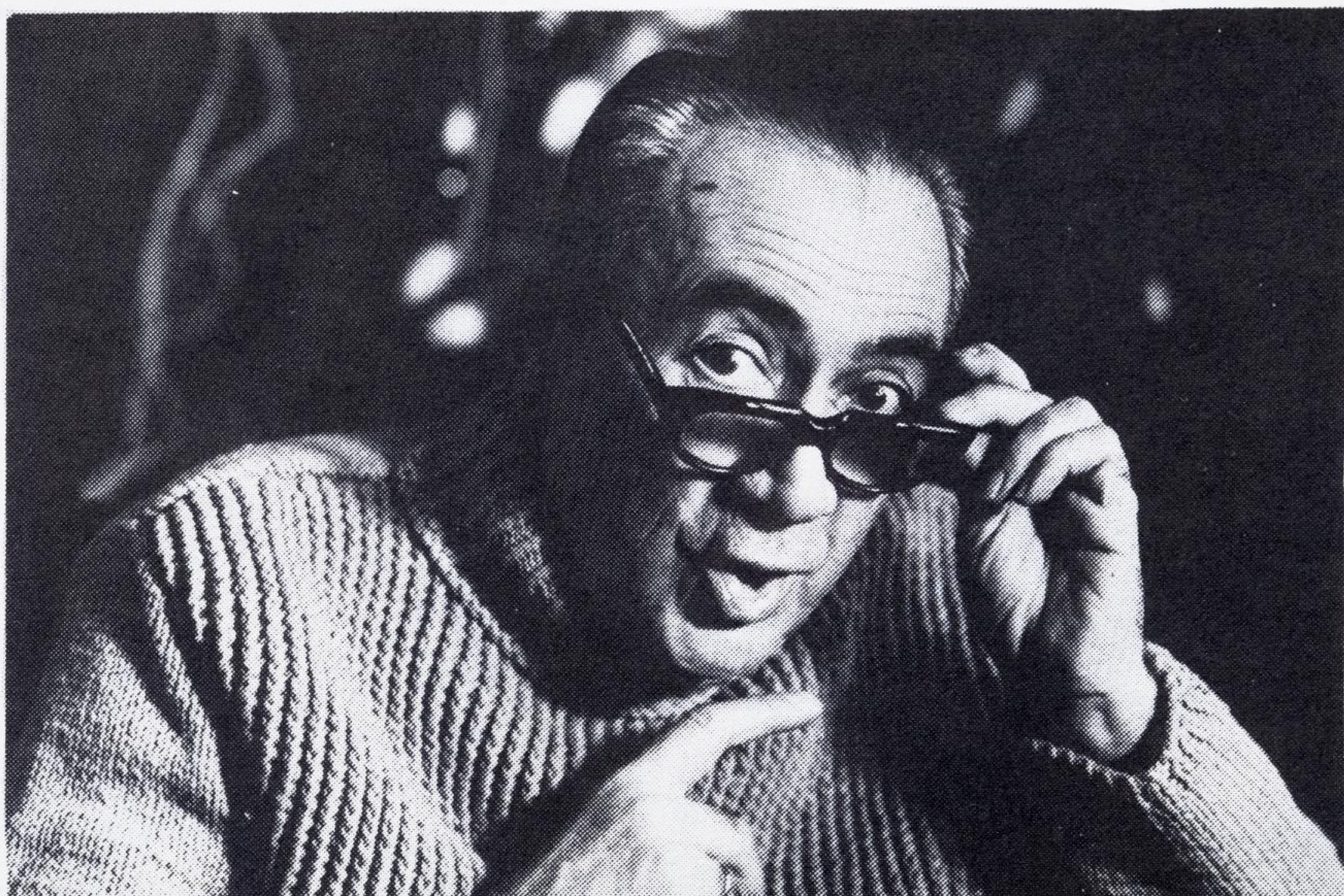
— Конечно! Это письма от радиослушателей. Вот, например: «ДАРАГОЙ СКАЗОЧНИК! Я ПОСЛАЛА ВАМ БЕЛАЧКУ, СШЫЛА ЕЕ САМА. МНЕ 6 ЛЕТ». Пишут внуки, пишут бабушки: «С детства помню ваш голос...» Так что мне иногда кажется, будто я ровесник моему герою, старику Хоттабычу, которому пять с лишним тысяч лет!..

На столе у Николая Владимировича звонит телефон. Я знаю — это его вызывают на запись в радиостудию. Мы прощаемся, и я думаю: «Как жалко, что Сказочника не узнают на улице! Он же действительно настоящий волшебник...»

Фотография И. ГНЕВАШЕВА.

Моим дорогим друзьям – читателям «Пионера» и слушателям радио душевный привет и всего самого светлого!

Н. Литвинов

Ребята нашего двора

Стихи Я. ХОЛЕЦКОГО.

Музыка Т. ХРЕННИКОВА.

В наших играх
Мы уходим
В бой за счастье
Всей родной земли.
В наших играх
К ярким звездам
Нас уносят
Чудо-корабли.

В наших играх
Все девчонки,
Все мальчишки
Верят в чудеса,
Там, где снова
Плещут звонко
В дружном хоре
Наши голоса!

Припев:
Играют весело
Ребята нашего двора,
И дружит с песнею
Спортивная игра.
Она ребят ведет
Дорогой звонких дел вперед.
И в новый день
Нас всех зовет!

В наших играх
Может каждый
Стать героем
Песен славных дней.
В играх тоже
Очень важно
Сделать смелость
Песнею своей!

Припев:
Играют весело
Ребята нашего двора,
И дружит с песнею
Спортивная игра.
Она ребят ведет
Дорогой звонких дел вперед.
И в новый день
Нас всех зовет.

Marciale ♩=120

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.